

А.Д. Куманьков

Современные классики теории справедливой ВОЙНЫ:

М. Уолцер,
Н. Фоушин,
Б. Оренд,
Дж. Макмахан

Посвящается моим сыновьям —
Егору и Ивану

Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики
Факультет гуманитарных наук
Школа философии

А.Д. Куманьков

Современные классики теории справедливой ВОЙНЫ:

М. Уолцер,
Н. Фоушин,
Б. Оренд,
Дж. Макмахан

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2019

УДК 172.4

ББК 87.7

К 908

Печатается по решению Ученого совета факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Монография подготовлена в результате проведения исследования (№15-01-0141) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ

Рецензенты:

профессор, доктор философских наук *Б. Н. Кашников*
(Школа философии НИУ ВШЭ)

профессор, доктор философских наук *А. В. Соловьев*
(Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина)

Куманьков А. Д.

К908 Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан / А. Д. Куманьков. – СПб.: Алетейя, 2019. – 268 с.

ISBN 978-5-907115-46-0

Монография посвящена малоизученной в отечественной научной литературе теме – современной теории справедливой войны. В центре внимания автора – концепции справедливой войны М. Уолцера, Н. Фоушина, Б. Оренда и Дж. Макмахана. В работе подробно разбирается специфика интерпретации теории справедливой войны каждого из этих авторов, выявляются теоретические основания их концепций и определяются ключевые направления развития теории справедливой войны в XXI в. Кроме того, в книге рассматривается история становления теории справедливой войны.

Работа носит междисциплинарный характер и адресована широкому кругу читателей – философам, историкам, специалистам по международным отношениям и международному праву, а также всем, кто интересуется проблемами философии войны, этики и политической философии.

ISBN 978-5-907115-46-0

9

УДК 172.4

ББК 87.7

© А. Д. Куманьков, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Введение

Авторы опубликованной полтора десятилетия назад книги «Нравственные ограничения войны» отметили «национально обособленный характер дискуссий о военной этике»¹, и следует признать, что с момента публикации этой книги мало что изменилось. Локальность и строго выраженный национальный характер этих дискуссий осложняют возможность построения универсальной системы этики войны, несмотря на то что в настоящее время войны, даже не будучи мировыми, имеют непосредственное влияние на всё мировое сообщество. Глобальный эффект локальной войны может быть непрямым, но он обязательно проявит себя в том или ином виде: через перераспределение политических ролей, появление неконтролируемого потока мигрантов или изменение цен на природные ресурсы. Такой глобальный характер современных вооружённых конфликтов, казалось бы, должен стимулировать создание единого фронта мыслителей, занятых решением проблемы сдерживания войны, однако этого не происходит. Интерпретация феномена войны напрямую зависит от специализации исследователя — будучи пропущенной через оптику права, экономики, политической теории, социологии, психологии, истории или антропологии, война получает самые разнообразные оценки, зачастую противоречащие одна другой. При этом нередко вопрос о моральном статусе войны выводится на второй план или вовсе не принимается во внимание.

Однако философская дискуссия о войне довольно богата. В рамках философии войны выделяется несколько крупных парадигм — политический реализм, пацифизм, милитаризм и теория справедливой войны. В этой книге

¹ Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / Под ред. Кошпитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р. — М.: Гардарики, 2002. С. 7.

речь пойдёт о мыслителях, представляющих современный этап развития теории справедливой войны. Об этой нормативной теории войны сложно говорить обобщённо в силу огромного числа её последователей и различиях в их теоретических позициях. Ежегодно появляются десятки, если не сотни работ, концептуализирующих те или иные положения теории справедливой войны. Зачастую теории справедливой войны подходят совершенно по-разному к интерпретации одних и тех же норм и понятий и активно полемизируют между собой. Однако всех их объединяет общий подход к решению вопроса об этическом обосновании войны — они разделяют веру в то, что «существует хотя бы теоретическая возможность судить об определённых войнах как справедливых, а также допустима теоретическая вероятность существования нравственных правил, которыми следует руководствоваться во время боевых действий»².

Можно сказать, что теория справедливой войны — это одна из доктрин этики войны, доказывающая нравственную приемлемость некоторых войн. Основная задача теории справедливой войны — объяснить, когда и почему война может считаться морально обоснованной, а также указать допустимые способы её ведения. Структура этой теории определяется разграничением двух категорий принципов, которые принято обозначать латинскими терминами *jus ad bellum* и *jus in bello*. Принципы *jus ad bellum* позволяют сделать вывод об обоснованности вступления в войну, а *jus in bello*, в свою очередь, предписывают нормы должного поведения во время войны. Подробнее об этих двух категориях принципов в их современной интерпретации мы поговорим в третьей главе этой книги. В последнее время началось активное обсуждение ещё одной, третьей категории принципов — *jus post bellum*, определяющих понятие справедливости на завершающей стадии войны, когда боевые действия уже завершены и встаёт вопрос о построении справедливого послевоенного мира.

² Frowe H. The Ethics of War: an Introduction. Abingdon: Routledge. 2011. P. 4.

Принципам *jus post bellum* мы уделим внимание в четвёртой главе, посвящённой Б. Орендю.

В узком смысле теория справедливой войны представляет собой инструмент, позволяющий определить моральную приемлемость каждого вооружённого конфликта. Применение её в таком случае сводится к технической проверке войны на соответствие всем принципам *ad bellum*, *in bello* и *post bellum*, и если ни один из них не нарушается, война признаётся справедливой, нравственно обоснованной. Но к этому следует добавить, что теория или традиция справедливой войны может пониматься и в широком смысле — как «язык, на котором мы рассуждаем о конкретных войнах»³. Многие теоретические концепты, предложенные авторами теории справедливой войны, прочно закрепились в естественном языке и стали общепринятыми понятиями, к которым мы обращаемся в том числе и в наших частных беседах. К ним относятся, например, понятия самообороны, агрессии, военной необходимости, различия статусов комбатанта и нонкомбатанта и множество других.

Традиционно для теории справедливой войны отводят место между пацифизмом и реализмом. Эту точку зрения как правило озвучивают и сами сторонники этой концепции. Считается, что теория справедливой войны борется за пацифистский идеал отказа от насилия, но предполагает, что в данный момент обеспечение и поддержание мирного состояния невозможно без применения военной силы, что и позволяет говорить о близости с реализмом, согласно которому вооружённое насилие признаётся легитимным инструментом политики. Однако подобная локализация теории справедливой войны не кажется нам удачной. Вслед за Б.Н. Кашниковым⁴ мы по-

³ Walzer M. *Arguing about War*. New Haven & London: Yale University Press. 2006. P. x.

⁴ Эта идея неоднократно высказывалась Б.Н. Кашниковым, например, об этом подробно говорилось в его докладе «Just War Theory as War, Justice and Theory» на франко-российской конференции «Toward a Fair Concept and Theory of Just War», которая состоялась в Москве 9-11 марта 2016 г.

лагаем, что на самом деле место теории справедливой войны находится между пацифизмом и милитаризмом и это необходимо учитывать, чтобы точнее понять сущность этой нормативной концепции. Теория справедливой войны близка милитаризму именно в силу признания нравственной приемлемости войны в определённых ситуациях. Как и милитаризм, она говорит о моральном оправдании войны, в то время как реализм вообще не предполагает политического мышления в категориях морали и обосновывает войну как политически выгодное предприятие, опуская вопрос о нравственности применения силы. Для реалистов характерен моральный агностицизм и релятивизм, с которым идея справедливой войны не имеет ничего общего⁵. Теория справедливой войны оказывается, таким образом, между двумя крайностями: пацифистским отрицанием войны и милитаристским нравственным оправданием войны.

Большинство авторов, которые занимаются проблемой справедливости войны, работают в университетах США, Канады и Великобритании. Однако было бы ошибкой делать вывод, что теория справедливой войны — это сугубо англо-американское направление в философии войны. В Северной Европе активно действует группа учёных, объединённых в Северную военную сеть (The Nordic War Network). В сообщество входят исследователи из Норвегии (Институт исследований мира в Осло), Швеции (Стокгольмский центр изучения этики войны и мира, Гётеборгский университет) и Дании (Орхусский университет). Теория справедливой войны находит немало сторонников во Франции, Нидерландах, Бельгии, Германии и других европейских странах. Включаются в дискуссию о нравственном ограничении войны и учёные из Азии и Южной Америки.

Но теория справедливой войны представляет интерес не только как академическая концепция, получившая ши-

⁵ Coates A.J. *The Ethics of War*. Manchester: Manchester University Press. 1997. Pp. 32–33.

рокое распространение. Эта доктрина инкорпорируется в международное гуманитарное право, используется политиками и специалистами по международным отношениям, включается в образовательные программы для подготовки профессиональных военных и, таким образом, создаёт наравне с концепцией политического реализма идейное поле, которое формирует представление западного мира о войне. Применение вооружённой силы в качестве средства решения конфликтов требует теперь не только правового, но и морального обоснования. В связи с этим дискуссия о нравственном сдерживании насилия и войны сохраняет свою значимость и можно прогнозировать, что её роль будет только усиливаться.

Однако в России в настоящее время обсуждение войны с этических позиций практически не ведётся, а философские традиции интерпретации войны и, в частности, теория справедливой войны остаётся малоизвестной и малоизученной. Во многом это объясняется пассивным отношением со стороны власти и общества к философско-нормативному дискурсу войны и отсутствием привычки к взвешенной этической рефлексии относительно феноменов политики. Это резко контрастирует с тем, что исторически Россия была активно включена в работу по созданию международно-правовой доктрины войны: можно вспомнить мирные конференции, которые проводились в Российской Империи или были инициированы российским правительством. Кроме того, в дискуссию о смысле и нравственном содержании войны были вовлечены и ведущие мыслители России конца XIX–начала XX вв⁶. В

⁶ Вот лишь некоторые из работ отечественных мыслителей: *Соловьёв Вл.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. // Его же. Сочинения в 2 тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1988; *Франк С.Л.* О поисках смысла войны // Русская мысль. — 1914. — № 12; *Степун Ф.А.* Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Издательство «Водолей», 2000; *Трубецкой Е.Н.* Смысл войны. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1914; *Эрих В.Ф.* Меч и крест. Статьи о современных событиях. — М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915; *Энгельгардт М.А.* Вечный мир и разоружение. — СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899; *Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. — Пг.: Типография А.С.Суворина, 1915; *Снесарев А.Е.* Философия

настоящее время мы не наблюдаем подобного интереса к проблемам этики войны со стороны российских философов. Лишь несколько исследователей занимаются сейчас исследованиями по этой тематике: Б.Н. Кашников, Р.Г. Апресян, А.В. Соловьёв, Е.С. Соколов, А.А. Скворцов, А.В. Михайловский, Т.А. Дмитриев, В.Л. Близнеков⁷.

Проблемы войны и мира в России рассматриваются в первую очередь с позиций истории политических и правовых учений, социологии или политической науки. Но подобные исследования лишены осмысления самого феномена войны и этического анализа этого явления. Практически отсутствуют работы специалистов по этике, посвящённые комплексному рассмотрению проблемы войны, учитывающие особенности развития политики и международных отношений в XXI в. Подобное положение

войны. — М.: Финансовый контроль, 2003; Ильин И.А. Основное нравственное противоречие войны // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. — М., 1999; Керсновский А.А. Философия войны. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012.

⁷ Кашников Б. Н. Введение в теорию справедливости. Какая теория? Чья справедливость? // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 1. С. 303-314; Кашников Б.Н. Война как массовый протест // Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред.: Б.Н. Кашников, А.Д. Куманьков. СПб.: Алетейя, 2016. С. 77-86; Апресян Р.Г. Метаэтическое содержание принципов справедливой войны // Полис, 2002, № 3. С. 385-403; Апресян Р.Г. Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. Вып. 3 / Отв. ред. А.А.Гусейнов. М.: ИФРАН, 2002. С. 139-165; Соловьёв А.В. Метаморфозы войны в современную эпоху // Безопасность Евразии. 2015. № 1. С. 238-241; Соловьёв А.В. Диалогичность войны // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 6. С. 71-83; Соколов Е.С. Не мир вам принес... // Логос. 2013. № 2 (92). С. 245-248; Соколов Е.С. Война как бриколаж // М.: Издательство Института Гайдара, 2015; Скворцов А.А. Русская религиозная этика войны XX века. М.: МАКС Пресс, 2002; Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216-230; Михайловский А.В. Великая война и интеллектуалы // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 178-182; Михайловский А.В. Пещера Фалтира и чудо Пятидесятницы. Идея русского миссионизма в политической публицистике Е.Н. Трубецкого // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 45-55; Дмитриев Т.А. Войны XXI века // Сократ. 2010. № 2. С. 30-35; Близнеков В.Л. Генезис понятия справедливой войны в европейской культуре // Сократ. 2010. № 2. С. 26-29.

делает невозможным интеграцию российской мысли в мировую дискуссию о философии войны и в общегосударственном масштабе затрудняет построение полноценного диалога с ведущими мировыми державами.

Кроме того, существует языковая сложность с восприятием понятия «справедливая война». Концепт *bellum justum* или *just war* может быть переведён на русский язык и как «справедливая» война, и как «обоснованная» война, и как «правовая» или «законная» война. В европейских языках этические и правовые коннотации соединяются в понятии справедливости, сама мораль наделяется правовым содержанием. Такая правовая трактовка этики не характерна для русского языка и русской мысли. Этическая составляющая в понятии справедливой войны занимает для нас доминирующее положение по отношению к правовой. Это затрудняет мышление в категориях справедливой войны, поскольку в моральном плане любая война представляется неприемлемой и несправедливой по определению. Вследствие этого все, кто говорит о справедливой войне, причисляются к циничным милитаристам, прикрывающим свои агрессивные замыслы благовидным рассуждениями об этике.

Само словосочетание «справедливая война» не свойственно русскому языку, равно как и представление, что справедливой можно назвать войну, которая ведётся по каким-то правилам. Скорее сам духовный характер войны будет говорить о её оправданности. В большей степени мы привыкли давать моральное оправдание войне, определяя её как «священную», «отечественную» или «народную». Война получает легитимацию только тогда, когда сакрализуется и становится делом всего народа. Кроме того, такая война воспринимается как вынужденная, оборонительная или превентивная⁸. То есть, войны, которые ведёт Россия, справедливы в том числе и потому, что ей приходится отбиваться от врагов или предотвращать их веро-

⁸ Колесников А. Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян эпохи осажденной крепости / Рабочие материалы Московского центра Карнеги. — М.: Самполиграфист, 2016. С. 4.

ломные атаки. В противном случае она не будет считаться обоснованной, её не одобряют современники и забудут потомки, что и произошло практически со всеми конфликтами, в которых участвовал СССР и Россия после Второй мировой войны.

Однако стоит оговориться, что неоднозначность в расшифровке ключевого для теории справедливой войны термина «справедливость» характерна и для самих сторонников этой теории. Понятие справедливости понимается теоретиками очень по-разному. Авторы книги «Нравственные ограничения войны» указывали, что в рамках их работы «справедливость означает беспристрастность»⁹. При этом под беспристрастностью понимается равное внимание и равное уважение к каждому человеку, политическому сообществу, государству. Х. Сисе, рассуждая о головоломке справедливой войны, пишет, что понятие справедливости в политической сфере предполагает «ценность жизни любого человека и основополагающую важность защиты всего живого и сохранения мира»¹⁰. В этой связи уместно говорить о справедливых причинах объявления войны и справедливых способах её ведения, и большинство теоретиков справедливой войны согласилось бы именно с таким определением справедливости. Зачастую «справедливость» используется как синоним «оправданности» (в первую очередь в моральном плане) или «легитимности». И именно в таком смысле это понятие и будет употребляться в этой книге.

Изоляции российской философии из дискуссии о нравственном ограничении войны способствует также отсутствие переводов программных работ, раскрывающих философские подходы к феномену войны. Хотя в последнее время были переведены некоторые действительно значимые работы, оставившие заметный след в дискуссии

⁹ Нравственные ограничения войны. С. 40.

¹⁰ Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. — М.: Весь мир, 2007. С. 47.

о войне¹¹, совершенно неизвестны широкому кругу читателей такие авторы, как Херффрид Мюнклер, Питер Сингер или Роберт Холмс¹². Стоит отметить два упоминавшихся исследования, опубликованных на русском языке: монографию «Нравственные ограничения войны», выполненную интернациональным коллективом авторов, и книгу Хенрика Сисе «Справедливая война?»¹³. Эти работы служат хорошим введением в проблематику теории справедливой войны и отображают основные принципы и механизмы её работы. Они позволяют получить представление о категориях *jus ad bellum* и *jus in bello*, то есть, о том, что можно назвать ядром теории справедливой войны, а также о перспективах их практического применения и месте доктрины *bellum justum* среди других этических теорий войны.

Цель настоящего исследования — сделать ещё один шаг в дальнейшем изучении теории справедливой войны. Российскому научному сообществу будут представлены ключевые фигуры современной теории справедливой войны, сопоставлены концепции четырёх авторов — М. Уолцера, Н. Фоушина, Б. Оренда и Дж. Макмахана, выявлены этические основания их концепций и определены возможности практического применения доктрины справедливой войны к новым типам вооруженных конфликтов. Мы не ставим задачу полемизировать с этими авторами и скорее ориентируемся на как можно более полное и точное раскрытие сущности их концепций, что

¹¹ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. — М.: Изд-во «Европа», 2011; Калдор М. Новые и старые войны. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015; Кревельд М. ван. Трансформация войны. — М.: Альпина Паблишер, 2005; Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. — М.: Праксис, 2002; Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006.

¹² Münkler H. Die neuen Kriege. Reinbek: Rowohlt. 2004; Singer P.W. Wired for War. The Robotics Revolution and 21st Century Conflict. New York: Penguin, 2009; Holmes R. The Ethics of Nonviolence: Essays by Robert L. Holmes. New York: Bloomsbury. 2013.

¹³ Cise X. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах.

позволит русскоязычному читателю составить представление об основных проблемах, обсуждаемых в настоящее время сторонниками теории справедливой войны.

Книга состоит из пяти основных частей. В первой главе будет представлена краткая история теории справедливой войны и выделены наиболее важные этапы её развития. Затем последуют четыре главы, каждая из которых посвящена одному из выбранных нами для подробного исследования авторов: М. Уолцеру, Н. Фоушину, Б. Орендю и Дж. Макмахану. Выбор именно этих авторов определён в первую очередь оригинальностью их работ и их влиянием на философский дискурс войны. Все они по праву могут быть названы современным классиками теории справедливой войны, их работы пользуются большим вниманием, читаются, переиздаются, становятся предметом горячих дебатов и споров. Но что ещё важнее — каждый из них задаёт определённую парадигму этического анализа войны, поэтому знакомство с этой четвёркой авторов позволит составить представление о ключевых дискуссиях в рамках современной теории справедливой войны.

С именем Уолцера связан ставший уже ортодоксальным подход к теории справедливой войны, без ссылок на его работы не обходится ни одно обсуждение или исследование, затрагивающее вопросы этики войны. Уолцер стоит на позициях легалистской парадигмы (*legalist paradigm*) или парадигмы национальной обороны (*national defense paradigm*). Согласно этим парадигмам, мировое сообщество, состоящее из суверенных государств, должно управляться едиными законами, подобно тому, как граждане одного государства подчиняются законам этого государства. Единственным обоснованным случаем применения вооружённой силы признаётся самооборона, т.е. защита политическим сообществом своего права на целостность и суверенитет. Н. Фоушин развивает парадигму асимметричной войны (*asymmetric war*). Он предложил нестандартный способ адаптации теории справедливой войны к меняющемуся характеру войн нашего времени,

отделив концепцию, работающую с конвенциональным войнами, от теории иррегулярных войн. Б. Оренд действует в рамках парадигмы прав человека (*human rights paradigm*), согласно которой обязанность государств вести войны связана с их обязанностью защищать личные права человека. Оренд предложил ряд новаций теории справедливой войны, в частности именно он инициировал дискуссию о справедливости *post bellum*. И наконец, Дж. Макмахан интересен своим радикально ревизионистским подходом к теории справедливой войны. Его парадигму можно охарактеризовать как ограничительную теорию справедливой войны. Макмахан встаёт на идеалистическую позицию¹⁴, согласно которой справедливой можно признать только ту войну, в ходе которой не нарушаются права человека. Все остальные войны оказываются несправедливыми. Этими позициями не исчерпывается всё многообразие современных теорий справедливой войны, но они во многом парадигмальны, поэтому с обращение к ним будет полезно начинать знакомство с актуальными проблемами этики войны и мира.

Я выражаю глубокую благодарность всем, кто способствовал выходу в свет этой книги. В первую очередь, это Борис Николаевич Кашников, который поделился со мной многими идеями относительно современного состояния теории справедливой войны и при чтении ранних версий книги сделал столько ценных комментариев, что учесть их в полном объёме было невозможно. Моя жена Александра также взяла на себя труд прочтения черновиков книги, и её замечания повлияли на итоговое содержание текста. Она сделала всё возможное, чтобы обеспечить мне время для подготовки этой книги, и всё ещё с пониманием относится к моим странным занятиям. Мои родители, Елена Куманькова и Александр Богдановский, своей неустанной помощью и мо-

¹⁴ Shue H. Do We Need a 'Morality of War'? // Just and Unjust Warriors: The Moral and Legal Status of Soldiers, Rodin D., Shue H. (eds.). New York: Oxford University Press. 2008. P. 111.

ральной поддержкой много содействуют моей работе. Коллеги из Европейского подразделения Международного сообщества военной этики (Euro-ISME) всегда были открыты для обсуждения и серьёзно повлияли на формирование моего видения содержания и задач морального анализа войны. Отдельно я хотел бы поблагодарить доктора Патрика Майлема (Patrick Mileham) за его энтузиазм и готовность поделиться своим опытом исследования и преподавания военной этики. Надеюсь, его оптимизм будет оправдан и со временем в России появится сообщество, состоящее в том числе и из военных, готовое к обсуждению этического измерения войны. Невозможно назвать поимённо всех студентов и аспирантов, с которыми я взаимодействовал на различных курсах в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» и Московской высшей школе социальных и экономических наук, а также в научно-учебной группе по изучению философии войны на базе школы философии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ. Их отклики и комментарии были неоценимы.

Глава 1

Краткая история теории справедливой войны

Стремление человека ограничить распространение войн и снизить степень их жестокости проявили себя ещё в самой глубокой древности. Подобные попытки делались в «Махабхарате» (в особенности в «Бхагавадгите»), законах Ману, китайских военных трактатах, Библии. Во все времена и во всех частях света люди рассуждали о правилах ведения войны, которые помогли бы избежать чрезмерных разрушений и страданий. Однако именно в западном мире появилась устойчивая традиция нормативного осмысления войны, определяющая правила ведения боевых действий и степень личной моральной ответственности её участников. Основы этой традиции были заложены античными авторами — Фукидидом, Платоном, Аристотелем, Цицероном. Христианские авторы совместили аргументы античных философов и римских юристов с учением церкви. А авторы новоевропейской науки о международном праве секуляризировали христианскую доктрину справедливой войны. Если говорить предельно обобщённо, история развития дискуссии о нравственном оправдании войны может быть представлена следующим образом. Греческие и христианские авторы разрабатывают парадигму карательной войны, согласно которой в ходе конфликта справедливая сторона должна наказать нарушителя справедливости. Постепенно эта парадигма замещается парадигмой войны как самозащиты, в рамках которой предполагается, что единственной легитимной причиной войны является поддержание национальной безопасности, необоснованная агрессия служит достаточным основанием для вооружённого ответа, а цель войны состоит не в наказании, а в нанесении поражения противнику. В настоящей главе

мы постараемся наметить основные этапы многовековой истории развития философской мысли о войне и мире и обозначим ключевые аргументы, которые использовались для морального, теологического и впоследствии юридического обоснования войны.

Этика войны в Античности

Грегори Райхберг, современный историк теории справедливой войны, называет Фукидида первым античным автором, предложившим этическую оптику рассмотрения войны¹. Нередко Фукидид называется также первым политическим реалистом. В части пятой книги «Истории», известной под названием «Мелосский диалог», Фукидид вкладывает в уста афинян следующие слова: «право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает»². Таким образом, Фукидид формулирует максимум политического реализма, для которого характерно признание силы и военной мощи в качестве основного средства регуляции политических отношений. С другой стороны, ни в этом фрагменте, ни во всех остальных частях «Истории» позиция самого Фукидида не определяется явно и однозначно. Текст Фукидида в основном дескриптивен, за описаниями событий не следует никаких выводов — самому читателю надлежит проанализировать тот или иной эпизод борьбы Делосского и Пелопонесского союзов и дать ему моральную оценку. Но поскольку Фукидид как правило приводит мнения обеих противоборствующих сторон, читатель не может не попытаться сопоставить и оценить их. Подобный подход, а также ремарки о бессмысленности ужасов и страданий, которые сопровождают войну, позволяют сказать, что Фу-

¹ Reichberg G.M. *Historiography of Just War Theory* // *The Oxford Handbook of Ethics of War*, ed. Lazar S. and Frowe H.P. 2015. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199943418.001.0001/oxfordhb-9780199943418-e-18> (Дата обращения: 25.04.2017).

² Фукидид. *История*. — СПб.: Наука, Ювента, 1999. С. 258. V, 89.

кидид действительно вплотную подходит к этическому анализу военных конфликтов.

В диалогах Платона мы не встретим полноценной философской теории войны, однако в ряде сочинений он затрагивает проблему вооружённой борьбы. Для Платона характерно описание войны как необходимого зла, которое люди принимают, чтобы добыть мир. Уже в этом можно увидеть установку на осмысление войны с этических позиций. В «Законах» и «Государстве» война описана как неизбежная спутница политической жизни людей, но Платону как политическому и моральному философу казалось необходимым наложить на неё ограничения и сделать конфликты менее истребительными и разрушительными. Так, в «Законах» мы находим следующий принцип:

«Если кто по частному почину заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-то войной без общегосударственного решения, то и ему наказанием будет смерть. Если какая-нибудь часть государства заключит с кем-нибудь мир или пойдет на кого-либо войной, то виновных в этом стратеги привлекут к суду и в случае изобличения им грозит смертная казнь»³.

Как видно, Платон указывает, что решение о войне и мире может принимать лишь уполномоченное лицо. Эта идея закрепится впоследствии в теории справедливой войны под именем принципа легитимной власти.

Но ещё в большей степени Платона беспокоят не условия вступления в войну, а правила её ведения, ведь если мир полемичен по своей сути, то на причины, толкающие людей к войне, можно повлиять лишь незначительно. А вот способы реализации враждебности должны быть отрегулированы.

Принципиальный момент в осмыслении войны как для самого Платона, так и для большинства греческих ав-

³ Платон. Законы // Его же. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1994. С. 421. 955с.

торов и ораторов V-IV вв. до н.э., таких как Исократ, Демосфен, впоследствии Аристотель и др.⁴, состоит в восприятии ими эллинского шовинизма и проецировании его на определение норм, которые предлагаются для руководства в столкновениях греков с греками и греков с их соседями, варварскими народами. Вследствие этого возможным стало разграничение между борьбой с варварами, которую как раз и именовали войной (πόλεμος), и столкновениями между греческими полисами, которые приравнивалось к раздору или распре (στάσις). Первые признаются справедливыми, вторые — морально порицаются. Подобное теоретическое и практическое различение двух образов войны свидетельствует о характерном для указанных авторов панэллинизме, черты которого мы найдём и у Платона. Для него эллины «по природе своей друзья», поэтому междоусобица, царящая в греческом мире, свидетельствует о поразившей Элладу серьёзной болезни⁵.

Излечением станет мир, но не вечный мир, который в действительности и невозможен, а мир между греческими полисами. Представляется, что нет оснований причислять Платона к числу сторонников пацифизма и вечного мира, как это иногда делается в отечественной литературе⁶. Энджи Хоббс замечательным образом доказывает — даже в «идеальном» мире людям не удаётся усмирить яростный дух и склонность к удовольствиям, а это стимулирует распространение агрессии и, в конечном счете, приводит к

⁴ См. *Исократ*. Панегирик // Его же. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М.: Ладомир, 2000. С. 46-80; *Исократ*. О мире // Там же. С. 149-180; *Демосфен*. 1-4 речи против Филиппа // Его же. Речи. В трех томах. Т. 3. — М.: Памятники исторической мысли, 1996. С. 45-58, 67-76, 108-145; *Демосфен*. О мире // Там же. С. 59-66; О панэллинизме Аристотеля см. *Фролов Э.Д.* Панэллинизм в политике IV в. до н. э. / *Античная Греция. Проблемы развития полиса: в 2 т.* Т. 2. — М.: Наука, 1983. С. 157-208.

⁵ *Платон*. Государство // Его же. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. — М.: Мысль, 1994. С. 248-249.

⁶ *Мочалова И.Н.* Может ли война быть оправдана? (о философии войны в контексте идеологии панэллинизма IV в. до н. э.) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2010. № 2 (2). С. 218-220.

войне⁷. Вождедеющее начало заставляет человека искать телесных наслаждений, а «яростный дух всегда и всецело устремлен на то, чтобы взять верх над кем-нибудь, победить и прославиться», он делает человека «честолюбивым и склонным к соперничеству»⁸. Разумное и кроткое начало души может воспрепятствовать реализации «врождённого потенциала к агрессивному поведению»⁹, что позволит избежать агрессивных войн. Но даже в мире, управляемом философами, обучающими и умиряющими своих граждан, этот сценарий остаётся лишь одной из возможностей, вероятность реализации которой не превышает вероятности реализации иных альтернатив.

Стоит принять во внимание и то, что в ряде фрагментов, например, в диалоге «Политик», Платон наравне с излишней агрессивностью явным образом порицает чрезмерное миролюбие. Рассудительные и упорядоченные политики привыкают жить мирно, со временем успокаиваются и становятся изнеженными и робкими. В результате их государства ослабевают и поработщаются¹⁰. Слишком воинственные натуры также опасны для полиса, поскольку «постоянно вовлекая свои города в войны, они из-за чрезмерной страсти к подобного рода жизни навлекают на себя вражду многих могущественных властителей и либо совсем губят свою родину, либо отдают ее в рабство и подчинение вражеским государствам»¹¹.

Избегая этих крайностей следует быть готовым к войне, но не упиваться ей, помня что хороший законодатель «станет устанавливать законы, касающиеся войны, ради мира, а не законы, касающиеся мира, ради военных

⁷ Hobbs A. Plato on War // Dominic Scott (ed.), *Maieusis: Essays in Ancient Philosophy in Honour of Myles Burnyeat*. Oxford/New York: Oxford University Press. 2007. Pp. 180-185.

⁸ Платон. Государство. 581a-b.

⁹ Hobbs A. Plato on War. Pp. 192-193. Также о связи между политической реальностью и душевной организацией, между внешней и внутренней политикой, между войной и душой см. Craig L.H. *The War Lover: A Study of Plato's Republic*. Toronto: University of Toronto Press, 1994. Pp. 16-21.

¹⁰ Платон. Политик // Его же. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. С. 65. 307e.

¹¹ Там же. 308a.

действий»¹². В «идеальном» государстве Платона военное воспитание становится одним из элементов пайдеи будущей стражи. Такое воспитание состоит не столько из гимнастических упражнений, сколько из подготовки души к военному делу¹³. Как замечает Платон в «Государстве», женщины-стражи:

«вместе с мужчинами будут участвовать в военных походах, а из детей возьмут с собой на войну тех, кто для этого созрел, чтобы они, как это водится у мастеров любого дела, присматривались к мастерству, которым должны будут овладеть с годами. Кроме наблюдения дети должны прислуживать, помогать по военной части, ухаживать за отцами и матерями»¹⁴.

Наблюдение за битвами и участие в военных играх способствуют выработке специфического этоса воина, способного хладнокровно созерцать ужасы войны.

В «Государстве», особенно в пятой книге, встречается немало замечаний о должном способе поведения во время войны, призывов проявлять в бою мужество и не сдаваться в плен¹⁵. Уделяется внимание и героизации наиболее успешных воинов¹⁶. Но также есть здесь и требования ограничить насилие в отношении своих соплеменников и «друзей» и отказаться от «опустошения эллинской земли и поджигания домов»¹⁷. Развивая панэллинистическую линию аргументации, Платон заявляет, что эллины не должны брать в рабство эллина, поскольку это несправедливо¹⁸, то есть, акцент делается именно на нравственной неприемлемости порабощения соплеменников. Нормы

¹² Платон. Законы. 628d.

¹³ Йегер В. Пайдея. Воспитание античного грека. Т. 2 / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. С. 239-240.

¹⁴ Платон. Государство. 467a.

¹⁵ Там же. 468a

¹⁶ Там же. 468d-469b

¹⁷ Там же. 470a.

¹⁸ Там же. 469c.

тивная регуляция способов ведения войны — ещё одна идея, которая будет активно разрабатываться в последующие эпохи.

Ещё один важный источник, позволяющий дополнить представление о философии войны Платона — диалог «Алкивиад», в котором Сократ обсуждает с юным Алкивиадом войну, мир и подобные проблемы политической жизни. Алкивиад указывает, что объявление войны обычно оправдывается понесённым ущербом: будь то обман, ограбление или насилие. Но порядок организации политики афинского полиса, о котором рассуждают Сократ и Алкивиад, держится не только на воздаянии обидчику, то есть, не только на принципе талиона. Для афинян первичным оказывается вопрос о справедливости понесённого ущерба, и «воевать против тех, кто действует справедливо» было бы неблагородно и противоречило бы обычаю¹⁹. Иными словами, не всякое насилие и не всякая война, пусть даже и вызванные агрессивными действиями оппонента, могут считаться приемлемыми. Платон явным образом поднимает здесь проблему справедливости и обоснованности войны: «на мой вопрос, что является лучшим — воевать или нет, с кем именно воевать и в какое именно время, — ответом будет, что лучшее — это более справедливое»²⁰. Война не может не рассматриваться вне контекста решения вопроса о политической справедливости. Но что такое политическая справедливость, в чём заключается справедливое причинение ущерба или насилия? Сократ не даёт ответа, хотя Алкивиад у изначально кажется, что сам он различает справедливое и несправедливое. Эта ситуация незнания справедливого крайне опасна: «мы *упустили* начало войны, столкновение нас самих с самими же собой, и упустили, что война, так сказать, сильнее нас, что бытие и ничто, добро и зло в войне раньше нас и шире нас, с большим размахом, чем мы, и не

¹⁹ Платон. Алкивиад. 109b-d.

²⁰ Там же. 109d.

нам ее решать, не мы победим»²¹. Возможно, именно поэтому следующим шагом в философском осмыслении войны стал поиск определения справедливых условий вступления в войну и способа её ведения.

След за Платоном Аристотель также рассматривает войну как вечную спутницу политики. И именно Аристотеля зачастую называют родоначальником доктрины справедливой войны, указывая на два ключевых компонента его учения о войне. Во-первых, речь идёт о представлении о мире как основном телесе войны, а во-вторых, о разграничении естественного и узаконенного (легального) права. Первая идея представляет собой исходную точку в размышлениях в том числе и современных теоретиков справедливой войны, и отсылка к Аристотелю помогает указать на хотя бы условную укоренённость теории справедливой войны в философской традиции. Для Аристотеля стремление к миру в политике наглядно отражает свойственное ему представление об устройстве космоса, оно повторяет то, что Аристотель говорит и о физике, и метафизике. Как выражает это Х. Арендт, «всякий род деятельности, даже и деятельность мысли, должен иметь место ради абсолютного покоя и им увенчиваться»²². В политике такой покой связан с отсутствием раздоров и войн. Решающее значение в полисной жизни должны иметь слова, а не насилие и принуждение. Разумное самосовершенствование человека (как высшая цель политической жизни) требует полноты созерцательной жизни. В «Никомаховой этике» Стагирит явным образом указывает на предпочтительность мирного состояния:

«Далее, считается, что счастье заключено в досуге, ведь мы лишаемся досуга, чтобы иметь досуг, и войну ведем, чтобы жить в мире. Поэтому для добродетелей, обращенных на поступки, область деятельности — государственные или военные де-

²¹ Бибихин В.В. Поиск своего в «Алкивиаде» Платона // Логос. № 4. (83). 2011. С. 70.

²² Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина; под ред. Д.М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. С. 24.

ла, а поступки, связанные с этими делами, как считается, лишают досуга, причем связанные с войной — особенно (никто ведь не собирается ни воевать ради того, чтобы воевать, ни готовить войну ради нее самой, ибо невероятно кроваважным покажется тот, кто станет даже друзей делать врагами, лишь бы сражаться и убивать)»²³.

Важно подчеркнуть также, что Аристотель предлагает смотреть на войну не как на цель, но только как на средство, позволяющее добыть славу и достичь мира. Война воспринимается Аристотелем как одна из практических задач, стоящих перед членами государственного сообщества, наряду с врачеванием, гимнастическим воспитанием или даже изготовлением башмаков²⁴. Но принципиально для Стагирита подчеркнуть, что война остаётся всего лишь одной из множества практик, связанных с политической жизнью.

В «Никомаховой этике» содержится и ещё один значимый элемент, актуализирующий Аристотеля в глазах современных исследователей этики войны. Стагирит пишет, что «государственное право[судие] частью естественно, частью — узаконено; оно естественно, если повсюду имеет одинаковую силу и не зависит, от признания и непризнания [его людьми]»²⁵. Право разделяется на установленное полисом и естественное — общее, соответствующее с природой и неизменное. Здесь фиксируется существование правовых и моральных категорий универсального рода, единых в своём статусе для всех людей. Это же подтверждается Аристотелем и в первой книге «Риторики»:

«Общим законом я называю закон естественный. Есть нечто справедливое и несправедливое по

²³ Аристотель. Никомахова этика // Его же. Сочинения в 4-х т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. С. 282. 1177b. Аналогичная мысль высказывается в Аристотель. Политика // Его же. Сочинения в 4-х т. Т. 4. С. 616-619 1333a-b.

²⁴ Аристотель. Никомахова этика. 1096a; 1101a.

²⁵ Там же. 1134b.

природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого... [естественная справедливость] возникла не сегодня и не вчера; она вечно живет и никто не может сказать, откуда она явилась»²⁶.

Представление об универсальном характере ряда моральных законов — краеугольный камень современного учения о справедливой войны. Для Аристотеля таким универсальным статусом обладают добродетели, поэтому вопрос об обосновании войны должен решаться не только в политико-правовой плоскости, но и в моральной. Как замечает Стагирит, «насилию, кажется, присущ до известной степени элемент добродетели; следовательно, спорить можно только о справедливости»²⁷. Насилие порочно не само по себе, а только в тех случаях, когда используется недолжным образом. Соответственно, «споря о справедливости» применения вооружённого насилия, мы должны найти принципы, которые позволили бы нравственно оправдать войну в некоторых исключительных случаях и ограничить способы её ведения.

Принимая во внимание указанные исходные положения, мы можем сделать вывод, что Аристотель считает приемлемой войну, которая вызвана справедливой причиной. К таким причинам относятся защита собственного полиса от порабощения (т.е. самооборона), а также стремление уберечься от агрессивных действий противника, упредить нападение которого можно только при помощи силы (в современной науке о войне это называется превентивной войной или упреждающим ударом). Кроме того, справедливы войны, которые ведутся ради утверждения господства и создания политического сообщества, с тем ограничением, что, во-первых, установление власти будет благом в том числе и для завоёванных, и, во-вторых,

²⁶ Аристотель. Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 59-60. 1373b.

²⁷ Аристотель. Политика. 1255a.

государство не будет слишком большим и богатым, поскольку крупные государства, как правило, быстро распадаются²⁸.

Хозяйственная составляющая конфликта имеет для Аристотеля первостепенное значение, поэтому преумножение собственности, в том числе и рабов из числа тех, кто по природе привык к повиновению, понимается как веская причина войны: «охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенными к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива»²⁹. Аристотель, таким образом, продолжает традицию своих предшественников и говорит о раздвоении войны: одну ведут между собой эллины, другая ведётся эллинами против варваров. Первая кажется Стагириту ужасным злом, но война-охота на варваров воспринимается как обоснованная и законная. При этом, как показывает П. Видаль-Накэ, приобретение рабов оказывается специфическим видом искусства, связанного с войной. Важным элементом этого искусства является стремление к поддержанию мира внутри полиса: дабы избежать восстаний рабы «должны быть чужеземцами и происходить из разных мест — тогда этническая связь между ними будет совершенно исключена»³⁰. Аристотель опять-таки следует здесь за Платоном, а также историком Феопомпом, которые высказывались схожим образом³¹.

В свете вышесказанного уместным кажется вопрос, насколько Аристотель близок к доктрине справедливой войны. Он действительно первым употребляет словосочетание «справедливая война», когда в цитированном ранее фрагменте 1256b говорит, что охота на рабов справедлива.

²⁸ Там же. 1333b-1334a.

²⁹ Там же. 1256b.

³⁰ Видаль-Накэ П. Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. — М.: Ладомир, 2001. С. 198.

³¹ Платон. Законы 777d. Высказывание Феопомпа приводится в *Афиней*. Пир мудрецов. — М.: Наука, 2004. С. 331. VI, 265b-с. См. также сообщение Афиней о войне хиосцев со своими рабами в этом же фрагменте.

Но делает ли подобное словоупотребление Аристотеля теоретиком справедливой войны? Представляется, что это не совсем верно и более уместным было бы говорить о двойственности проводимой Стагиритом моральной оценки войны. С одной стороны, он выступает как пацифист, осознающий пагубное влияние войн и желающий их прекращения. Однако замещение войн политикой, т.е. действием (*πράξις*) и речью (*λέξις*), остаётся прерогативой исключительно греческого мира. Вокруг него всегда будет бушевать мир полемоса, который требует от эллинов постоянной готовности к битве. И в этом отношении Аристотель предстаёт уже не как пацифист, а как милитарист.

Следующий этап предыстории доктрины справедливой войны связан с переоткрытием римскими юристами принципа правого дела (как мы показали, этой проблематики касался уже Аристотель) и философским рассмотрением норм ведения войны Марком Туллием Цицероном. Фредерик Рассел в своей книге по истории средневековых теорий о справедливости войны отмечает, что римским авторам необходимо было дать правовое обоснование войнам, для чего на внешнюю политику проецировались нормы гражданского права, в частности теория договорных отношений. Аналогично тому, как нарушение договора между частными сторонами позволяет потерпевшему обратиться в суд, понёсший ущерб в международных делах получает право на возмещение потерь. Однако в международных делах не существует суда, который стоял бы над противоборствующими сторонами, поэтому каждое государство, полис или община защищает себя самостоятельно, выступая в качестве судьи в своём деле³². Война в таком случае воспринимается в качестве крайней меры наказания за понесённое незаконное или несправедливое деяние, цель её заключается в пацификации нарушителя права. Мы сталкиваемся здесь с логикой имперского политического мышления, которую удачно выразил Херффрид

³² *Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press. 1975. Pp. 4-5.*

Мюнклер: «идея справедливой войны опирается на асимметрию в правовых основаниях»³³. Только одна сторона конфликта выступает с позиции права и потому признаётся справедливой, противник же рассматривается как правонарушитель, а потому участь его фактически предопределена. Впоследствии именно на такой модус рассмотрения проблемы легитимации войны будут опираться Амвросий Медиоланский и Августин Аврелий.

Цицерон, также ориентируясь на этот контекст и добавляя к нему стоическую этику с её учением о полезности нравственного и прекрасного, смотрит на войну в первую очередь как на средство разрешения правовых коллизий. Естественно, всё, что он высказывает о принципах и правилах ведения войны относится к Римской республике, и хотя римляне, по его мнению, всегда вели только справедливые войны, ему кажется необходимым высказаться о нравственной составляющей войны. Этика публичной жизни подчиняется принципу невмешательства: «первая задача справедливости — в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием»³⁴. В сочинении «Об обязанностях» Цицерон посвящает проблеме войны несколько сравнительно небольших фрагментов, однако эти фрагменты чрезвычайно насыщены идеями, которым впоследствии предстоит укорениться в философских теориях войны и закрепиться в нормах международного права. Показательна сама установка римского оратора и философа в отношении применения насилия для наказания виновного: «существует ведь мера в возмездии и наказании, и, пожалуй, будет достаточно, чтобы причинивший зло раскаялся в своем противозаконии — с тем, чтобы и сам он впредь не совершал ничего подобного, и чтобы другие были менее

³³ Мюнклер Х. Империи. Логика господства над миром: от Древнего мира до США. — М.: Кучково поле, 2015. С. 226.

³⁴ Цицерон М.Т. Об обязанностях // Его же. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М., Наука, 1993. 1.7.20.

склонны к противозакониям»³⁵. Насилие применяется для восстановления справедливости и предотвращения рецидивов. Оно должно предостерегать, но не истреблять. Это ограниченность и избирательность в средствах наказания преступника или политического оппонента будет воспроизведена Фомой Аквинским и в рамках доктрины справедливой войны утвердится в качестве принципа пропорциональности.

С.Л. Утченко предельно ёмко характеризует этику войны Цицерона: «причина подобных [справедливых] войн только одна: оборона своего государства, цель же их — прочный мир»³⁶. Цицерон поддерживает аристотелевскую идею о справедливости оборонительных войн (однако не признаёт допустимыми конфликты, имеющие целью приобретение рабов). Но силовой способ разрешения конфликтов он полагает менее приемлемым, нежели проведение переговоров, замечая, что силу способны применить и «дикие звери», в то время как обсуждение — только люди³⁷. Ссылаясь на фециальное право, Цицерон определяет, что «справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований

³⁵ Там же. 1.11.34. Возможно, Цицерон цитирует здесь Платона: «Каждому, кто несет наказание, предстоит, если он наказан правильно, либо сделаться лучше и таким образом извлечь пользу для себя, либо стать примером для остальных, чтобы лучше сделались они, видя его муки и исполнившись страха. Кара от богов и от людей оказывается на благо тем, кто совершает проступки, которые можно искупить, но и здесь, и в Аиде они должны пройти через боль и страдания: иным способом невозможно очистить себя от несправедливости. Кто же повинен в самых тяжелых и, по этой причине, неискупимых злодействах, те служат примером и предупреждением: сами они никакой пользы [из своего наказания] не извлекают (ведь они неисцелимы!), зато другие извлекают, видя величайшие, самые горькие и самые ужасные муки, которые вечно терпят за свои проступки злодеи — настоящие пугала, выставленные в подземной темнице на обозрение и в назидание всем вновь прибывающим», *Платон. Горгий*. 525b-c.

³⁶ Утченко С.Л. Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., «Наука», 1993. С. 171. Ср. Цицерон М.Т. О государстве // Его же. Диалоги. — М.: Ладомир, 1994. 3.23.34.

³⁷ Цицерон М.Т. Об обязанностях 1.11.34.

или же предварительно возвестили и объявили»³⁸. В оригинале это формулируется следующим образом: «*nullum bellum esse iustum nisi quod aut rebus repetitis geratur aut denuntiatur ante sit et indictum*»³⁹ (Курсив мой, А.К.). Как видно, в русском переводе совершенно теряется акцент на возвращении собственности или возмещении морального ущерба (*rebus repetitis*) как причинах, свидетельствующих в пользу справедливости войны. Цицерону также кажутся справедливыми войны ради поддержания славы государства, установления господства или в критических ситуациях войны на уничтожение против народа, сосуществование с которым невозможно⁴⁰. И ещё один род справедливых войн представляют собой кампании по защите народов-союзников «в силу данного им слова»⁴¹. Ф. Рассел видит в этом сопряжение стоического универсалистского идеала, призывающего к защите всех собратьев, и учения о праве народов (*jus gentium*)⁴². Итак, война — это средство восстановления изначального порядка, её нужно объявлять публично и к тому же к ней следует обращаться только как к крайнему средству. Если вооружённая сила применяется не для отмщения или отражения нападения, то моральное обоснование конфликта делается невозможным, война становится чем-то вроде разбойничьего нападения. Все эти принципы также входят теперь в доктрину справедливой войны, в особенности понимание *causa belli* в качестве ключевого элемента *bellum justum*.

Регулируются и способы ведения войны. На поле боя или при переговорах с противником надлежит обращаться благородным образом, поскольку слава, добытая бесчестием, не будет полезной и ценной⁴³. Кроме того, постоянно подчёркивается необходимость воздержива-

³⁸ Там же. 1.11.36. Ср. Цицерон М.Т. О государстве. 2.17.31; 3.23.35.

³⁹ Cicero. De Officiis. London: William Heinemann Ltd; New York: G.P. Putnam's Sons. 1928. P. 38.

⁴⁰ Цицерон М.Т. Об обязанностях. 1.12.38.

⁴¹ Цицерон М.Т. О государстве. 3.23.34.

⁴² Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. 1975. P. 7.

⁴³ Цицерон М.Т. Об обязанностях. 3.22.86-87.

ваться от жестокости при ведении боевых действий и в особенности после их окончания: «после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп»⁴⁴. Ряд исторических примеров, приводимых Цицероном, демонстрирует и поистине современный взгляд римского философа на участников военных конфликтов — к ним следует причислять только солдат, находящихся на службе. Гражданские лица или уволенные, но не покинувшие расположения легиона, солдаты не вправе браться за оружие⁴⁵.

Принципиальным для Цицерона становится вопрос об идентификации легитимного политического оппонента, т.е. врага (*hostis*). В четвёртой филиппике враг определяется как «тот, у кого есть государство, курия, казна, согласие и единодушие граждан и некоторое основание, если так сложится, и для войны, и для мира»⁴⁶. С таким справедливым врагом можно вести войну, завершая её мирным договором и восстанавливая мирные политические отношения, коль скоро, как мы помним, именно мир признаётся конечной целью войны. Не случайно Карл Шмитт обращается к этому определению в своём «Номосе земли» — подобная трактовка понятия врага явным образом соответствует шмиттовской теории оберегаемого врага. При этом Шмитт делает важное уточнение: «противник, воюющий по «несправедливой причине», еще не может на этом основании быть объявленным *injustus hostis*»⁴⁷. Несправедливым врага делает не противостояние справедливой стороне (для Цицерона — римлянам), а несправедливые действия или внеморальный статус противника. Так, в отношении пирата не действуют ни правовые, ни моральные нормы, поскольку «пират относится

⁴⁴ Там же. 1.11.35.

⁴⁵ Там же. 1.11.37.

⁴⁶ Cicero. Oratio Philippica quarta // Philippicis 3-9. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 2007. P. 196 (6.14). Перевод по Шмитт К. Номос земли в международном праве *jus publicum Europaeum*. — СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 204-205.

⁴⁷ Шмитт К. Номос земли в международном праве *jus publicum Europaeum*. С. 204.

не к воюющей стороне, а к числу всеобщих врагов всех людей, и на него не должны распространяться ни верность слову, ни клятва»⁴⁸. Это положение позволяет точнее обрисовать представление Цицерона о справедливости войны — правовое и моральное регулирование, добросовестность и умеренность уместны в отношении врага, восприимчивого к справедливости. Борьба с мятежниками, разбойниками или пиратами не требует соблюдения правил, поскольку их явление в мир политики изначально связано с нарушением права, их методы преступны и аморальны, в конце концов, с ними невозможно заключить мир.

Цицерон не создавал систематической нравственной теории войны, но мы по праву можем отметить его склонность к мышлению в духе учения о справедливой войны. Даже те немногочисленные фрагменты, в которых он высказывается о моральном измерении войны, существенно обогащают дискуссию. Не случайно именно к Цицерону обратились в IV-V вв. н.э. Амвросий Медиоланский и Августин Аврелий.

В размышлениях Платона, Аристотеля и Цицерона о войне мы обнаруживаем идею, ставшую определяющей для всей последующей традиции теории справедливой войны. Три этих классических автора античной философии выступают с критикой типичного для греков и римлян представления о войне как о привычном или даже естественном положении дел. Гераклит выразил это представление наиболее явно в 53-м фрагменте: «война (полемос) — отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными»⁴⁹, а также в 80-м: «должно знать, что война общепринята, что вражда — обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимообразно»⁵⁰. Платон явно выступает против подобного подхода в «Законах», крити-

⁴⁸ Цицерон М.Т. Об обязанностях. 3.29.107.

⁴⁹ Цит. по Фрагменты ранних греческих философов. — М.: Наука, 1989. С. 202. 29 (53DK).

⁵⁰ Там же. С. 201. 28 (80DK).

кую Клиния, убеждённого, будто «то, что большинство людей называет миром, есть только имя, на деле же от природы существует вечная непримиримая война между всеми государствами» и «все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый — с самим собой»⁵¹, а потому главное предназначение законов — подготовить полис к войне. С этим соглашались и Аристотель, и Цицерон. Именно из опровержения попытки отождествления изначального или естественного состояния с войной вырастает доктрина справедливой войны.

Христианское учение о справедливости войны

Раннехристианские авторы в большей степени склонялись к апологетике пацифизма, представления об оправданности войны в силу её естественности или неизбежности были им чужды. Тертуллиан, Ориген, Игнатий Антиохийский и многие другие мыслители первых веков новой эры последовательно отстаивали принципы ненасилия⁵². Но в IV в. христианство полу-

⁵¹ Платон. Законы. 626a-d.

⁵² Элизабет Энском начала оспаривать эту точку зрения, утверждая, что «в Новом Завете нет и намёка на признание военного дела несовместимым с христианством». По её мнению, нежелание христиан служить в римской армии связано с их резким отрицанием язычества и идолопоклонства. См. *Anscombe G. E. M. War and Murder // Nuclear Weapons: A Catholic Response. Walter Stein (ed.). London, 1961. P. 49.* Затем критика радикального пацифизма раннего христианства развивалась в: *Helgeland J., Daly R. J., Patout Burns J. Christians and the Military: The Early Experience. London: SCM Press. 1987; Johnson J. T. The Quest for Peace: Three Moral Traditions in Western Cultural History. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1987. Pp. 5–65; Yoder J. H. War as a Moral Problem in the Early Church: The Historian's Hermeneutical Assumptions // The Pacifist Impulse in Historical Perspective. Dyck H. L. (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 1996. Pp. 90–110.* Указанные авторы отмечают, что христиане в первые века новой эры не занимались абсолютизацией этики ненасилия, но скорее боролись против необходимости служить в римской армии. Согласимся, однако, с позицией Р. Кокса: «отношение ранних христиан к военной службе и насилию зависели от географии и времени, различные общины по всей империи принимали и развивали свои собственные подходы» *Cox R. The Ethics of War up to Thomas Aquinas // The Oxford Handbook of Ethics of War, ed. Lazar S., Frowe H.P. 2015. URL:*

чило статус государственной религии в Римской империи, его значение для политической жизни стало усиливаться. В результате возникла необходимость создать доктрину войны, которая не противоречила бы христианским догматам или каким-то образом соотносилась с заповедями ненасилия и миролюбия. Одним из первых к этой работе приступил Амвросий Медиоланский. В трактате «Об обязанностях священнослужителей»⁵³ он даёт наставления в моральных добродетелях, явно вдохновляясь Цицероном. Влияние римского «ритора» (как сам Амвросий обозначает в своих текстах Цицерона) столь велико, что характеристика Амвросия как «христианского Цицерона»⁵⁴, данная Ф. Расселом, кажется абсолютно точной. Среди прочих нравственных качеств Амвросий особенно выделяет благоразумие, из которого «проистекают» справедливость, храбрость («которая защищает на войне отечество от варваров») и умеренность⁵⁵. «Атлет Христов» должен быть готов подвергнуть себя опасности во имя справедливости, но он получает венец «только в том случае, если он сражается законно»⁵⁶. Обозначив этот моральный фон, Амвросий постулирует обязанность защищать своих союзников: «тот, кто не избавляет своего союзника от обиды, — буде имеет к тому возможность, — столько же виноват, сколько и тот, кто наносит эту обиду»⁵⁷. Союзническая война объявляется справедливой, но в отношении самообороны позиция Амвросия неоднозначна. В известном фрагменте из третьей книги «Об обязанностях священнослужителей» Амвросий пишет:

<http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199943418.001.0001/oxfordhb-9780199943418-e-19> (Дата обращения: 25.04.2017).

⁵³ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. — М.; Рига: Благовест, 1995.

⁵⁴ Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. P. 14.

⁵⁵ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. I. XXVII.

⁵⁶ Там же. I. XXXVI. 181-182.

⁵⁷ Там же. I. XXXVI. 178. Ср. Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. II. VII. 33.

«не думается (*videtur*), чтобы христианин, к тому же мудрый и справедливый, собственную жизнь стал бы спасать (*quaerere*) ценою смерти другого; по крайней мере, если на кого нападет с оружием в руках разбойник, он не должен защищаться, дабы, защищая (свою) жизнь, он не изменил благочестию. Об этом имеется весьма ясное наставление и в евангельских книгах: «Вложи меч твой (в ножны); кто будет поражать мечем, погибнет от меча» (Мф. XXVI:52). Какой разбойник гнуснее того, который пришел, чтобы убить Христа? Но Христос не захотел защищать себя (нанесением) ран гонителям, — (напротив) Он желал, чтобы Его раною все исцелились»⁵⁸.

Нередко в этом видят отказ в признании самообороны справедливой причиной войны. По мнению Джона Мэттокса, речь здесь идёт «исключительно о частных случаях столкновения с насилием, но не о насилии как таковом (к которому относится в том числе и война)»⁵⁹. Это позволяет Мэттоксу назвать Амвросия первым христианским автором, отошедшим от радикально пацифистского понимания слов Христа. Если принять во внимание следующий фрагмент из первой книги «Об обязанностях священнослужителей» — «никогда Давид не предпринимал войны, если только не вызывался (на то самими врагами)... А после того [после победы над Голиафом] он никогда не начинал войны иначе, как по испрошении совета (II Цар. V:19 и сл.) от Господа (*consulto Domino*)»⁶⁰ — то интерпретация Мэттокса может быть признана корректной. Самого же Амвросия в таком случае следует считать сторонником справедливости

⁵⁸ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. III. IV. 27.

⁵⁹ Mattox J.M. Saint Augustine and the Theory of Just War. London: Continuum. 2006. P. 21.

⁶⁰ Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. I. XXXVI. 177.

оборонительной войны. Но в этом фрагменте есть и ещё один момент, который однозначно разводит позиции Цицерона и Амвросия. У миланского епископа появляется идея войны, санкционированной Богом, войны, которая ведётся с божественного благословения и буквально руководимая им. Эта идея закрепится в христианском дискурсе войны, будучи усиленной Августином. Как замечает Пол Кристофер, после того, как это положение было соотнесено с учением апостола Павла о божественном происхождении политического авторитета, теория священной войны и Крестовых походов получила всю необходимую концептуальную базу⁶¹.

Относительно способов ведения войны Амвросий формулирует несколько крайне важных, в том числе и для современной теории справедливой войны, положений. Во-первых, по его мнению, вина лица, развязавшего войну, не распространяется автоматически на тех, кто сражается в этой войне на стороне зачинщика конфликта. Солдаты противника не лишаются права на нравственное отношение к ним только в силу того, что они стоят по ту сторону линии фронта. Во-вторых, христианскому воину предписывается действовать сдержанно и отказаться от чрезмерной жестокости даже, если он ведёт борьбу против напавшего на него врага. Мы встречаем также призыв к солдатам отказаться от притеснений невинных и безоружных людей. Амвросий последовательно отстаивает идею любви ко всему роду человеческому, поэтому сам способ ведения борьбы подчиняется строгим ограничениям. Давид, кроткий и милосердный правитель, выступает в качестве образца справедливого воителя, благожелательного даже в отношении своего врага⁶². Нравственный идеал победы предполагает достижения её честным путём, поскольку

⁶¹ Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall. 1999. P. 23.

⁶² Амвросий Медиоланский. Об обязанностях священнослужителей. II. VII. 33.

«кто состязается в доблести, тот не захочет побеждать (при посредстве) обмана»⁶³.

Амвросий Медиоланский внёс существенный вклад в развитие христианской доктрины справедливой войны (*bellum justum*), зафиксировав принципиальное для неё различие двух сфер — *ad bellum* и *in bello*. Комплекс *jus ad bellum* (в переводе с латинского буквально — «право на войну») и *jus in bello* («право во время войны») представляет собой набор правил, которые необходимо соблюдать, чтобы война получила статус справедливой. Фактически теория справедливой войны предполагает выделение в войне двух этапов: предвоенного и, собственно, военного. Каждому из них соответствуют свои нормы. Принципы *ad bellum* определяют условия вступления в войну — на стадии, предшествующей силовой фазе развития конфликта, государству необходимо действовать в отношении своего противника сообразно предписаниям морали и права. Ключевым принципом *jus ad bellum* является принцип правого дела, определяющий причины, которые могут санкционировать применение военной силы. Задача *jus ad bellum* — сократить число случаев, когда война становится допустимым способом решения конфликтов. Принципы *in bello* определяют допустимые способы ведения войны, запрещая применение тех или иных средств и ограничивая круг лиц, на которых можно нападать. Задача *jus in bello* — минимизировать степень жестокости и снизить количество жертв войны. Обычно считается, что *jus in bello* предписывают нормы поведения каждому участнику войны, даже рядовому солдату, в то время как *jus ad bellum* признаются прерогативой лиц, наделённых политической или военной властью и обладающих полномочиями принимать решение о начале войны. Именно Амвросий Медиоланский заложил основы языка справедливой войны и мышления в рамках категорий *ad bellum* и *in bello*.

Как отмечает ведущий историк теории справедливой войны Джеймс Джонсон, ещё в большая заслуга Амвросия

⁶³ Там же. III. XV. 91.

состоит в том, что он обосновал право христианина применять насилие для служения другим — во имя политического сообщества, к которому они принадлежат⁶⁴. В этом случае насилие не оказывается греховным. Ученик Амвросия — Августин Аврелий — синтезировал идеи своих предшественников и дополнил их рядом положений (о них будет сказано ниже), а также благодаря собственному авторитету способствовал укреплению и популяризации христианской доктрины справедливой войны.

Представления Августина о моральном обосновании применения военного насилия содержатся во фрагментах десятков его произведений. Дж. Мэттокс в своей монографии, посвящённой теории справедливой войны Августина, приводит список основных первоисточников, но даже его вряд ли можно считать исчерпывающим⁶⁵. Августин продолжил работу Амвросия Медиоланского по созданию учения о войне, которое помогло бы совместить христианские представления о насилии с политической прагматикой. Х. Мюнклер пишет о деятельности Августина как об «обороне Римской империи»⁶⁶, внутри которой только и может спастись христианская вера. Однако верно и обратное — не только империя способна сохранить христианство, но и оно само необходимо для поддержания жизни империи, поэтому среди оппонентов Августина не столько политические лидеры, сколько духовные деятели, еретики и язычники.

Болезненный вопрос о применении христианином силы Августин не оставляет без внимания, но разрешает его, как хорошо продемонстрировал Ф. Дженкинс, указанием на, во-первых, тотальную подчинённость человека Богу, а во-вторых, на невозможность постичь божественные замыслы⁶⁷. Осознание абсолютной мудрости Бога де-

⁶⁴ *Johnson J.T. Ethics and the Use of Force: Just War in Historical Perspective. Surrey: Ashgate. 2011. P. 16.*

⁶⁵ *Mattox J. St. Augustine and the Theory of Just War. Pp. 44-45.*

⁶⁶ *Мюнклер Х. Империи. Логика господства над миром: от Древнего мира до США. С. 162.*

⁶⁷ *Дженкинс Ф. Войны за Бога. Насилие в Библии. М.: Эксмо, 2013. С. 170-171.*

лает единственным модусом отношения к Нему подчинение. На это наслаивается убеждённость Августина в справедливости всякого божественного повеления. В контексте этих теологических установок выстраивается учение епископа Гиппонского о войне.

Развивая аргумент об отсутствии в Священном Писании абсолютного запрета на применение силы, Августин ссылается на Евангелие от Луки: «Спрашивали его [Иоанна Крестителя] также и воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованьем» (Лк. 3:14). В XXII книге трактата «Против Фавста» Августин даёт следующую интерпретацию этому фрагменту. Если бы Бог выступал за полный отказ от насилия, Иоанн Креститель призвал бы воинов, принимающих крещение, бросить оружие и оставить свою службу. Однако этого не случилось, что лишь подтверждает слова Христа «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22:21). Служба и подчинение законной власти фиксируются Гиппонским епископом как необходимые элементы общественного сознания христиан, а манихейский пацифизм отвергается.

Насилие необходимо, по мнению Августина, поскольку оно суть неотъемлемая часть этого греховного мира. Список пороков и грехов человеческих впечатляет, и от них невозможно избавиться в этой жизни⁶⁸. «Опустошения, убийства, грабежи, пожары, страдания, совершившиеся во время»⁶⁹ разорения Рима вестготами в 410 г., называются Августином «обычаями войны», то есть, чем-то абсолютно привычным. Истинный мир будет обрётён только в небесном царстве: «место мирного и безопасного обитания, есть место вечное, и предопределено Вечным»⁷⁰. Насилие же должно послужить борьбе с грехами в граде земном.

⁶⁸ *Августин Аврелий*. Творения. Т. 4. О граде Божием. Книги XIV-XXII. — СПб.: Алетея, Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. XX, 22. С. 555-559.

⁶⁹ *Августин Аврелий*. Творения. Т. 4. О граде Божием. Книги XIV-XXII. — СПб.: Алетея, Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. I, 7. С. 11-12.

⁷⁰ *Августин Аврелий*. О граде Божием. XVII, 13. С. 210.

Несмотря на то, что война, согласно Августину, извечный спутник обитателей града земного, принять её христианину можно только на определенных условиях. Собственно, моральное одобрение даётся войне, которая оказывается выражением божественной воли. Неоплатоническая традиция, воспринятая Августином, позволила говорить ему о высшей справедливости (Боге) и иерархии справедливого. Нисхождение по своеобразной лестнице справедливого означает отступление от Бога⁷¹. Война, в свою очередь, может использоваться как средство восстановления справедливости и, как показано ещё в Ветхом завете, в таком своём функциональном изводе она санкционирована непосредственно Богом (*bellum Deo auctore*)⁷². В этой близости божественной сферы миру политики заключается точка размежевания античной и христианской этики войны.

Идея восстановления справедливости проявляет себя во всём, что Августин говорит о войне. Справедливая война становится мстью за преступления («*iusta autem bella ea definiri solent quae ulciscuntur iniurias*»⁷³). Фредерик Рассел видит в этой формулировке нечто большее, нежели цицероновское *rebus repetitis*. Римская традиция предполагала борьбу за возвращение к довоенному *status quo*, восстановление права или компенсацию утраченной собственности. Война в категориях частного права уподоблялась компенсации. Справедливую войну в изображении Августина Рассел сравнивает с

⁷¹ Подробнее о влиянии неоплатонизма на этику войны Августина см. Mattox J. St. Augustine and the Theory of Just War. Pp. 92-116.

⁷² Augustine. Quaestiones in Heptateuchum. IV, 44; VI, 10. Цит. по Russell F.H. The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press. 1975. P. 20. Ср. «божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека..., когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением» Августин Аврелий. О граде Божием. I, 21. С. 35.

⁷³ Augustine. Quaestiones in Heptateuchum. VI, 10. Цит. по Russell F.H. The Just War in the Middle Ages. P. 18.

уголовным наказанием, накладываемым не только за нарушение права, но и за попрание морали⁷⁴.

Поскольку нравственно одобряются войны, ведущиеся с божественного благословения, справедливая война представляется Августину делом, взяться за которое может только мудрый правитель, близкий Богу:

«Но мудрый, говорят, будет вести войны справедливые, как будто бы он, если только помнит, что он человек, не гораздо более будет скорбеть, что ему необходимо вести справедливые войны; ведь если они не были бы справедливыми, ему не предстояло бы их вести, и в таком случае для мудрого войн не было бы вовсе. Несправедливость противной стороны вынуждает мудрого вести справедливые войны; и эта несправедливость должна вызывать скорбь в душе человека, потому что она несправедливость человеческая, хотя бы из-за нее и не возникало никакой необходимости начинать войну»⁷⁵.

Мудрый правитель, вступая в войну, исполняет волю Бога — он карает грешников, наказывает их за дурные деяния. Предполагается, что противник несёт вину (*culpa*) за какой-то проступок, преступление или грех, а мудрый правитель воздаёт ему. Как замечает Августин в сочинении «Против Фавста», грехи могут проявиться и во время самой войны, что даст дополнительные основания для наказания: «истинное зло на войне — это любовь к насилию, мстительная жестокость, необузданная и непримиримая враждебность, иступлённая ненависть, жажда власти (*libido dominandi*) и тому подобное; обычно сила применяется для наказания подобных пороков...»⁷⁶.

Противодействие мудрому правителю оказывается серьёзным нравственным прегрешением, поскольку ав-

⁷⁴ Russell F.H. The Just War in the Middle Ages. Pp. 18-19.

⁷⁵ Августин Аврелий. О граде Божием. XIX, 7, С. 333.

⁷⁶ Augustine. Contra Faustum. XXII. 74.

URL: <http://www.newadvent.org/fathers/140622.htm> (Дата обращения: 25.04.2017).

торитет политической организации подкрепляется божественным авторитетом, что соответствует словам апостола Павла «всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1). Прегрешения в политической сфере косвенным образом оказываются направленными против Бога, поэтому требуют жёсткого ответа, в том числе обращения к военной силе⁷⁷.

Начало войны не может оправдываться никакой иной причиной, помимо совершения противником серьёзного греховного деяния. В противном случае, если правитель движим завистью или злобой, его нельзя признать мудрым, а его войну справедливой:

«Очень многое зависит от причины, по которой начинается война, и авторитета, которым обладают ведущие её; поскольку естественный порядок, направляющий человечество к миру, определяет, что монарх должен иметь полномочия на ведение войны, если считает её целесообразной, и что солдаты должны исполнять свои военные обязанности во имя мира и безопасности своего сообщества»⁷⁸.

Церковная и светская власти действуют сообща, дабы церковь получила возможность исполнить свою миссию — вести души к спасению и истинному миру града небесного. Сила применяется для реализации этой миссии. К этому добавляется также, что война ведётся не только с целью наказать, но и исцелить грешников. Иначе спокойствия и безопасности невозможно будет достичь. Война в таком случае понимается исключительно как инструмент, позволяющий обеспечить поддержание мира, как средство, но не как цель. Если причина спра-

⁷⁷ В дальнейшем из этого положения выводился аргумент о необходимости борьбы с язычниками и еретиками. Р. Кокс небезосновательно заявляет, что рассуждения Августина о войне будут истолкованы неверно вне контекста борьбы за возвращение еретиков (в частности донатистов) в лоно церкви. Cox R. *The Ethics of War up to Thomas Aquinas*.

⁷⁸ *Augustine. Contra Faustum*. XXII. 75.

ведливой войны — совершённый грех, то финальная её цель — мир.

Наказание грешников — самая значимая и серьёзная справедливая причина войны (*causa justa*). Но не единственная. Справедливыми основаниями для применения военной силы Августин называет также возвращение захваченной собственности и самооборону (впрочем, Августин не уделяет слишком много внимания именно этому случаю применения силы, поскольку, будучи справедливой, оборонительная война незначительно отличается от «агрессивной»)⁷⁹. Война становится приемлемой в этих трёх случаях, но всё равно остаётся скорее вынужденной мерой:

«Вести войны и путем покорения народов расширять государство представляется делом хорошим для людей дурных, но для добрых — это только дело необходимости. Может это быть названо и делом хорошим, но только потому, что было бы хуже, если бы люди более несправедливые господствовали над более справедливыми»⁸⁰.

В этом отрывке мы вновь видим, что войны оказываются для мудрых и справедливых правителей неизбежной обязанностью, отказаться от исполнения которой невозможно, коль скоро возложена она Богом. Августин постоянно подчёркивает, что у правителя буквально не остаётся иного выбора, кроме как начать войну. В современных категориях эта ситуация описывается принципом крайнего средства, согласно которому война становится оправданной только когда все иные, мирные способы решения

⁷⁹ В «О граде Божием» Августин доказывает, что сопротивление римлян своим врагам было сопротивлением демонической воле, подтверждая справедливость самообороны: «римляне имели достаточное оправдание в том, что, когда на них нагло нападали враги, их вынуждала сопротивляться не жадность к славе, а необходимость охраны общественного благосостояния и свободы» *Августин Аврелий*. О граде Божием. III, 10. С. 104 и далее С. 105-106. См. также *Russel F.H.* The Just War in the Middle Ages. P. 16; 21.

⁸⁰ *Августин Аврелий*. О граде Божием. IV, 15, с. 164.

конфликта исчерпаны и не остаётся иного выбора, кроме как применить силу.

Как уже было видно в процитированных выше фрагментах, война должна находиться в ведении строго институализированной властной организации, в руках правителя. Только он может считаться законным источником решения о применении военной силы. Августин вводит тем самым ещё одно положение справедливой войны — принцип легитимной власти.

Исследователи отмечают некоторую нечеткость суждений Августина относительно того, кто именно обладает достаточным авторитетом для объявления и ведения войны. Естественно, эта роль отведена справедливому христианскому государю и его служащим, но по каким параметрам определяется справедливость христианского государя не вполне ясно. Однако всё, что Августин говорит о логике действия государя и подчинения ему, определяется весьма точно. Мудрый и законный правитель принимает решение о войне и не творит при этом греха, а государство, неспособное обосновать справедливость своих действий, уподобляется Августином разбойничьей шайке⁸¹. Справедливый господин действует не из ненависти или жажды господствовать, а из справедливости и стремления к общему благу. Армия в руках такого правителя становится всего лишь инструментом, «мечом», следовательно, с самих солдат снимается ответственность за убийство и насилие, без которых не обходится ни одна война:

«заповеди "не убивай" отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и правосудного распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью»⁸².

⁸¹ Там же. IV, 4.

⁸² Там же. I, 21. С. 35.

Подчинение приказу (в том числе отправиться в бой) становится добродетелью, а отказ от его выполнения — грехом и изменой. Итак, правитель признаётся единственным законным источником решения о войне, а его армия — единственным законным участником. Под запрет попадает участие в боевых действиях духовных лиц и частное насилие. В письме Публиколе Августин прямо указывает, что не одобряет «убийство другого ради спасения собственной жизни»⁸³, если только речь не идёт об исполнении служебных обязанностей, то есть если конфликт имеет статус публичного, а не частного.

Необходимым элементом христианской справедливой войны становится также отсутствие у солдат злых намерений и стремление отказаться от излишней жестокости в отношении врага. Как справедливо отмечает Ф. Рассел, в центре учения Августина о войне оказывается идея милосердия⁸⁴. Война понимается Августином как ценностно-нейтральная деятельность, но намерения и мотивы её участников позволяют судить о ней как о справедливой или несправедливой, соответствующей божественной воле или вступающей с ней в противоречие. Если движущей силой войны становится ненависть и желание власти, то она признаётся Августином несправедливой и запрещённой. Но если солдаты берутся за оружие по приказу мудрого правителя, защищающего справедливость и благочестие, отстаивающего общее благо, то они не делают дурного и не совершают греха. Война в этом случае становится жертвенным актом, христианский воин буквально приносит себя в жертву во имя всеобщего благополучия. Даже более того, он жертвует именно ради своего врага: «человек, который лишается свободы творить зло, терпит поражение ради себя самого»⁸⁵. Христианский правитель и воин служит всему

⁸³ *Augustine. Letter 47 to Publicola // The Works of Saint Augustine. Vol. II/1. Letters 1-99. New York: New City Press. 2001. § 5. P. 190.*

⁸⁴ *Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. P. 17.*

⁸⁵ *Augustine. Letter 138 to Marcellinus// The Works of Saint Augustine. Vol. II/2. Letters 100-155. New York: New City Press. 2003. § 2. P. 226.*

роду человеческому ради благочестия и мира. На место античного *patria* встаёт *ecclesia*, вне которой нет спасения⁸⁶ и во имя которой допустимым и даже иногда необходимым делается обращение к насилию.

Итак, Августин христианизировал и «платонизировал» учение о справедливой войны⁸⁷. Значение его для развития средневековой этики войны крайне велико, поскольку он обозначил круг причин, легитимирующих войну, и указал, что решение о войне принадлежит только лицу, наделённому соответствующим авторитетом. Тем самым он задал своим последователям теоретическую рамку, позволяющую оценивать каждый конкретный случай применения вооружённого насилия⁸⁸.

Соглашаясь с замечанием Рори Кокса — «большинство историй теории справедливой войны... грешат тем, что для удобства изображают Аквината промежуточным звеном между Августином и Витория. Это приводит не только к тому, что без внимания остаются несколько столетий размышлений о войне, но и даёт неверное впечатление о месте Аквината в истории развития доктрины справедливой войны»⁸⁹ — мы всё же после Августина сразу перейдём к рассмотрению учения о войне «князя философов». Безусловно, в период с IV по XIII век появилось немало богословских и юридических текстов, посвящённых проблеме войны. Заслуживают внимания и Декрет Грациана, и сочинения богословов начала второго тысячелетия (Иоана Солсберийского, Раймунда де Пень-

⁸⁶ *Augustinus*. Sermo ad Caesariensis Ecclesiae plebem // *Opera omnia*. Pl. 43, col. 695. § 6.

⁸⁷ *Mattox J.* St. Augustine and the Theory of Just War. P. 92.

⁸⁸ *Cox R.* The Ethics of War up to Thomas Aquinas. Книга Филиппа Контамина «Война в средние века» может послужить хорошим введением в исследования рецепции и развитии идей Августина в средневековой политической и юридической практики, а также концептуализации идеи священной войны: *Контамин Ф.* Война в средние века. СПб.: Ювента, 2001. С. 278-310. См. также: *Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. — М.: Квадрига, 2010. С. 19-27.

⁸⁹ *Ibid.*

яфорта, Вильяма Реннского, Александра Гэльского)⁹⁰. Можно только надеяться, что со временем появится основательно проработанная история средневековой философии войны, но в данном случае подробное изложение средневековой традиции этики войны выходит за границы поставленных нами задач.

Кокс особенно отмечает ясный стиль изложения и систематичность, характерные для Фома Аквинского. И эта точка зрения довольно устойчива, её воспроизводят даже авторы, написавшие по работе Аквината в области этики войны Фоме отдельные монографии — Джоана Тук и Григорих Райхберг⁹¹. Однако сводить заслуги Фомы в развитии этики войны только к компиляции предшествующих трудов было бы несправедливо. Фома Аквинский не только систематизировал и упорядочил аргументы Августина и Грациана, но и обогатил аргументационную базу христианской этики войны. Безусловным его новшеством стало совмещение августинианской этики войны с аристоте-

⁹⁰ Отметим особую роль появившегося примерно в 1140 г. в Болонье Декрета Грациана. Этот свод канонического права интересен в контексте истории развития доктрины справедливой войны по нескольким причинам. Во-первых, именно Грациан переносит дискуссию о справедливой войне из философской и теологической сферы в правовую. В этом смысле Декрет можно рассматривать как первый юридический документ, закрепляющий нормы справедливой войны. Во-вторых, в каузе 23 Грациан определяет два вида войн, различных по своему моральному и правовому статусу: защита своей или чужой жизни (оборонительная война) и наказание грешника (наступательная война). И, в-третьих, Грациан — в связи с обозначенным разделением войны на два вида — придал особое значение сформулированному Августином учению о легитимной власти. В случае самообороны каждый обладает правом действовать самостоятельно, но право на ведение наступательной войны связывается Грацианом только с лицом, наделённым публичной властью и способном вершить суд и карать при помощи насилия. Подробнее о Декрете и проблематизации войны в нём см.: The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140-1234: from Gratian to the decretals of Pope Gregory IX. Eds. W. Hartmann, K. Pennington. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2008. Pp. 22-54; Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. Pp. 55-85.

⁹¹ Tooke J. The just war in Aquinas and Grotius. London: S.P.C.K., 1965; Reichberg G. Thomas Aquinas on War and Peace. Cambridge: Cambridge University Press. 2016.

левской политической философией. Проблеме насилия и войны посвящён ряд вопросов второй части второй (II-II) «Суммы теологии», в особенности значим сороковой вопрос. Косвенным образом проблемы войны и мира затрагиваются также в сочинении «О правлении государей». В большей степени Фома Аквинский обеспокоен исследованием легитимности использования вооружённых сил, оставляя сферу *jus in bello* недостаточно проработанной⁹².

Примечательно, что вопрос о войне размещён Фомой среди вопросов о любви и милосердии (*caritas*), а не в разделе о справедливости (правосудности)⁹³. Любовь определяется как необходимый элемент обретения и частного, и конечного блага (наслаждение Богом), без неё невозможна «никакая истинная добродетель»⁹⁴. Здесь Аквинат явным образом задействует ресурсы практической философии Аристотеля, его телеологию публичной жизни. Любовь как «деятельный навык» вызывает к жизни несколько добродетельных актов: благодеяние, милосердие, радость и мир. Именно любовь, а не справедливость, непосредственно порождает мир:

Мир является «делом правды» [*opus iustitiae*] опосредованно, а именно постольку, поскольку правосудность устраняет то, что препятствует миру, а непосредственно он является делом любви, поскольку любовь по самой своей природе обуславливает мир⁹⁵.

Истинный мир, трактуемый вслед за Августином как «спокойствие порядка» и вслед за Дионисием как единство разумных, животных и естественных желаний, может в действительности воцариться «только между добрыми

⁹² The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings. Edited by G. M. Reichberg, H. Syse, and E. Begby. Oxford: Blackwell. 2006. P. 170.

⁹³ Грегори Райхберг подробно пишет об этом в своей новой книге об этике войны Фомы Аквинского. См.: Reichberg G. Thomas Aquinas on War and Peace. Pp. 13-41.

⁹⁴ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. — К.: Ника-Центр, 2011. 23. С. 271.

⁹⁵ Там же. 29, С. 381.

людьми и в отношении [только] добрых вещей»⁹⁶. Здесь можно было бы предположить, что, раз мир в истинном своём значении является актом добродетели любви к горнему⁹⁷, то на всякое нарушение мира и насилие накладывается строжайший запрет. Однако Аквиант мыслит более изощрённо.

Фома действительно определяет в качестве греховных актов войну, ссору и бесчинство⁹⁸. Он видит в них отступление от истинного понимания мира и порядка, заставляющее обратиться к насилию: «все войны происходят постольку, поскольку люди стремятся к миру, который был бы совершенней того, который был у них прежде»⁹⁹. Но мы можем эксплицировать ход, который делает Аквинат до того, как начинает излагать учение об условиях справедливости некоторых войн. Раз мир — это не сама добродетель, а лишь эффект добродетели или добродетельный акт, то аналогичным образом и война — не грех как таковой, а эффект греха. И если не всякий мир есть мир истинный, то и не все войны истинны в своей греховности. Мы приходим к тому, что в некоторых случаях применение насилия не будет считаться прегрешением. Аналогией для Фомы в данном случае служит ситуация, когда врач проводит операцию и отсекает гниющий член: «для здоровья всего тела необходимо удаление одного из его членов, который гниет и заражает другие члены»¹⁰⁰. Само по себе сопоставление войны с целительной врачебной операцией — один из наиболее известных и часто употребляющихся аргументов во всей дискуссии о нравственной приемлемости войны. Но у Фомы он используется для иллюстрации

⁹⁶ Там же. 29, С. 379.

⁹⁷ Там же. 29, С. 382.

⁹⁸ Так это обозначается в русскоязычном переводе, хотя представляется более удачным переводить *seditio* как «мятеж» или «бунт».

⁹⁹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. 29. С. 379.

¹⁰⁰ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122. К.: Ника-Центр, 2013. 64. С. 208. Ср.: С. 210.

аристотелевского тезиса о довлеющем положении конечной цели.

В 40 вопросе о войне (*De bello*) Фома очень активно использует сочинения Августина, чтобы показать, какие именно войны следует признать справедливыми, называя три необходимых компонента законной войны. Так же как и Августин, Аквинат считает, что война представляет собой исключительно публичное дело, столкновение с внешними врагами и борьбу между двумя народами. Ответственность за неё несёт власть предержащее лицо, заботящееся об общественном благе — более важном и значимом, нежели частное благо¹⁰¹. Отсюда следует, что война может быть справедливой только как средство обеспечения общего блага. Право применять силу для защиты общего блага от внешних врагов уподобляется Фомой праву правителя защищать силой порядок внутри города или царства. В 64 вопросе Аквинат ещё раз отмечает исключительность права правителя на применение силы, следующую из его общественных обязанностей: «убийство злодея законно постольку, поскольку оно определено к благополучию всего общества, и потому совершать его надлежит только тому, кому поручено оберегать благополучие общества»¹⁰². Итак, «полномочность правителя» (*auctoritas principis*) называется Фомой Аквинским первым условием справедливости войны.

Объявление войны рассматривается Фомой, также как и Августином, в качестве меры наказания за совершение какого-либо преступления: «необходимо... чтобы атакованные были атакованы потому, что заслужили

¹⁰¹ Ещё один явный аристотелианский мотив. Стоит отметить указание Ф. Рассела на социо-политическое значение утверждения Фомой общего блага в качестве высшей ценности и публичной власти в качестве высшей политической силы. По мнению Рассела, Фома выступает в данном случае как критик «децентрализационных тенденций феодализма», выбирая в пользу городов-государств и крепких королевств. См.: *Russel F.H. The Just War in the Middle Ages*. P. 258.

¹⁰² Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122. 64. С. 210.

это некоторым своим проступком»¹⁰³. Война — это возмездие или кара за несправедливость и причинённое зло, а также способ вернуть собственность, несправедливо захваченную противником. Соответственно, с необходимостью должна наличествовать причина — некое злодеяние — ответом на которое становится война. В «Комментариях к «Сентенциям» Петра Ломбардского» Фома доказывает, что зло по отношению к врагу допустимо, если оно помогает избежать большего зла или обеспечить благо, например, справедливость¹⁰⁴. Вооружённые конфликты без соответствующей *causa iusta* недопустимы и греховны.

В каких же случаях можно говорить о наличии законной причины применения вооружённой силы? Как мы только что указали, самый очевидный для Аквината случай справедливого объявления войны — это наказание грешников¹⁰⁵. Самооборона также пирчисляется к законным причинам войны:

«как уже было сказано, лишать человека жизни имеет законное право только действующая ради общего блага общественная власть, то человек не имеет законного права убить человека при самозащите преднамеренно, если только он не наделен соответствующими полномочиями, предполагающими убийство при самозащите полезным для общества, как это имеет место в случае сражающегося с противником солдата»¹⁰⁶.

Фома осуждает бесчинство, но в одном случае он делает исключение в запрете на выступления против власти. Когда речь заходит о тирании, Аквинат вспоминает Ари-

¹⁰³ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. 40. С. 498.

¹⁰⁴ Aquinas. Commentum in IV Libros Sententiarum, to 3, 30, art. 2, Opera Omnia VII, 328. Цит. по Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. P. 260.

¹⁰⁵ О неоднозначностях провозглашения наказания в качестве причины войны см. McMahan J. Just Cause for War // Ethics and International Affairs. 2005. Vol. 19. No. 3. Pp. 1-21.

¹⁰⁶ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122. 64. С. 219.

стотеля с его критикой тирана как правителя, использующего власть ради собственного блага, поэтому пишет, что «в расстройстве такого правления нет никакого бесчинства, если только возмущение тиранией не принимает столь неупорядоченные формы, что ее субъекты больше страдают от него, чем от правления тирана»¹⁰⁷. Выступление против тирании становится ещё одним справедливым поводом к войне.

Стоит также отметить защиту и укрепление христианской веры в качестве веских оснований, легитимирующих обращение к насилию. Здесь аргумент Фомы раздваивается. Войны с теми, кто не знает или не принимал христианства ведутся «не затем, чтобы понудить их к вере, поскольку и после победы и взятия их в плен им надлежит оставить право свободно, если они того пожелают, прийти к вере, а затем, чтобы устранить в их лице препятствие вере Христовой»¹⁰⁸. По мнению Фомы, христианство должно расширять свои границы и обретать новых сторонников только за счёт убеждения. Но если речь идёт о столкновении с еретиками и отступниками, то «их необходимо понуждать, подчас даже телесным образом, к тому, чтобы они исполняли принятые на себя обязательства и держались того, что когда-то обрели»¹⁰⁹. Названные причины рассматриваются Аквином как необходимые основания справедливой войны, но поистине законной она может стать только при удовлетворении ещё одного условия.

Важной составляющей концепции справедливой войны Фомы Аквинского следует признать приверженность принципу добрых намерений. В отличие от своих предшественников, он особенно выделяет этот принцип и придаёт ему форму, близкую современным формулировкам. В представлении Аквината, веской причины самой по себе недостаточно для того, чтобы назвать войну справедливой. Применение силы оправдывается, если вызвано

¹⁰⁷ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46. 42. С. 514.

¹⁰⁸ Там же. 10. С. 131.

¹⁰⁹ Там же.

стремлением предотвратить ещё большее зло или восстановить добро. Эта благая цель не должна теряться ни на каком этапе войны. Иначе «случается так, что война объявляется законной властью и по справедливой причине, но, тем не менее, является несправедливой в силу злого намерения»¹¹⁰. При этом конечной целью войны, по мнению Фомы, всегда остаётся мир, который Господь «пришел принести на землю» (Мф. 10:34). Справедливый воин — всегда миротворец, даже во время войны, которую он сам инициировал.

Обращение к вооружённому насилию легитимируется как средство достижения высшей цели: «подчас человеку ради общественного блага или [даже] блага его противников нужно действовать иначе», нежели «воздерживаться от сопротивления или защиты»¹¹¹. Вслед за Августином Фома повторяет, что очищение человека от греха превращает поражение в благо для побеждённого. По сути своей справедливая война противостоит не миру как таковому, но только «злому миру». Военное насилие оправдывается на основании его использования во благо и собственного сообщества, и противника.

С Фомой и его последователями-схоластами связана кодификация христианского учения о справедливой войне, разрабатываемого с IV в. н.э. В то же время обращение к Аристотелю отдаляет Фому Аквинского от предшествующих поколений теологов и канонистов¹¹². Он даёт импульс к развитию нового подхода к осмыслению войны, который будет воспринят его последователями, в особенности авторами XVI в.: Фомой Каэтаном и представителями Саламанкской школы.

Томмазо де Вио (Фома Каэтан), кардинал, богослов-доминиканец, полемизировавший с Лютером, известен в первую очередь своими комментариями к «Сумме теологии» Фомы Аквинского. В частности, его замечания относительно 40-го вопроса части II-II считались авторитетным

¹¹⁰ Там же. 40. С. 499.

¹¹¹ Там же.

¹¹² *Russel F.H. The Just War in the Middle Ages. P. 258.*

источником в области этики войны не только для поздних схоластов, но и для авторов раннего Нового времени — например, Г. Гроций периодически ссылается на него в своих «Трёх книгах». Также большим значением обладала его работа «*Summula*», с отдельной главой о «справедливой и несправедливой, законной и незаконной войне».

Оборонительные действия не нуждаются, с точки зрения Каэтана, в легитимации законной властью. Естественное право позволяет каждому, группе или индивиду, в случае серьёзной опасности защищать свою жизнь при помощи силы. Но агрессивная, наступательная война зависит не от необходимости, а от нашего собственного выбора. И обосновать её может только серьёзное злодеяние, т.е. она оправдана только как средство карающего правосудия.

Иными словами, Каэтан воспроизводит учение Августина и Фомы Аквинского о войне как о наказании и справедливом правосудии. При этом он активно использует юридический аппарат для изображения войны в виде столкновения преступника (нарушителя справедливости) с обвинителем и судьёй, объединёнными в одном лице справедливого участника конфликта. Авторитет одного государя превышает авторитет другого, когда первый из них выступает с позиции справедливости и истины, а второй представляет греховную и несправедливую сторону. Такое распределение ролей позволяет интерпретировать войну исключительно как акцию наказания и отмщения (*actus vindicativae iustitiae*)¹¹³. Каэтан возвращается к этой идее Августина о войне как наказании грешника, многократно усиливая её значение.

По мысли Каэтана, никакое государство не может считаться самодостаточным (*respublica sibi sufficiens*), если оно не обладает возможностью отомстить и воздать за себя и своих подданных. Наличие авторитета, достаточного для объявления войны, осмысливается как ключевое свой-

¹¹³ *Summula* Caietani. Lyon: A. de Harsi. 1581. Pp. 32-39. Цит. по *The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings*. Pp. 245-247.

ство самостоятельности политического сообщества. Речь здесь идёт об идеальном государстве (*respublica perfecta*) в аристотелевском его понимании. Каэтан задействует данную в третьей книге «Политики» формулировку целям образования государства: «оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни, в целях *совершенного и самодовлеющего существования*»¹¹⁴ [Курсив мой, А.К.]. Политическое сообщество, не обладающее должным авторитетом, очевидно, подчиняется некой высшей власти, а потому не должно вести войны самостоятельно, равно как и отдельный человек не может самостоятельно применять насилие, если только не защищает собственную жизнь¹¹⁵.

Каэтан также проблематизировал категорию «невинных», которая будет подхвачена авторами Саламанкской школы. Он столкнулся с необходимостью ответить на вопрос: если война это наказание, кто именно на стороне несправедливого противника должен быть подвергнут страданиям и в буквальном смысле понести кару. Несправедливая война — лишённая справедливой причины, объявленная лицом без должного авторитета, ведущаяся вопреки добрым намерениям — понимается им как смертный грех. Однако «подданные суверена, объявляющего войну», освобождаются от обвинений в несправедливости и злом намерении, если они не могут быть уверенными в справедливости войны, но всё же подчиняются своему правителю. Тем не менее, все подданные противника (солдаты и гражданские лица) могут быть подвергнуты насилию, если только при этом намеренно не происходит нападений на явно невинных людей¹¹⁶.

¹¹⁴ Аристотель. Политика. III. 1280b.

¹¹⁵ Summa theologiae II-II, q. 40, a. 1. Commentaria Cardinalis Cajetani // Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia iussu impensaе Leonis XIII, vol. 8. Rome: Editori di San Tommaso. 1895. Pp. 314-314. Цит. по The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings. Pp. 241-244.

¹¹⁶ Summula Caietani. Цит. по The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings. Pp. 249.

Следующий значимый этап развития доктрины справедливой войны связан с обращением к этой доктрине представителей Саламанкской школы. Франсиско де Витория — один из наиболее видных представителей второй схоластики — столкнулся в XVI в. с проблемой оправдания испанских экспансий в Старом и в особенности в Новом Свете и должен был сделать его, как это изящно определила Ю.В. Иванова, «достоверным и убедительным как с богословской, так и с правовой точки зрения»¹¹⁷. Решению этой задачи были посвящены прочитанные в 1538-1539 гг. лекции «Об индейцах» («*De Indis*») и «О праве войны» («*De iure belli*»)¹¹⁸, в которых Витория совмещает августи-нианско-томистскую доктрину справедливой войны с учением об универсальности естественного права (*jus naturale*) и, в частности, норм *jus ad bellum*. Это означало, что даже в столкновениях с нехристианскими народами, например, индейцами Америки, необходимо было соблюдать правила справедливой войны. Витория отвергает традиционные для его времени представления о распространении веры или расширении империи как справедливых причинах войны. Можно сказать, что подобная постановка вопроса действительно свидетельствует о «духовном мужестве» Витория, как об этом пишет К. Шмитт¹¹⁹, и революционности в выборе ракурса рассмотрения проблемы правового обоснования захвата земли (но не способа её решения). Индейцы не подчиняются власти императора и папы, не знают христианской веры, однако всё это, по мнению Витория, не делает их законным объектом завоевательной политики испанцев.

¹¹⁷ Иванова Ю.В. Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. 2014. 13 (1). С. 11. В целом, в статье замечательным образом эксплицируются основные аргументы и логические ходы рассуждения Витория о войне. См. также статью Мареев А.В. Власть, церковь и государство в «Первой лекции о церковной власти» Франсиско де Витории // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. 3. С. 126-135, где раскрывается содержание основных политических понятий Витории.

¹¹⁸ Vitoria F. Relectiones theologicae. Matriti. 1725. P. 164-252.

¹¹⁹ Шмитт К. Номос земли. С. 99.

Принимая во внимание, что коренные народы Америки не знают Священного Писания и не могут ориентироваться на нормы, постулируемые в нём, Витория стремится выявить ту область права, которая обладала бы одинаковым значением для всех народов земного шара, чтобы дать именно юридическое обоснование действиям европейцев. Саму же идею о существовании общих принципов, характерных для всех народов, Витория берёт из томистского и, соответственно, аристотелевского представления об универсальности общительной и политической природы человека. В результате Витория действительно находит объединяющую рамку, позволившую оценивать действия каждого представителя рода человеческого: такую функцию выполняет право народов (*ius gentium*). Исходя из представления об общности права народов, Витория и выстраивает свою концепцию войны.

Восстановление справедливости и защита общественного блага — специфическая обязанность, которая возлагается на государство. Исполнение этого долга иногда требует от государства участия в агрессивной, наступательной войне (в то время как оборонительную войну может вести и частное лицо¹²⁰). Формально, единственной справедливой причиной, обуславливающей применение вооружённой силы, Витория называет претерпевание беззакония или несправедливость (*inuria*)¹²¹. Таким беззаконием и несправедливостью может быть только агрессия. Соответственно, ответ на неё всегда справедлив и обоснован. Необходимо, однако, принять во внимание, что не-

¹²⁰ Vitoria F. De iure belli // Relectiones theologicae. P. 228.

¹²¹ Ibid. P. 232. Примечательно здесь и изменение языка описания справедливой причины войны. Вместо термина, который использовал Фома Аквинский, *culpa*, Витория использует *inuria*. Согласимся с Г. Райхбергом, сделано это ради «более точного обозначения аргумента» Аквината, см.: Reichberg G. Culpability and Punishment in Classical Theories of Just War // Just War: Authority, Tradition, and Practice. Ed. by Lang A. F., O'Driscoll C., Williams J. Washington, DC: Georgetown University Press. 2013. P. 169. Однако использование для обозначения деяния противника понятия «несправедливость» (вместо «вина») указывает и на качественно новое понимание Виторией смысла самого феномена войны.

значительная обида не может считаться веской причиной войны, поскольку последствия войны всегда тяжки, но не всякое преступление заслуживает такого сурового наказания. Профессор-доминиканец, таким образом, подтверждает статус ещё одного принципа *jus ad bellum* — идею пропорциональности применения вооружённой силы, согласно которой только поистине серьёзное правонарушение может решаться с помощью войны.

Витория называет целый ряд ситуаций, в которых вооруженный ответ становится приемлемой мерой. Помимо самообороны к ним относится ограничение свобод передвижения, общения, коммерции, проповеди и распространения христианской веры, нарушение закона гостеприимства, обеспечение безопасности беззащитных перед лицом нечестивых обычаев (человеческие жертвы, канибализм)¹²², помощь союзникам¹²³. Реагируя на эти вызовы, испанцы могут применять силу, в результате чего индейцы и их земли попадают во владение (*dominium*) европейцев. Иными словами, «право на захват земли возникает, согласно Витория [sic], лишь опосредованно, а именно в результате обоснования аргумента о справедливой войне»¹²⁴.

Возможно, наиболее любопытный компонент, привнесённый саламанкским теологом в дискуссию о справедливой войне — это идея о том, что оба участника конфликта способны действовать в определённой мере справедливо, т.е. могут претендовать на частичную обоснованность применения насилия. В политических конфликтах, многие из которых длятся десятилетиями, порой затруднительно определить, кто именно обладает законным правом взять в руки оружие. Справедливость войны легко

¹²² Идея помощи отдельным людям или группе людей, которых мы, исходя из собственных представлений о гуманности и должных нормах социального поведения, считаем жертвами, — один из компонентов теории Витория, звучащих крайне современно.

¹²³ Vitoria F. De Indis // *Relectiones theologicae*. Pp. 208-218.

¹²⁴ Шмитт К. Номос земли. С. 105.

поставить под сомнение и оспорить¹²⁵. Веры или предположения о наличии у одной из сторон справедливой причины недостаточно, чтобы признать эту сторону справедливой, поэтому Витория указывает на необходимость тщательного изучения всех причин войны. К нормам *ius ad bellum*, которые мы встречаем у Фомы, Витория добавляет, таким образом, идею крайнего средства — войну должны предварять переговоры, в ходе которых позиции сторон будут чёткой сформулированы.

Витория делает несколько замечаний о нормах ведения войны и вводит запрет на чрезмерное и превентивное насилие. Нападение на людей, ещё не совершивших ничего дурного, но способных на это, недозволительно, даже если обуславливается стремлением избежать большего зла, поскольку неприемлемо, чтобы кого-то убивали за будущее преступление. Это указывает на неприятие Виторией той консеквенциалистской позиции, которая была характерна для Фомы Аквинского. Всякое действие, с точки зрения саламанкского профессора, должно быть оценено по его намерениям, а не по целям, поэтому причинение насилия ради предотвращения большего насилия воспринимается испанским богословом как моральное преступление.

Однако нет оснований для чрезмерного прославления гуманизма Витория. Если война вызвана нападением или иным серьёзным злодеянием, у справедливо воюющей стороны почти нет ограничений в средствах ведения борьбы. Захват территорий, изъятие собственности, пленение с целью выкупа — всё это становится законным, если война имеет под собой законное основание и ведётся ради общего блага. Справедливая война должна окончиться победой над правонарушителем, что послужит ему своеобразным уроком. Также на него ложится компенсация расходов на ведение войны. Как следствие, он утрачивает часть собственности, территорий или подданных. Однако подводя итоги рассуждениям о правилах войны,

¹²⁵ Vitoria F. De iure belli. Pp. 237-238.

Витория замечает, что государю следует в большей степени проявлять сдержанность и руководствоваться христианским смирением, нежели использовать оружие¹²⁶.

Наиболее известные последователи Витория в Саламанкской школе — Луис де Молина и Франсиско Суарес — продолжая действовать в рамках дискуссии о войне, заданных Фомой Аквинским и Фомой Каэтаном, сконцентрировались на проблемах наступательной войны и легитимной власти. Иезуит Молина развивал учение о «материальном ущербе» (*iniuria materialiter*): лицо, совершая некое деяние, наносящее вред другому, не совершает греха и не несёт моральной ответственности, если находится в состоянии непреодолимого неведения (*ignorantia invincibilis*)¹²⁷. Причинённый в неведении ущерб, будучи достаточно серьёзным, признаётся справедливой причиной войны и оправдывает применение вооружённого насилия. Но поскольку в данном случае поводом к войне послужило не греховное деяние, то Молина отказывается интерпретировать войну вслед за Каэтаном как кару или воздаяние. Пожалуй, именно в этом состоит основной вклад Молины в доктрину справедливой войны. Наказание выводится из сферы *jus in bello* и более не рассматривается как непосредственная цель вооруженной борьбы, основной акцент делается на нанесении поражения противнику. Если же о наказании и заходит речь, то только как об одном из возможных послевоенных действий в отношении врага. Наказание становится элементом *jus post bellum* и фактически превращается из элемента войны в элемент политики.

Франсиско Суарес в своих интерпретациях учения о Фомы Аквинского о войне был несколько ближе Каэтану, нежели Витория и Молине. Также как и Аквинат Суарес помещает проблему войны в контекст дискуссии о христианских добродетелях, «Рассуждение о войне» (“Dispu-

¹²⁶ Vitoria F. De iure belli. Pp. 251-252.

¹²⁷ Molina L. De Justitia et Jure // Opera Omnia. M.M. Bousquet. 1733. P. 227. Витория и Молина заимствуют это понятие из Фомы Аквинский. Сумма теологии. Часть I-II. Вопросы 68-114. 76. С. 133.

tatio de bello”) появляется в части о любви¹²⁸. В этом рассуждении легко обнаруживаются темы крайне актуальные и в наше время. Суарес высказывается о проблемах «двойного эффекта» и сопутствующих потерь, защиты невинных людей (гуманитарная интервенция), а также ставит вопрос об отношениях собственности после войны (*jus post bellum*). Основной вопрос, который пытается решить Суарес — как с помощью войны наказать за причинённое зло? В этом отношении он серьёзно отличается от Витория и Молины, возвращаясь к идее *bellum punitivum*. Война нацелена на возмещение вреда, причинённого в прошлом, и понимается как средство справедливого наказания¹²⁹. Однако справедливое отмщение и наказание ограничивается Суаресом рядом оснований. Во-первых, не соответствует принципам христианского милосердия наказание слабого и бедного противника, который войной будет поставлен на грань разорения и исчезновения. Во-вторых, нельзя признать ни милосердной, ни справедливой войну, в ходе которой государь подвергает угрозе разорения собственное государство¹³⁰. Кроме того, даже не смотря на наличие всех условий, свидетельствующих о справедливости войны и соответствии её христианским добродетелям, война не воспринимается Суаресом в качестве единственного или лучшего способа разрешения конфликтов. Судебное разбирательство оказывается наиболее предпочтительным средством¹³¹. Соответственно, изменяется и понимание сути международной политики: на неё следует смотреть по преимуществу как на сферу дискуссий, полемики, судебных разбирательств, а не вооружённой борьбы. Эта идея Суареса позволяет причислить его к наиболее значимым авторам, стоявшим у истоков учения о междуна-

¹²⁸ Suarez F. De caritate, d. XIII // Opera omnia, 28 vols. Vol. xii. Paris: Vive's, 1858. Pp. 737-763.

¹²⁹ Ibid. 4.5. P. 744.

¹³⁰ Ibid. 4.8. P. 745-746.

¹³¹ Ibid. 6.5. P. 749.

родном праве Нового времени наравне с Каэтаном, Витория или Молина.

Секуляризация теории справедливой войны

Теоретики Салманкской школы серьёзно продвинулись в работе по систематизации принципов справедливой войны в их соотношении с учением о естественном праве. Однако в XVI-XVII вв. теологическая традиция справедливой войны сталкивается с серьёзным конкурентом в виде секулярного учения о войне, политике и праве. В этот момент на политическую арену Европы выходит национальное государство с соответствующим ему новым образом власти, а также системой международных отношений и международного права. Квентин Скиннер наглядно демонстрирует, как «идея отождествить верховную политическую власть с властью государства (state) была изначально результатом одной конкретной политической теории, теории одновременно абсолютистской и светской по своей идеологической ориентации»¹³². Эта «абсолютистская и светская» теория в первую очередь была представлена Ж. Боденом, Ф. Суаресом, Т. Гоббсом, а также нидерландским юристом и политическим мыслителем Гуго Гроцием, с которого начинается процесс секуляризации доктрины справедливой войны. Восхваляемый обычно как «отец современной науки о международном праве»¹³³ Гроций отказывается от применения религиоз-

¹³² Скиннер К. The State // Понятие государства в четырёх языках. СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. С.59. О развитии абсолютистско-светской теории государства см. там же с. 50-58.

¹³³ Vreeland H. Jr. Hugo Grotius: the Father of the Modern Science of International Law. New York: Oxford University Press. 1917. Однако известны и довольно острые критические выпады в адрес Гроция, так, в «Эмиле» Руссо пишет: «Гроций, учитель всех наших ученых по этой части [по политическому праву], не более как ребенок, и, что хуже всего, ребенок недобросовестный», Руссо Ж.-Ж. Эмил или о воспитании // Его же. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1981. С. 563. Также и в «Об Общественном договоре, или Принципы политического Права» Руссо использует политическую философию Гроция как объект критики и в полемике с ней развивает учение о народном суве-

ной аргументации для развития политической и правовой теории, хотя и сохраняет понятийный аппарат своих «учителей» — Франсиско де Витория и Франсиско Суареса. Гроций создаёт правовую концепцию справедливой войны, соединяя между собой юридическую науку и моральную философию. Главный труд Гроция, посвящённый войне — «О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права»¹³⁴ (*«De jure belli ac pacis libri tres»*) — впервые вышел в свет в 1625 г. До этого был написан ещё один значимый текст «О праве добычи» (*«De iure praedae commentarius»*)¹³⁵. Его появление относят к 1603 г., полностью при жизни Гроция он не публиковался и был совершенно не известен до середины XIX в., но одна из глав была выпущена в свет в 1609 г. под названием «Свободное море» (*«Mare Liberum»*)¹³⁶.

Трактат «Три книги о праве войны и мира» написан «в защиту Справедливости» — об этом заявляет сам Гроций в посвящении французскому королю Людовику XIII. Подобное определение цели работы неслучайно и показательно. Гроций руководствуется стремлением ограничить войну, которая, по его мнению, являет собой предел

ренитете. См.: Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Его же. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 153; 155; 159-160; 169. Среди современных историков права особенно любопытна позиция Петера Хатгенмахера, который признаёт Гроция одним из ключевых теоретиков справедливой войны, но последовательно доказывает отсутствие у нидерландского юриста систематической теории международного права. Haggennmacher P. Grotius et la doctrine de la guerre juste. Paris: Presses Universitaires de France. 1983. Стоит также отметить, что сам термин «международное право» не употреблялся Гроцием и появился полтора столетия спустя после написания «Трёх книг» — он был введён в обращение И. Бентамом взамен словосочетания *ius gentium*, см.: Bentham I. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Ontario: Batoche Books. Kitchener. 2000. P. 10; 236; Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. — М.: РОССПЭН, 1998.

¹³⁴ Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. — М.: Ладомир, 1994.

¹³⁵ Grotius H. De iure praedae commentaries. Oxford: Clarendon Press, 1950.

¹³⁶ Grotius H. Mare Liberum. New York: Oxford University Press, American Branch. 1916.

политической поляризации и напряжённости наличествующей между государствами. Указывая на основополагающее свойство войны, состоящее в разделении мира надвое, Гроций определяет её как «состояние борьбы силою как таковое»¹³⁷. Латинское слово война — *bellum* — происходит от *duellum*, а *duellum* в свою очередь от *duo*, то есть «два». Таким образом, война для Гроция — это особый вид деления мира надвое, политическое различие, реализующееся силовыми методами. Война представляет собой соприкосновение двух субъектов (публичных или частных), но это совершенно особый вид коммуникации этих субъектов, в рамках которого в качестве основного средства взаимодействия используется насилие. Гроций предлагает регулировать войну «общим правом» между-народных отношений:

«подобно тому, как законы любого государства преследуют его особую пользу, так точно известные права могли возникнуть в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть то право, которое называется правом народов [*ius gentium*, А.К.], поскольку это название мы отличаем от естественного права»¹³⁸.

¹³⁷ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 68. Подобное широкое толкование понятия «война» типично для раннего Нового времени, когда война ещё не понимается исключительно как политическое дело. Такое словопотребление позволяет говорить о публичных (межгосударственных), частных (ведётся лицами, не имеющими гражданской власти) и смешанных войнах. В XIX в. Клаузевиц несколько специфицирует определение Гроция: «война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» и будет подразумевать прерогативу государства на ведение войны. Клаузевиц К. О войне. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 20.

¹³⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 48.

Естественное право в интерпретации Гроция представляет собой систему норм, единую для всех разумных существ, т.е. людей. Гроций последовательно отстаивает идею существования универсального права и морали. Здесь проявляется специфическая философская антропология, восходящая отчасти к Аристотелю, отчасти к Фоме Аквинскому. Человек понимается как существо, склонное к общежитию и общению и обладающее разумом, что позволяет ему подчиняться «общим правилам». Общительность, свойственная по природе всем людям, порождает естественное право¹³⁹. В свою очередь право народов порождается стремлением к благу и безопасности. Главным нервом учения о праве Гроция является естественная обязанность соблюдать обещания и подчиняться договорам, без которой взаимодействие людей сделалось бы невозможным. Эта естественная обязанность проявляется себя и в политической жизни, что позволяет Гроцию изобразить и внутреннюю политику, и межгосударственные отношения как систему договорённостей, соглашений и правил, установленных между народами, выступающими в качестве субъектов права¹⁴⁰. Война в таком случае получает статус инструмента правовой регуляции: «правильно говорит Демосфен, что война ведется против тех, кого невозможно принудить к чему-нибудь в судебном порядке»¹⁴¹.

Война трактуется именно как радикальная правовая мера. Она направлена против тех, кто нарушает принципы соблюдения договорённостей. Но война всегда остаётся крайним средством, к которому обращаются, когда все прочие способы поддержания порядка перестают действовать. Как показывает Р.Г. Апресян, здесь к

¹³⁹ Гроций буквально называет природу человека «матерью естественного права». Гроций Г. О праве войны и мира. С. 48.

¹⁴⁰ Параллель между индивидом и государством и, соответственно, между правами индивида и государства играет ключевую роль в учении Гроция о праве. Подробнее см.: Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. Oxford: Oxford University Press. 1999. Pp. 82-83, 95-96.

¹⁴¹ Там же. С. 50.

доминирующему юридическому мотиву добавляется и моральный аспект: «с этикой милосердия и миролюбия, то есть с христианской этикой, Гроций совмещает этику справедливости и возмездия, то есть морально-правовые нормы Ветхого Завета и классической древности»¹⁴². Нидерландский мыслитель смотрит на войну как на наименее желаемый способ разрешения конфликтов. Это становится явным уже в цитированном выше посвящении Людовику XIII: «достойно твоего благочестия... во время войны блюсти дело мира и начинать военные действия не иначе, как с намерением окончить их возможно скорее»¹⁴³. Из этого видно, что цель Гроция состояла не в том, чтобы «отнять у народов все их права и сколь возможно искуснее облечь этими правами королей»¹⁴⁴, как это казалось Руссо, но в том, чтобы ограничить свободу королей на ведение войн при помощи права народов.

По мнению Гроция, «справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение»¹⁴⁵. Таким образом, в качестве акта, санкционирующего войну, у Гроция выступает юридически определяемое понятие, а сама война воспринимается в качестве способа восстановления справедливости, когда «нет возможности прибегнуть к суду»¹⁴⁶. В свою очередь, правонарушения бывают разных типов, что заставляет Гроция выделить три основные справедливые причины войны: самозащиту (*defensio*), возвращение имущества (*recuperatio rerum*), наказание (*punitio*). Учение Гроция о справедливой причине примечательно тем, что он закрепляет в традиции идею обоснованности самообороны. Этот принцип, воспринимаемый сейчас буквально как первейшее право государств, не был особенно важен для Учителей церкви, ко-

¹⁴² Апресян Р.Г. Гуго Гроций // Апресян Р.Г. История этики Нового времени: Лекции и статьи. — М.: Издательство «Директ-Медиа», 2014. С. 63. Также см.: Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. P. 106.

¹⁴³ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 42.

¹⁴⁴ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре. С. 169.

¹⁴⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. С. 186.

¹⁴⁶ Там же. С. 188.

торым гораздо более важной казалась идея войны как способа воздаяния за прегрешения. В секуляризованной концепции Гроция безопасность жизни человека и существование государства становится высшей ценностью. Отражение военной агрессии признаётся достаточным условием начала справедливой войны: «противоречит тому, что присуще всякому миру, совершение враждебного действия вооруженной силой, особенно когда отсутствует какая бы то ни было новая причина войны»¹⁴⁷. Иными словами, угроза жизни воспринимается как серьёзное преступление, а оборонительная война представляется Гроцию в полной мере соответствующей естественному праву.

К названным выше трём причинам, легитимирующим применение силы, Гроций добавляет ещё одну. Благородной и справедливой он считает также войну, которая ведётся в качестве помощи союзникам, дружественным народам или вообще любым людям, попавшим в беду. Обоснованным это положение кажется Гроцию в силу того, что «по природе каждый призван осуществлять не только свое, но и чужое право»¹⁴⁸. Взыскание за чужие обиды и наказание тиранов, разбойников, морских пиратов, каннибалов, т.е. всех, кто совершает преступление против природы, почётная обязанность государей. Однако это положение, как показывает Р. Такк, высвечивает в Гроции апологета колониальных завоеваний, направленных против диких и варварских народов Нового Света¹⁴⁹.

Гроций запрещает превентивные войны, когда говорит, что «требуется наличие непосредственной и как бы мгновенной опасности»¹⁵⁰ для применения военной силы. Это же подтверждается в рассуждении Гроция над моральной дилеммой участия в войне, которая встаёт перед христианином. Отражение угрозы кажется Гроцию соот-

¹⁴⁷ Там же. С. 780.

¹⁴⁸ Там же. С. 558.

¹⁴⁹ *Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant.* P. 103.

¹⁵⁰ *Гроций Г. О праве войны и мира.* С. 188.

ветствующим естественному праву: «тот, кто собирается причинить мне обиду, тем самым дает мне право как некое неограниченное нравственное притязание против него самого постольку, поскольку иначе я не в состоянии отвратить от себя это угрожающее мне зло. Любовь сама по себе... не принуждает нас к милосердию по отношению к совершающему посягательство»¹⁵¹. Но это положение вступает в серьёзное противоречие с заповедью Христа, запрещавшего использовать насилие в качестве меры защиты. Чтобы решить эту коллизию, следует провести аналогию между ситуацией самозащиты и тем, что Гроций говорит об убийстве при защите имущества. Тогда можно сделать вывод, что от насилия и войны необходимо отказаться, «исключая случаи, когда от этого зависит жизнь наша и нашей семьи»¹⁵².

Из сказанного ранее уже можно было сделать вывод, что Гроций выступает как сторонник принципа крайнего средства. Развитию этого положения Гроций посвящает отдельную главу второй книги: «Наставления о том, чтобы не предпринимать войны безрассудно, даже по справедливым причинам». Война воспринимается как в нравственном отношении нежелательное занятие, поэтому «благочестивее и правильнее не воспользоваться»¹⁵³ своим правом на применение насилия. Только если угроза, исходящая от противника, оказывается действительно серьёзной, ведение войны будет соответствовать нормам права и христианской морали.

Рациональность, свойственная природе человека, требует благоразумно относиться к применению права на ведение войны. Даже если наличествуют законные основания использовать войска, возможно, более взвешенным решением станет выбор в пользу иных средств взаимодействия с противником. До вступления в силовую фазу конфликта стоит оценить собственные силы и вражескую армию, просчитать все возможные события в ходе войны

¹⁵¹ Там же. С. 191-192.

¹⁵² Там же. С. 195.

¹⁵³ Там же. С. 547.

и последствия её ведения. Не имея достаточных оснований, следует отказаться от участия в войне¹⁵⁴. Выражаясь современным языком теории справедливой войны, Гроций закрепляет принцип вероятности успеха в качестве существенного элемента своей теории войны.

Участие в несправедливой войне не может быть оправдано ссылкой на подчинение власти, если несправедливость войны очевидна и известна её участникам. Гроций аргументирует это необходимостью в большей степени следовать универсальным законам природы: «Богу следует повиноваться более чем людям»¹⁵⁵. Участия в несправедливых войнах следует избегать. Это же относится и к ситуации, когда справедливость войны неочевидна и особенно когда речь идёт о вторжении в чужие пределы, а не самозащите. В целом Гроций выступает за то, чтобы решение о войне, как решение правосудия, было «ясными и очевидными» и объявлялось открыто¹⁵⁶. Право на участие в несправедливой войне появляется в одном случае. Когда противник действует с чрезмерной жестокостью по отношению к подданным государства, ведущего несправедливую войну, у пострадавших от жестокого обращения появляется законное основание защищать свою жизнь.

Здесь же мы переходим и в плоскость *jus in bello*. Гроций оговаривает запрет убийства «неповинных подданных... кроме как в целях необходимой обороны, в виде следствия и непреднамеренно»¹⁵⁷. С одной стороны, в этом можно увидеть современный принцип различения: законные жертвы войны должны быть отделены от тех, на кого запрещается нападать. С другой стороны, Гроций высказывается в духе доктрины двойного эффекта: ради достижения благих целей в некоторых ситуациях приходится причинять вред невинным людям. К этой проблеме Гроций возвращается и в третьей книге: «нужно учиты-

¹⁵⁴ Там же. С. 550-553.

¹⁵⁵ Там же. С. 566.

¹⁵⁶ Там же. С. 570.

¹⁵⁷ Там же. С. 572.

вать, что к праву на действия приводят многие косвенные последствия, помимо намерения действующего, которые сами по себе не составляют его права»¹⁵⁸.

В результате войны должна решиться проблема обеспечения достаточного уровня безопасности, поэтому, с точки зрения Гроция, мы получаем нравственное право использовать все средства, которые способствуют достижению этой цели: «если справедливо наказание, то справедливо и любое принуждение, без которого невозможно прибегнуть к наказанию; и все, что входит составной частью в наказание, как разрушение вещей на пожаре или иное, поскольку это, разумеется, находится в пределах права и соразмерно с неправомерным деянием»¹⁵⁹. Здесь, с одной стороны, закрепляется принцип пропорциональности *ad bellum*, но с другой стороны, пропорциональность *in bello* фактически не предполагается. Война сама по себе должна начинаться только в ответ на серьёзное правонарушение, и в ходе войны допустимы те средства, которые позволят восстановить справедливость. Но определение Гроцием допустимых средств и способов ведения войны далеко от современного. Нидерландский юрист не считает необходимым проводить различие между различными группами участников войны и исследовать степень их вовлечённости в конфликт; нападению могут быть подвергнуты не только солдаты противника, но и пленные, женщины и дети, если только этого требует справедливое наказание. Вот несколько показательных фрагментов:

«право делать дозволенное открывает широкие возможности, так как распространяется не только на тех, кто на самом деле вооружен и участвует в военных действиях или кто состоит подданным воюющих, но и на всех, находящихся на неприятельской территории»;

¹⁵⁸ Там же. С. 579.

¹⁵⁹ Там же. С. 578.

«подданным неприятеля, то есть лицам, являющимся таковыми в силу постоянной зависимости, по праву народов дозволяется вредить повсеместно. Ибо когда война объявляется, она объявляется вместе с тем отдельным представителям всего народа...[И]х можно убивать безнаказанно на их собственной земле, на территории какого-либо врага, на ничьей земле и на море»¹⁶⁰.

Однако двойственность моральной позиции Гроция — ветхозаветная этика наказания и новозаветная этика милосердия — проявляется в явном стремлении нидерландского философа ограничить войну. Отдельный человек или государство, обладающие справедливыми причинами, могут законным образом использовать оружие против своих врагов, однако, как заявляет Гроций, «не может душа, всецело погруженная в заботы войны, пребывать в безопасности и вере в Бога, иначе как постоянно имея в виду мир»¹⁶¹. Война должна завершиться подписанием мирного договора, соблюдение положений которого — святая обязанность противоборствующих сторон. Только добросовестное исполнение договоров даёт надежду заменить враждебность дружескими отношениями.

Ричард Так удачно характеризует концепцию Гроция как «минималистский либерализм»¹⁶². В ней учение об индивидуальных правах, естественном равенстве и универсальности справедливости транспонируется на уровень публичных отношений и при этом сочетается с такими специфическими положениями, как одобрение рабства или признание права на вмешательство в дела соседних политических сообществ ради защиты справедливости. Тем не менее, теория войны Гроция стала парадигмальной для политической науки XVII-XVIII вв. Гроций открывает эпоху секулярного учения о справедливой войне, базирующейся на теории естественного права. Поли-

¹⁶⁰ Там же. С. 620.

¹⁶¹ Там же. С. 824.

¹⁶² Tuck R. Introduction // Grotius H. The Rights of War and Peace, Books I-III. Indianapolis: Liberty Fund. 2005. P. xxxi.

тические мыслители и юристы, даже критикуя Гроция, не смогут выйти за пределы заданной им орбиты мышления о войне на протяжении ещё долгого времени.

Самуэль фон Пуфендорф — немецкий историк и теоретик международного права — предложил оригинальную трактовку теории общественного договора, соотносённую с протестантской политической философией. Отправной точкой в рассуждениях Пуфендорфа становится учение о естественном законе. В теории Пуфендорфа естественные законы или обязанности (*officium*) установлены Богом и призваны обеспечить мирное сосуществование людей. Соответственно, один из наиболее важных естественных принципов состоит в запрете на причинение вреда одним человеком другому. В соответствии с этим об изначальном естественном состоянии, в которое человек был помещён Богом, следует говорить как о состоянии мира¹⁶³. К этому добавляется идея изначальной социальности людей: «основательный закон естественный, сей есть, дабы человек елико может имел и хранил содружество... Отсюда разумети надлежит, все что до сохранения онаго содружества всеконечно есть потребное, тое законом естественным установлено, а что оное возмущает и прерывает, тое возбранено тем же законом»¹⁶⁴. Иными словами, человек по природе живёт в сообществах и пребывает в мире, а насилие и войны появляются в определённый момент исторического развития человечества как следствие чрезмерного роста населения. Очевидно, что Пуфендорф полемизирует в данном случае с Т. Гоббсом, который описывал естественное состояние как состояние разрозненности и войны.

¹⁶³ Отчасти здесь взгляды Пуфендорфа совпадают с известной теорией естественного состояния Дж. Локка, к которому активно обращаются современные теоретики справедливой войны.

¹⁶⁴ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 66-67. Цит. по: *Перевезенцев С.В.* Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 70-88.

Вопрос о справедливости войны помещается Пуфендорфом в контекст его теории естественного права. Исполнение естественных законов, которые открываются разумом, может потребовать применения насилия. Однако в соответствии с основным естественным законом конечная цель справедливой войны заключается в восстановлении состояния мира.

К справедливым причинам, уполномочивающим обращение к оружию, Пуфендорф относит защиту жизни и собственности, а также возвращение того, что причитается справедливой стороне по праву, и сбор репараций¹⁶⁵. Стремление к обогащению и жажда власти квалифицируются в качестве несправедливых причин войны, а государства, ведущие несправедливые войны, приравниваются Пуфендорфом вслед за Августином к бандам разбойников¹⁶⁶. Пуфендорф подчёркивает, что государство, даже обладающее справедливой причиной, должно столкнуться с явной угрозой собственной безопасности, чтобы в ответ применить силу. Превентивные войны, вызванные страхами и опасениями, не кажутся немецкому юристу справедливыми. Равно как и поспешное применение насилия даже при наличии справедливой причины. Война, во-первых, должна иметь под собой действительно серьёзную причину и, во-вторых, решение о ней следует принимать только ввиду невозможности решить конфликт переговорами или объективным арбитражем¹⁶⁷. Эти положения подтверждают приверженность Пуфендорфа принципам пропорциональности и крайнего средства. И в них, как это определяет Р. Такк, открывается критика Пуфендорфом излишней агрессивности совре-

¹⁶⁵ *Pufendorf S. De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem*. New York: Oxford University Press. 1927. P. 154.

¹⁶⁶ *Pufendorf S. De jure naturae et gentium libri octo*. Londini Scanorum: Sumtibus Adami Junghans iprimebat Vitus Haberegger. 1672. P. 1166.

¹⁶⁷ *Pufendorf S. De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem*. Pp. 102-103; 154.

менных ему отношений между европейскими народами и колониальных завоеваний¹⁶⁸.

При обсуждении должного способа ведения войны Пуфендорф выступает как сторонник применения практически неограниченных средств достижения справедливой цели. Пуфендорф заявляет, что *modus agendi* в войне суть сила и ужас, террор (*vis et terror*)¹⁶⁹. Единственным ограничителем выступают требования гуманности. Это обосновывается тем, что справедливость гражданских отношений и наказание за нарушение норм гражданского права обеспечивается беспристрастной властной инстанцией, занимающей доминирующее положение по отношению к индивидам, составляющим общество. Однако в международных делах не существует независимого судьи, обладающего властью и авторитетом большим, нежели власть государей. На них непосредственно перекладывается обязанность выступать в качестве судьи по отношению к нарушителю права и справедливо карать его. И всё же по природе своей человек наделён моральными добродетелями. Благоразумие заставляет его отказаться от чрезмерного насилия даже при наличии справедливого основания его применения. Моральные качества индивидов экстраполируются и на политические институты, поэтому государства также должны отказаться от необоснованной жестокости и агрессии в отношениях с другими государствами¹⁷⁰.

Примечательно, что особое значение Пуфендорф придаёт способу окончания войны — она завершается заключением мирного договора, который в обязательном порядке должен быть ратифицирован всеми суверенами, вовлечёнными в конфликт. При этом соглашение

¹⁶⁸ Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. P. 161.

¹⁶⁹ Pufendorf S. De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem. P. 155.

¹⁷⁰ Ibid. P. 155; 157; Pufendorf S. De jure naturae et gentium libri octo. P. 1163-1164.

удостоверяется клятвами, обменом заложниками и посредничеством сторонних государств¹⁷¹.

В сочинениях Пуфендорфа, а также ещё одного немецкого философа — Христиана Вольфа, постепенно закрепляется исключительно политическая и правовая интерпретация войны. Именно столкновения суверенных государств или гражданские войны начинают пониматься как войны в особом смысле слова, характерные только для политической жизни, в том время как частные войны или война всех против всех осмысляются как феномены, свойственные не только людям, но и животным¹⁷², то есть в принципе типичные для мира природы.

В соответствии с этой перспективной понятие *ius gentium* Вольф начинает использовать для обозначения принципов, которыми руководствуются в отношениях между собой независимые государства. Принципиальным значением для теории Вольфа обладает идея природного равенства всех государства в моральном и правовом отношении¹⁷³. Ни одно государство не может быть судьёй другому, поскольку все они равны по природе. Справедливость межгосударственных отношений определяется соответствием их действий законам природы или установленным между ними соглашениям, исходя из того, что действия одного государства не должны причинять ущерб другому¹⁷⁴.

¹⁷¹ Pufendorf S. De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem. P. 159.

¹⁷² Об этом см.: Justenhoven H.-G., Stübgen J. Kann Krieg erlaubt sein? Eine Quellensammlung zur politischen Ethik der Spanischen Spätscholastik. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. S. 41.

¹⁷³ Wolff C. Ius Gentium Methodo Scientifica Pertractatum, In Quo Ius Gentium Naturale Ab Eo, Quod Voluntarii, Pactitii Et Consuetudinarii Est, Accurate Distinguitur. Renger, 1749. P. 12.

¹⁷⁴ Ibid. Pp. 716-717. Более того, Вольф заявляет, что с точки зрения «добровольного» права народов (*ius gentium voluntarium*, термин Гроция), каждое государство может претендовать на обладание справедливыми основаниями для вступления в войну, хотя с точки зрения естественного закона, справедливость может принадлежать только одной стороне конфликта.

Война должна быть не актом возмездия (*talio*)¹⁷⁵, но наказания (*punitio*)¹⁷⁶. Если одно государство претерпело ущерб со стороны другого и этот ущерб невозможно компенсировать, то оно получает право применить силу. Идея морального и правового равенства государств приводит Вольфа к заключению об ограничении дозволенного в справедливой войне. Государство, обладающее справедливой причиной, ведёт войну ради восстановления своих нарушенных прав. Но если бы государства получили право действовать неограниченно на основании того, что они обладают справедливой причиной для применения вооружённой силы, то это привело бы к многократному росту насилия и жестокости. Государства должны использовать только необходимую и достаточную меру насилия для нанесения военного поражения своему противнику. Вольф, таким образом, одним из первых начинает говорить о «военной необходимости»¹⁷⁷. Кроме того, он также закрепляет право на неприкосновенность для гражданских лиц и всех, кто не представляет угрозу как возможный участник войны¹⁷⁸.

Именно в учении Вольфа кристаллизуется, как представляется, тот тип понимания войны, который Карл Шмитт обозначил понятием «оберегание войны» (*Hegung des Krieges*). Оберегание генерируется совмещением рационалистической и легалистской перспектив рассмотрения войны, что позволяет интерпретировать её как столкновение политических субъектов, равных по своему статусу, признающих суверенитет друг друга и действующих на основании единого для всех, «нейтрального, чисто гуманистического *jus naturale et gentium*»¹⁷⁹. Враг признается законным или справедливым врагом (*justus hostis*) и не рассматривается как преступник, которого победитель

¹⁷⁵ Ibid. Pp. 460-462.

¹⁷⁶ Ibid. Pp. 509.

¹⁷⁷ The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings. P. 469. Wolff C. *Ius Gentium Methodo Scientifica Pertractatum* P. 643-644.

¹⁷⁸ Ibid. Pp. 644-645.

¹⁷⁹ Шмитт К. Номос земли. С. 122.

предаст суду после заключения мирного договора. Именно в рамках этой парадигмы пишет свою знаменитую работу «Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов» швейцарский философ и юрист Эмер де Ваттель.

Своей основной задачей Ваттель определяет популяризацию учения Вольфа, «Право народов» которого представляет собой довольно объёмную и трудную для чтения книгу. Однако стоит согласиться с заключением Р. Такка: Ваттель заимствовал многие положения философии Вольфа, но выводы, которые он сделал, опираясь на них, серьёзно отличаются от выводов Вольфа¹⁸⁰.

Ваттель исходит из вольфианской трактовки естественного права, принцип равенства субъектов политических отношений главенствует в его системе: «нации свободны, независимы, равны и каждая судит по своей совести о должном»¹⁸¹. Что дозволено одной нации, дозволено другой, а недозволенное не дозволено всем. В то же время нация или государство — высшая политическая форма. Это означает, что государства могут определять свою политику в соответствии с собственными интересами (*raison d'État*). Но также отсюда следует невозможность появления надгосударственной институции, выступающей в роли судьи народов.

Объявление войны без существенной причины, то есть нарушение норм *ius ad bellum*, признаётся Ваттелем личным прегрешением суверена, однако не может подвергаться осуждению, поскольку недопустимо ограничивать право суверена на автономию политического решения. Единственным судьёй в международных делах является совесть государей. Основной принцип справедливости по отношению к другим народам заключается в отказе от причинения им вреда (отметим, что в дальнейшем

¹⁸⁰ Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. P. 192.

¹⁸¹ Ваттель Э. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. — М.: Госюриздат, 1960. С. 32.

эта идея будет развита в принципе невмешательства — основе классической либеральной доктрины международных отношений). Но от произвола в отношении естественных законов и права народов государи ограничиваются и прагматическим соображением:

«Законы естественного общества настолько важны для блага всех государств, что если бы вошло в обычай их попираť, то ни один народ не мог бы рассчитывать уцелеть и спокойно жить... Все нации имеют право применять силу к той из них, которая открыто нарушает законы установленного природой общества или прямо выступает против благополучия этого общества»¹⁸².

Нарушение закона природы санкционирует войну, но само по себе состояние войны, с точки зрения Ваттеля, представляет собой особое правовое состояние, и по форме своей война законна для каждого участника¹⁸³. Коль скоро государства равны по своему статусу, то и действие права войны распространяется как на сторону, обладающую справедливой причиной ведения войны, так и на нарушителя справедливости. Каждое суверенное государство, участвующее в войне, расценивается как носитель добровольного права народов и получает моральную и правовую санкцию на совершение агрессивных действий по отношению к противнику (убийство солдат неприятеля или захват его собственности). Осуждению подлежит применение недопустимых средств, иными словами, нарушение норм *jus in bello*, но не само решение о начале несправедливой войны.

¹⁸² Там же. С. 32. В дальнейшем этот принцип будет оспариваться Кантом, который назовёт Ваттеля одним из «плохих утешителей». С точки зрения Канта Ваттель, равно как и Гроций и Пуфендорф, обсуждают философские и дипломатические кодексы, которые не обладают статусом закона, поэтому не способны препятствовать агрессивным намерениям государей. *Кант И. К вечному миру* // Его же. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 7. — М.: Чоро, 1994. С. 20.

¹⁸³ Ваттель Э. Право народов. С. 541.

Война понимается Ваттелем как состояние и способ, которым государства отстаивают своё право, то есть справедливой причиной войны может быть какое-либо посягательство на суверенное право или, как обозначает это сам швейцарский философ, «обида» (*injure*). И здесь же важно подчеркнуть, что только суверенные державы могут вести войну, в противном случае мы столкнулись бы со множеством фактов злоупотребления силой и человечество не приближалось бы к реализации своей высшей задачи — к поддержанию мира.

Помимо причин войны обозначаются и цели. Обоснованными считаются три цели: заставить возвратить то, что принадлежит нам по праву, или то, что нам должны; обеспечить безопасность на будущее, наказав агрессора или обидчика; отразить нападение и защитить себя, дав отпор незаконному насилию¹⁸⁴. При этом война рассматривается как крайнее средство, которое используют справедливые и разумные государи; в первую очередь они должны искать мирного способа возмещения потерь или отмщения.

Весьма любопытно стремление Ваттеля обосновать приемлемость превентивных войн (что было немыслимо для Вольфа). Отчасти здесь он становится близок Альберико Джентили, который также отстаивал необходимость легитимации превентивных действий (в отличие от Гроция). Однако исторический контекст работ Джентили и Ваттеля сильно разнится, что приводит к различиям в аргументации. Джентили, ориентируясь на политическую ситуацию конца XVI в., оправдывал превентивные меры, оценивая их как один из видов самообороны. Страх, вызываемый предчувствием нападения со стороны противника, позволяет предвосхитить это нападение, исходя из соображений «полезной обороны» (*utilem defensionem*). В публичных отношениях отсутствие страха и уверенность в собственной безопасности — причины гибели, поэтому

¹⁸⁴ Там же. С. 440.

необходимо уметь предвидеть приближающуюся угрозу и противостоять ей¹⁸⁵.

Ваттель исходит из того, что каждая нация обладает правом использовать все средства, необходимые для самосохранения. В первую очередь это обосновывает право государств силой отвечать на нападения извне. Но также отсюда следует и обязанность устранения обстоятельств, которые могли бы повлечь гибель государства¹⁸⁶. Суверен должен не только реагировать на обиды, но и уметь предупреждать их. Движущим мотивом становится не страх, а целесообразность.

Для Ваттеля принципиально также, что усиление одной нации может серьёзным образом изменить расстановку сил в регионе. Тогда её соседи могут законно напасть на неё, если рост могущества этой нации явным образом угрожает всеобщей безопасности, а сама она обладает «несправедливыми и честолюбивыми намерениями»¹⁸⁷. Идея политического равновесия, с одной стороны способствует эскалации конфликтов и оправдывает превентивные атаки на политических и военных лидеров. Но в конечном итоге, согласно Ваттелю, эта идея должна обеспечить взаимное сдерживание держав. Швейцарский мыслитель был уверен, что принцип равновесия власти серьёзно изменил Европу его времени, которая виделась ему чем-то наподобие республики государств: «каждый ее член в отдельности независим, но все вместе они связаны общим интересом и объединены для поддержания порядка и сохранения свободы»¹⁸⁸. На Европейском континенте ни одна держава не доминирует над другой абсолютным образом, а задача европейских государей заключается, по мнению Ваттеля, в сдерживании других государей от несправедливых войн при помощи силы и содействии окончанию справедливых войн при помощи

¹⁸⁵ Gentili A. *De iure belli libri tres*. Oxford: Clarendon Press. 1877. Pp. 57-63.

¹⁸⁶ Ваттель Э. *Право народов*. С. 46.

¹⁸⁷ Там же. С. 449.

¹⁸⁸ Там же. С. 451.

переговоров. Реалистская идея баланса сил примиряется в концепции Ваттеля с учением о справедливой войне.

Ключевыми принципами ведения вооружённой борьбы объявляются сдерживание и соразмерность применяемого насилия. Допускаются лишь необходимые и достаточные средства нанесения поражения и достижения победы: «законная цель дает подлинное право лишь на средства, необходимые для достижения этой цели; все, что сверх этого, не одобряется естественным правом, неправильно и подлежит осуждению судом совести»¹⁸⁹. «Умеренность во вреде» (*modération sur le mal*) служит залогом своевременного завершения войны и заключения мира с противником. В целом Ваттель исходит из того, что в справедливой войне несправедливая сторона иницирует убийство, однако это не может оправдать отказа от принципов гуманности по отношению к врагу.

Но не только требования естественного права ограничивают применение чрезмерного насилия. Государи отказываются от некоторых «допустимых и ненаказуемых средств», понимая их несправедливость перед лицом Бога и судом совести (*Tribunal de la Conscience*). Кроме того, народы руководствуются в отношениях между собой не только естественным, но и добровольным правом, которое ориентирует их на построение «великого общества наций»¹⁹⁰. Естественное состояние для Ваттеля — мир, поскольку разум человека указывает ему на обязанность решать разногласия мирно. В данном случае Ваттель открыто критикует Гоббса, который неверно оценил, что сама природа человека нацелена на мирное состояние; человек весь устремлён к безопасности и покою, благополучию и счастью. И каждый суверен может содействовать достижению этих целей, оберегая мир, не создавая угроз своим соседям и последовательно исполняя заключённые договора.

¹⁸⁹ Там же. С. 496.

¹⁹⁰ Там же. С. 543.

Стоит также обратить внимание и на учение о войне Иммануила Канта, во-первых, поскольку его зачастую причисляют к ряду сторонников теории справедливой войны¹⁹¹, что, в свою очередь, становится предметом критики со стороны тех, кто видит в кёнигсбергском мыслителе последовательного пацифиста¹⁹², и во-вторых, именно к Канту как наиболее важному для себя классическому источнику обращается Брайан Оренд¹⁹³, которому посвящена пятая глава настоящей работы. Кант пишет свой знаменитый трактат «К вечному миру» в 1795 г., когда во Франции уже несколько лет идёт кровавая революция, а Европа окутана огнём войн, спровоцированных этой революцией. Опровергая воззрения аббата Шарля Сен-Пьера, автора ещё одного знаменитого трактата о вечном мире¹⁹⁴, Кант утверждает, что в настоящее время не существует подлинного сообщества, объединяющего европейские государства, и «способ, каким государства добиваются своих прав, не является судебным процессом, а лишь войной»¹⁹⁵. В своей оценке враждебного состояния, в котором находятся государства, Кант наследует Ваттелю, — его нельзя определить как несправедливое, поскольку каждое государство выступает судьёй для себя самого, ответственно решая о справедливости объявления войны — вопрос личной оценки государём своих действий. Однако Кант надеется, что со временем войны могли бы исчезнуть совершенно. Во всяком случае, идею мира без

¹⁹¹ См. например: *Masek L.* All's Not Fair in War: How Kant's Just War Theory Refutes War Realism // *Public Affairs Quarterly*. 2002. Vol. 16. No. 2. Pp. 143-154.

¹⁹² Среди прочих работ подобного рода особо выделим *Williams H.* Kant and the End of War: A Critique of Just War Theory. New York: Palgrave Macmillan. 2012.

¹⁹³ См. *Orend B.* Kant's Just War Theory // *Journal of the History of Philosophy*. 1999. Volume 37, Number 2. Pp. 323-353; *Orend B.* Kant's ethics of war and peace // *Journal of Military Ethics*. 2004. # 3 (2). Pp. 161-177.

¹⁹⁴ *Saint-Pierre C.* Projet pour rendre la paix perpétuelle en Europe. A. Schouten, 1713; *Сен-Пьер Ш.* Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж. Руссо. 1760) // *Трактаты о вечном мире*. СПб.: Алетея, 2003. С. 136-161.

¹⁹⁵ *Кант И.* К вечному миру. С. 20.

войн он предлагает в качестве морального идеала, имеющего самое непосредственное практическое значение.

Стремление к жизни без войны и насилия присуще, по мнению Канта, каждому разумному человеку. В политическом отношении состояние вечного мира оказывается высшим благом¹⁹⁶. Однако в силу природной склонности ко злу и подавления автономии воли люди теряют из виду эту идею, вследствие чего склоняются к использованию насилия. Таким же образом взаимодействуют между собой и государства, в результате чего «народы в качестве государств можно рассматривать как отдельных людей, которые в своем естественном состоянии (т.е. вне зависимости от внешних законов) уже своим совместным существованием нарушают право друг друга»¹⁹⁷. Здесь Кант явным образом воспроизводит известную характеристику, данную международным отношениям Гоббсом:

«короли и лица, облеченные верховной властью, вследствие своей независимости всегда находятся в состоянии непрерывной зависти и в состоянии и положении гладиаторов, направляющих оружие друг на друга и зорко следящих друг за другом. Они имеют форты, гарнизоны и пушки на границах своих королевств и постоянных шпионов у своих соседей, что является состоянием войны»¹⁹⁸.

И всё же Кант не соглашается с Гоббсом абсолютным образом. Он не останавливается на выводе о вечности естественного состояния, в котором пребывают государства. Естественному состоянию противостоит правовое состояние, в котором не сила, а закон становится мерилom справедливости. Это правовое состояние мира «должно

¹⁹⁶ Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Его же. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. — М.: Чоро, 1994. С. 392.

¹⁹⁷ Кант И. К вечному миру. С. 18.

¹⁹⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Его же. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991. С. 97.

быть установлено»¹⁹⁹, т.е. оно не недостижимо и обретается путём постепенного реформирования внутри- и внешнеполитических отношений. Содействие философа и интеллектуала всеобщей пацификации должно состоять в предложении программы мер, которые определили бы направление и содержание этих реформ. Собственно, в трактате о вечном мире Кант как раз и предлагает такой проект.

Как и в случае выхода людей из естественного состояния, государство ради собственной безопасности должно требовать от другого государства вступить с ним в такое устройство (которое Кант сравнивает с гражданским), где каждому будет гарантировано его право. Кант определяет шесть прелиминарных статей договора о вечном мире, устанавливающих отношения взаимного доверия между государствами. К ним добавляются три дефинитивные статьи, гарантирующие прекращение всякой враждебности посредством установления системы всемирно-гражданского права (Кант называет его также космополитическим (*ius cosmopolitanum*) правом). Базовым принципом этой новой системы права, связывающей между собой все государства, становится принцип всеобщего радушия, т.е. отказ от враждебности по отношению к чужестранцам. Далее, должна быть учреждена федерация автономных государств, которая снимет взаимное недоверие между нациями. Здесь немецкий философ идёт дальше своих предшественников, заявлявших о вечном мире в рамках Европейского содружества (Сен-Пьер) или Христианской Республики (Руссо), то есть по сути предлагавших элитарные концепции вечного мира для избранных народов. С точки зрения Канта, все народы должны быть объединены в «суррогат союза» для устранения взаимной враждебности. Принципиально при этом, что речь идёт не о создании мирового государства, но именно о добровольном союзе государств, согласившихся отказаться от применения насилия по отношению друг к другу, но не утративших собственной суве-

¹⁹⁹ Кант И. К вечному миру. С. 13.

ренности. Кроме того, кантианский проект предполагает постепенное установление республиканизма, который в большей степени служит делегитимации войны²⁰⁰. Вопрос мира для него в большей степени связан с вопросом о правильной организации государства, что в свою очередь повлияет на моральное воспитание народа. Граждане, получившие моральное воспитание и привлекаемые через систему представительств к управлению государством, перед вступлением в войну, как пишет Кант, «хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру»²⁰¹. Соответственно, именно распространение республиканизма становится необходимым условием перехода к вечному миру. Несмотря на то, что эта точка зрения постоянно оспаривается, Кант предстаёт ключевой фигурой в теории демократического мира²⁰².

Кант использует многие положения теории государства и права Гроция, Пуфендорфа, Вольфа и Ваттеля, но серьёзно отличается от них в своей оценке международного права. По его мнению, действительное ограничение войны даёт не международное право, а космополитическое. Международное право формируется за счёт договоров, однако конвенции не подкрепляются ничем, кроме доброй воли, принявших их государей, они, как правило, исполняются лишь частично и постоянно нарушаются. То есть договор не обладает чрезмерной силой, которая принудила бы народы отказаться от насилия. Всеобщая пацификация возможна только за счёт следования морально-правовому

²⁰⁰ О кантовском республиканизме и ошибках смешения его с либеральным демократизмом см.: Каранти Л. «Вечный» мир и «либеральный» мир: три пункта неверной интерпретации // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 131-143.

²⁰¹ Кант И. К вечному миру. С. 15.

²⁰² Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12, No. 3. Pp. 205-235; Vol. 12, No. 4. Pp. 323-353; Doyle M. *Ways of War and Peace*. New York: W.W. Norton, 1997. Ruggie J. *Grasping the Democratic Peace*. Princeton: Princeton University Press. 1993. Rummel R. *Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence*. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 1997.

разуму, который заставит государства сформировать некое подобие конгресса или федерации и решать законы не варварским, военным способом, а цивилизованно при помощи переговоров и судов²⁰³. Нельзя сказать, что Кант даёт более надёжную основу международной безопасности, нежели Гроций или Пуфендорф, которые верили в едва ли не святую обязанность исполнять договора, установленную самой природой. Но важно всё-таки отметить это качественно иное, исключительно философское основание, на котором Кант выстраивает своё учение о войне. Только разумная деятельность и следование долгу сможет, по его мнению, обеспечить если не полное исчезновение, то значительное ограничение войны.

Всё вышесказанное, однако, демонстрирует пацифистские и космополитические устремления Канта. Возможность увидеть в нём представителя традиции справедливой войны связана со следующим. Пока государства не приблизились к состоянию вечного мира, война остаётся уместным для них способом защитить свои права — в первую очередь, неприкосновенность границ и суверенитет²⁰⁴. На нарушение этих прав или серьёзную угрозу их нарушений допустимо отвечать с помощью силы. Как определяет это Кант в «Метафизике нравов»:

«Право *государств* в отношении друг к другу, которое не совсем правильно называется *международным* правом — оно должно было бы, скорее, называться межгосударственным (*ius publicum civitatum*), — это то право, которое мы должны рассмотреть под названием международного права, когда одно государство, рассматриваемое как моральное лицо по отношению к другому государству, в

²⁰³ О проблемах, с которыми сталкивается кантовская идея союза суверенных государств см. Хабермас Ю. Кантова идея вечного мира — из 200-летней исторической перспективы // Его же. Вовлечение другого: Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001. С. 277-332.

²⁰⁴ Об этом Кант подробно пишет в разделе о международном праве «Метафизики нравов», см.: Кант И. Метафизика нравов в двух частях. С. 379-388.

состоянии естественной свободы, а, следовательно, и в состоянии постоянной войны делает своей задачей установить отчасти право *на* войну, отчасти право *во время* (im) войны, отчасти право заставлять друг друга выйти из этого состояния войны, стало быть, установить строй, обеспечивающий прочный мир, т.е. право *после* войны»²⁰⁵.

Ius gentium (или кажущееся Канту более уместным обозначение *ius publicum civitatum*) представляет собой право войны и мира и действует, как мы отметили ранее, до тех пор, пока государства находятся между собой в естественном состоянии, то есть состоянии войны. На первый взгляд Кант предлагает здесь классическое разделение права во время войны (*ad bellum*) и во время войны (*in bellum*). Однако важна также и финальная часть процитированного выше тезиса — Кант обращает внимание на право после войны (*post bellum*). Это оригинальное кантовское дополнение играет ключевую роль в его понимании справедливости войны. Только в перспективе приближения к состоянию мира, а не просто примирению, т.е. выходу из конкретного конфликта, имеет смысл говорить о справедливости войны и соответствии её международному праву. Справедливая война и сам способ её ведения должны предполагать «возможность выйти из указанного естественного состояния государств (в области внешних взаимоотношений) и вступить в правовое состояние»²⁰⁶. Это положение указывает на тесную взаимосвязь всех трёх этапов развития вооружённого конфликта и подчиняет нормы *ad bellum* и *in bello* принципам *post bellum*.

В естественном состоянии государств основной справедливой причиной войны, по мнению Канта, является нанесение ущерба, легализующее восстановление права при помощи силы. Также немецкий философ признаёт правомерным вооружённый ответ на чрезмерное усиле-

²⁰⁵ Там же. С. 379-380.

²⁰⁶ Там же. С. 384.

ние могущества одного государства вследствие увеличения военного потенциала или расширения территории. В эпоху национальных государств поддержание баланса сил становится главным принципом международных отношений. И ещё одна группа справедливых причин обозначается Кантом как «оскорбление действием». К ним относятся удовлетворение обиды, нанесённой одним народом другому, и «возмездие (*retorsio*) без попытки добиться возмещения (мирным путем) от другого государства»²⁰⁷.

Нормы *in bello* подчинены строгому требованию «вести войну, руководствуясь такими принципами, согласно которым еще остается возможность выйти из указанного естественного состояния государств... и вступить в правовое состояние»²⁰⁸. В соответствии с этим Кант запрещает карательные (*bellum punitivum*), истребительные войны (*bellum intemecinum*), а также войны ради порабощения (*bellum subiuvatorium*). Важным кажется Канту и отказ от «вероломных» средств ведения войны: засылка шпионов, убийц, отравителей, распространителей слухов и подстрекателей к измене и т.д. Эти средства, во-первых, усиливают взаимное недоверие между сторонами конфликта, что делает невозможным установление в будущем состояния мира. И во-вторых, они противоречат целям учреждения государства, поскольку обозначенные категории участников войны перестают быть полноценными гражданами. Эти запреты знают, однако, одно исключение. Против несправедливого врага допустимо применять неограниченные средства. Несправедливым врагом Кант объявляет государство, которое словом или делом публично выражает «максиму, согласно которой, если сделать ее всеобщим правилом, невозможно состояние мира между народами и должно быть увековечено естественное состояние»²⁰⁹. Иначе говоря, это государство, отказывающееся соблюдать нормы международного права, знающего в ка-

²⁰⁷ Там же. С. 383.

²⁰⁸ Там же. С. 384.

²⁰⁹ Там же. С. 383.

честве своей конечной цели выход из естественного состояния бесправия и учреждение всеобщее мира. Представляется, что К. Шмитт не совсем верно интерпретирует кантовского *hostis inijustus* как участника «войны, соответствующей нормам международного права»²¹⁰, которого одна из сторон криминализует и дискриминирует. Хотя можно было бы ожидать от Канта более подробного объяснения этого вопроса, видимо, он имел в виду, что чрезмерно агрессивное государство или государство, нарушающее нормы *in bello*, отказывается содействовать достижению цели всеобщей пацификации и, следовательно, его действия не соответствуют нормам международного права. Такой несправедливый враг лишается оберегания, которое ему могло гарантировать международное право, поэтому в его отношении приемлемо использовать запрещённые в иных случаях методы борьбы²¹¹.

Наконец, право после войны призвано — когда война заканчивается подписанием мирного договора — призвано восстановить взаимное доверие сторон, находившихся в противоборстве. Как следствие, Кант указывает на неприемлемость лишения населения побеждённой страны его гражданских свобод и подрыва государственности. Победителю запрещено наказывать побеждённого и облагать его послевоенными контрибуциями. С точки зрения Б. Оренда, статьи договора, прекращающие враждебность между государствами, которые мы находим в трактате «К вечному миру», непосредственным образом относятся к сфере права после войны²¹². Таким образом, Кант предлагает целую систему принципов *ius post bellum*, предвосхищая дискуссии относительно этой проблемы в рамках современной теории справедливой войны.

Подводя итог, отметим, что в рассуждениях Канта о системе международного права мы действительно можем

²¹⁰ Шмитт К. Номос земли. С. 216.

²¹¹ Схожим образом понятие несправедливого врага интерпретируется в Shell S.M. Kant on Just War and 'Unjust Enemies': Reflections on a 'Pleonasm' // Kantian Review. 2005. Vol. 10. Pp. 101-102.

²¹² Orend B. Kant's Just War Theory. Pp.351-352.

обнаружить элементы мышления в духе справедливой войны. Это отчасти оправдывает претензии современных теоретиков справедливой войны на причисление Кёнигсбергского философа к своему лагерю. Однако если мы будем помнить о том *veto*, которое, по мнению Канта, накладывает на войну практический разум, требующий от нас постоянно искать возможности приблизиться к состоянию вечного мира²¹³, его статус теоретика справедливой войны перестанет быть столь однозначным.

После Канта наступает эпоха, когда концепция справедливой войны не имела авторов, схожих по значению с Августином, Фомой Аквинским или Гроцием. Пожалуй, одним из немногих действительно ярких авторов, развивавших теоретическую составляющую учения о справедливой войне, был Джон Стюарт Милль. В 1859 г. он выпустил эссе «Несколько слов о невмешательстве»²¹⁴, в котором изложил основоположения концепции либерально-демократической интервенции. Милль последовательно отстаивает идею невмешательства как ключевого принципа международных отношений, перенося на сферу мировой политики своё учение о политической свободе²¹⁵. Милль налагает вето на агрессивные и захватнические войны. Однако идея невмешательства в интерпретации Милля дополняется несколькими исключениями из этого базового принципа. Первым наиболее очевидным исключением становится признание самообороны в качестве веской причины войны. Далее, английский философ называет справедливой войну с варварскими народами, не знакомыми с международным правом. Борьба с ними будет способствовать распространению цивилизованности. Допустимой оказывается также и превентивная борьба с агрессивным, преступным режимом. Если население какого-либо государства ведёт борьбу с деспотической вла-

²¹³ Кант И. К вечному миру. С. 282.

²¹⁴ Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention / Fraser's Magazine. LX (Dec.). 1859. P. 766-776.

²¹⁵ Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10-15; № 12. С. 21-26.

стью, то соседние государства могут вмешаться и помочь свергнуть деспота, но при условии, что местное население готово взять на себя ответственность самостоятельного управления. Случаи обоснованного нарушения принципа невмешательства, описанные Миллем, в дальнейшем активно обсуждались М. Уолцером и другими современными теоретиками справедливой войны²¹⁶.

Несмотря на то, что фигур, подобных Миллю, в XIX в. было немного, стоит отметить, что этот период характеризовался качественным развитием практической составляющей реализации норм *jus in bello*. Люди, обеспокоенные проблемами ограничения войны, созывают мирные конференции в Женеве, Гааге, Санкт-Петербурге. Появляется огромное количество межгосударственных соглашений, договоров, пактов, имеющих целью урегулирование норм поведения во время вооружённых конфликтов. В 1863 г. по инициативе Анри Дюнана создаётся Международный Комитет Красного Креста для пропаганды и укрепления гуманитарного права и универсальных принципов гуманности²¹⁷. Многие положения доктрины справедливой войны были кодифицированы и интегрированы в систему международного права.

Можно сказать, что этот период был временем заката учения о справедливой войны именно как теории, интерес к которой был восстановлен только в 60-70-х годы прошлого столетия с появлением работ Йозефа Маккены, Пола Рамси, Элизабет Энском и Томаса Нагеля²¹⁸ и многих других. Знаковым событием стала публикация в 1977 г. книги М. Уолцера «Справедливые и несправедли-

²¹⁶ Подробнее о месте аргументов Милля в современной нравственной дискуссии о войне см.: Куманьков А. Д. Этика военной интервенции. Аргумент Дж. Ст. Милля и его современное значение // Vox. Философский журнал. 2015. № 18. С. 1-11.

²¹⁷ Устав Международного Комитета Красного Креста от 18 декабря 2014 г.

²¹⁸ McKenna J. C. Ethics and War: A Catholic View // American Political Science Review. Vol. 54. № 3. 1960; Ramsey P. The Just War: Force and Political Responsibility. Rowman & Littlefield. 2002 / Reprint New York, Scribner, 1968; Anscombe G.E.M. War and Murder; Nagel T. War and Massacre // Moral Questions, New York: Cambridge University Press, 1979, 53-74.

вые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»²¹⁹. С момента появления этой работы теории справедливой войны стала бурно развиваться, привлекая всё больше сторонников и постепенно превращаясь в необходимый элемент современной политической жизни. В наше время теория справедливой войны превратилась в одну из самых разработанных философских концепций войны. Множество авторов помимо самого М. Уолцера участвуют в концептуализации теории справедливой войны по обе стороны Атлантики: Пол Кристофер, Джейн Бетке Эльштейн, Дэвид Родин, Майкл Игнаттьев, Мартин Кук, Стивен Ли, Хенрик Сисе, Хелен Фроу²²⁰. Иными словами, теория переживает в настоящее время свой второй расцвет. Дебаты ведутся и вокруг несекуляризованной версии концепции справедливой войны²²¹. В рамках международного права также со временем произошёл переход от позитивистских концепций войны к обновлённой теории справедливой войны, что нашло отражение в Уставе ООН и новейших нормах международного права, таких, например, как концепция «обязанность защищать». В связи с таким масштабным усилением роли теории справедливой войны доктор

²¹⁹ *Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. Basic Books. 2015.*

²²⁰ *Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Prentice Hall. 1999; Elstain J. B. Just War Against Terror: The Burden Of American Power In A Violent World. New York: Basic Books, 2003; Rodin D. War and Self-Defense. Oxford: Clarendon Press. 2004; Rodin D. War, Torture and Terrorism: Ethics and War in the 21st Century. Oxford: Blackwell. 2007; Ignatieff M. Virtual War: Kosovo and Beyond. New York: Picador. 2001; Cook M. The Moral Warrior: Ethics and Service in the U.S. Military. Albany: State University of New York Press. 2004; Lee S. Ethics and War An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press. 2011; Syse H. Religious Ethics, Christianity, and War // Nordic Journal of Applied Ethics. 2009. Etikk I Praksis 3(1). Pp. 49–58; Frowe H. Defensive Killing. Oxford: Oxford University Press. 2014.*

²²¹ Один из важнейших документов — Пастырское послание, принятое на Конференции католических епископов США в 1983 г.: *A Pastoral Letter on War and Peace by the National Conference of Catholic Bishops. The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. Office of Pub. Services, United States Catholic Conference, 1983.*

Эдинбургского университета Стефен Нефф даже предложил говорить о «новом порядке теории справедливой войны» (neo-just-war order)²²², укоренившемся в системе международных отношений.

Стоит также заметить, что помимо западноевропейской доктрины справедливой войны, христианской по своему происхождению, существуют иудейские и арабские традиции нормативного ограничения, которые не просто воспроизводят классические аргументы западных авторов, но предлагают свой специфический взгляд на проблемы нравственного сдерживания войны²²³. Однако описание современных католических, иудейских или арабских доктрин справедливой войны выходит за рамки нашего краткого изложения истории этой нормативной теории войны. Невозможно также и подробнее остановиться на каждом из обсуждавшихся в данной главе периодов развития дискуссии о моральном статусе войны. Основной задачей настоящей работы будет исследование концепций четырёх классических авторов современной теории справедливой войны — Майкла Уолцера, Николаса Фоушина, Брайана Орендта и Джеффа Макмахана. Обращение к ним позволит, во-первых, определить наиболее важные и оригинальные подходы к трактовке концепции справедливой войны, во-вторых, выявить непосредственную нормативную составляющую этих доктрин, в-третьих, определить потенциал практического применения современных теорий справедливой войны. Кроме того, движение от поколения теоретиков справедливой войны, представленного Уолцером и Фоушином, к поколению Орендта и Макмахана продемон-

²²² Neff S.C. *War and the Law of Nations: A General History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 316-334.

²²³ См., к примеру, Edrei A. *Spirit and Power: Rabbi Shlomo Goren and the Military Ethic of the Israel Defence Force* // *Theoretical Inquiries in Law*. Vol. 7. 2005–2006. P. 255-297; Walzer M. *War and Peace in the Jewish Tradition* / *The Ethics of War and Peace*, ed. Terry Nardin. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 95-114; Aboul-Enein Y., Zuhur S. *Islamic Rulings on Warfare*. DIANE Publishing, 2004.

Глава 1

стрирует путь, который прошла теория справедливой войны за последние сорок лет.

Глава 2

Майкл Уолцер — патриарх современной теории справедливой войны

Работа Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями»¹, ставшая настоящей классикой современной политической философии, вышла в свет в 1977 году. Однако русскоязычному читателю Уолцер известен в первую очередь по книгам «О терпимости»² и «Компания критиков»³, в которых он выступает в первую очередь как специалист по моральной и социальной философии. На русском языке были опубликованы также переводы нескольких статей Уолцера⁴. Складывается довольно парадоксальная ситуация, поскольку автор, получивший всемирное признание за работы по этике войны, в России известен скорее за другие свои заслуги.

Об успехе книги «Справедливые и несправедливые войны» можно судить хотя бы по тому, что на настоящий момент она была переиздана уже пять раз и переведена на многие языки. Впервые сочинение Уолцера было опубли-

¹ Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration.

² Уолцер М. О терпимости. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

³ Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. — М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.

⁴ Уолцер М. Глобального политического пространства не существует // Свободная мысль. 2009. № 2 (1597). С. 5-16; Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26-32; Уолцер М. Сферы привязанности // Логос. 2006. № 2 (53). С. 128-129; Уолцер М. Интеллектуалы, социальные классы и революции // Логос. 2012. № 2 (86). С. 95-113; Уолцер М. Философия и демократия // Логос. 2012. № 3 (87). С. 36-59; Уолцер М. О человеколюбии // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 4. С. 34-46.

ковано вскоре после окончания войны во Вьетнаме. Появление книги было обусловленной этим историческим контекстом, и каждое последующее переиздание появлялось, когда Соединённые Штаты начинали крупные военные кампании — войны в Персидском заливе, Афганистане, Ираке и Сирии.

Выход «Справедливых и несправедливых войн» символизировал перелом, наметившийся в области этики войны в 60-е годы — начался новый этап активного развития теории справедливой войны, которая, как казалось, давно уже отошла в ведение истории философии. Уолцер использовал теоретические разработки своих предшественников — Августина, Аквината, Гроция — для создания обновлённой версии доктрины *bellum justum*. Свою теорию справедливой войны он применил для критики господствующей в то время концепции политического реализма, успехи которого были связаны с именами Эдварда Карра, Ханса Моргентау, Райнхольда Нибура, Ричарда Лебоу и Кеннета Уолтца⁵. Как замечает сам М. Уолцер, укрепление политического реализма в середине двадцатого столетия привело к торжеству *raison d'État* над идеей справедливости. Это было время полного доминирования государственного над частным, а национальный интерес понимался в качестве единственного критерия справедливости в политической сфере. Правителей того времени Уолцер сравнивает с государями макиавеллианского типа, которые делают то, что им «приходится» делать, и не отчитываются ни перед кем. Войны, по мнению Уолцера, фактически лишились в этот период какого бы то ни было морального ограничения или сдерживания. Единственным законом войны стала древнеримская максима *inter arma enim silent leges*⁶. Но именно мышление в прагматических категориях реальной политики несколько раз ставило мир на грань новой мировой войны и глобальной катастрофы.

⁵ В русской транскрипции встречается также вариант Уолтс.

⁶ Законы молчат среди лязга оружия (лат.)

Реализм на время оказался политически удобной концепцией. Однако в 60-е годы правительства мировых держав столкнулись с необходимостью удовлетворения общественного запроса на ограничение войн и нравственную оценку деятельности собственных армий. Начался процесс общественной делегитимации войны. Ответом на этот запрос стало в частности появление теории справедливой войны в её современном виде.

Во вступлении к книге «Споря о войне» Уолцер замечает, что теория справедливой войны начинается с «идеи нравственного подхода к войне как особому виду человеческой деятельности»⁷. Подобная позиция по отношению к войне предполагает особое отношение к миру, специфическую политическую онтологию. Сфера политики, как и любая сфера, в которой действует человек, подразумевает действие законов морали. Уолцер убеждён, что по природе своей человек всегда способен делать заключения о правильном и неправильном, должном и запретном, вынося определённое суждение (judgement)⁸. Даже на войне, которая, по мнению Уолцера, «иногда необходима», человек сохраняет эту способность и может действовать в соответствии с законами морали. Из этого следует, что дискуссию о необходимости войны нужно вести на языке не только права, но и морали. При этом обязанность подчиняться нравственным предписаниям превалирует над политическими или экономическими интересами.

Именно нравственное начало должно выступать в качестве основания, на котором могут быть выстроены принципы ограничения войны. Кроме того, мышление в категориях морали определяет поведение человека во время войны: несмотря на возможную неудачу и поражение, он всегда обязан будет действовать морально приемлемо. Но осознание обязанности поступать нравственно не связывается Уолцером с глубокой саморефлексией или

⁷ Walzer M. *Arguing about war*. P. ix.

⁸ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. p. 3.

автономией воли, как это было у Канта⁹. По мнению американского философа, сама социальная среда заставляет людей обращаться к морали. Для Уолцера более релевантным объяснением подобного свойства человеческой природы служит не кантианская деонтология, а контекстуализм Дж. Дьюи. Различая «плотную» мораль, выводимую из традиций и институциональных установок каждого конкретного народа, и «тонкую» мораль, за которой стоит универсальная, общечеловеческая рациональность, Уолцер отдает предпочтение первой¹⁰. Сама культурная среда предписывает человеку поступать нравственно, а законы войны получают почти полную универсальность и общезначимость. Если христианские авторы доктрины *bellum justum* стремились обосновать этическую состоятельность её принципов через обращение к католическому догмату, то для Уолцера правила *jus ad bellum* и *jus in bello* ценны сами по себе, они самоочевидны.

Если попытаться обнаружить другие теоретические влияния на Уолцера, то помимо контекстуализма Дьюи, стоит указать на утилитаризм Генри Сиджвика¹¹. В своей нормативной концепции войны Уолцер обращается как к утилитаризму действия, так и к утилитаризму правила, и его нельзя назвать последовательным сторонником одной из этих доктрин. Однако у Сиджвика Уолцер заимствовал немало принципиальных идей для своей теории справедливой войны, хотя в целом утилитаристские аргументы в его теории появляются в исключительных случаях. В сравнении с прочими концепциями справедливой войны теорию Уолцера можно назвать наиболее левоориентированной¹², хотя и либеральная традиция, постулирующая пер-

⁹ Кант И. Основоположения метафизики нравов // Его же. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 4. — М.: Чоро, 1994. С. 153-246.

¹⁰ Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1994.

¹¹ Sidgwick H. The Methods of Ethics. 7th edn. Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Company, 1981.

¹² Сам Уолцер нередко высказывался в пользу левого интернационализма, причём ненасильственного интернационализма. См. Reading Walzer /Ed. Edited by Y. Benbaji, N. Sussmann. Routledge. 2014. pp. 106-107.

воочередное положение личных свобод и права на самоопределение, занимает важное место в его политической мысли. Во многом концепция Уолцера следует учению о гражданских правах Дж. Ст. Милля. Также для Уолцера крайне важна идея государственного суверенитета, под которым должно пониматься не только право самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику, но и специфические обязанности государства. Задача государства сводится не только к обеспечению своего национально интереса; важным аспектом его деятельности становится защита прав и личных свобод человека, хотя неизбежными оказываются случаи вынужденного нарушения этих прав, как это происходит, например, во время войны, когда государство призывает своих граждан в армию, ограничивая их свободу и подвергая их опасности.

В методологическом отношении Уолцер определяет себя как сторонника прикладной моральной философии. Он стремится выявить содержание разнообразных паттернов, формирующих способ нашего осмысления войны, — религиозных, культурных, политических, правовых. Последний играет ключевую роль в современном понимании войны. Однако правовым измерением войны не исчерпываются все возможные её интерпретации, поэтому для Уолцера важно совместить исследование «общих формул» юристов с анализом исторических примеров и обыденных дискуссий по вопросам войны и мира. Уолцер часто обвиняется в отсутствии систематичности и даже «анархичности» письма. Джордж Лукас видит в работах Уолцера хаотичное «цитирование, описание и аналитику исторических кейсов и гипотетических примеров, сопровождаемое проверкой наших широко распространённых дотеоретических интуиций» на этих же кейсах и примерах¹³. Это, возможно, чрезмерно эмоциональная оценка методики работы Уолцера, но в известной степени верная и способная дать представление о стилистике основных сочинений Уолцера.

¹³ Lucas G. R. Jr. 'Methodological Anarchy': Arguing about War and Getting It Right. Brian Orend, *The Morality of War* // *Journal of Military Ethics*. 2007. Vol. 6. No. 3. Pp. 247.

Центральный тезис М. Уолцера, который используется в качестве исходного положения в его версии теории справедливой войны, состоит в указании на единственную возможность судить о нравственности во время войны только в контексте рассуждения о праве. Дж. Макмахан видит в этом проявление влияния на этику войны дискурса международного права, который до сих пор имеет первостепенное значение для моральной философии войны¹⁴. М. Уолцер, таким образом, оказывается сторонником легалистской концепции этики, предполагающей, что в международной системе наивысшей ценностью обладают права государств — в первую очередь суверенитет и территориальная целостность. Право, а не моральный кодекс, выбирает Уолцер в качестве источника справедливости. Находится место здесь и полезности или выгоде, но не какому-то абстрактному понятию морали.

Легалистская парадигма формулируется Уолцером в шести тезисах:

1. международное сообщество состоит из независимых государств;
2. это сообщество управляется законом, который закрепляет права его членов — в первую очередь, права на территориальную целостность и политический суверенитет;
3. нарушение территориальной целостности и политического суверенитета признаётся агрессией и преступлением;
4. справедливым ответом на агрессию считаются самооборона или война по восстановлению правового порядка;
5. ничто, кроме агрессии, не может оправдать войну;
6. после того, как агрессору дан отпор, его можно и нужно наказать¹⁵.

¹⁴ McMahan J. The Morality of War and the Law of War // Just and Unjust Warriors: The Moral and Legal Status of Soldiers, Rodin D., Shue H. (eds.). New York: Oxford University Press. 2008. P. 20.

¹⁵ Walzer M. Just and Unjust Wars. p. 61-62.

Развивая легалистскую модель теории справедливой войны, Уолцер исходит из закреплённого в практике международных отношений принципа, который запрещает развязывание войн и определяет агрессивные войны как преступления. Уолцер также ставит агрессию вне закона, понимая ее как акт не только политически, но и юридически нелегитимный. «Агрессия — вот имя, которым мы нарекаем военные преступления. Мы понимаем, что это преступление, поскольку знаем то состояние мира, которое прервала война. Зло, которое порождает война, заставляет мужчин и женщин рисковать собственными жизнями ради защиты их прав»¹⁶. Агрессивная война воспринимается им в соответствии с легалистской парадигмой как преступное деяние (criminal act).

Кроме того, агрессия признаётся и нравственным преступлением. Причина такого негативного отношения к войне вполне очевидна — она кроется в насильственном характере войны: «людей убивают, и часто в больших количествах... без разбора возраста, или пола, невзирая на законы морали»¹⁷. Война характеризуется всевозможными ужасами и интенсификацией насилия. Причём она насильственна не только потому, что предполагает применение силы и убийство в качестве основных средств, война репрессивна и в силу того, что она не позволяет индивиду действовать независимо, в соответствии с собственными желаниями. Подавляющее большинство вовлечённых в вооруженное столкновение предпочло бы избежать участия в нём. Преступная война прерывает состояние справедливого мира, а агрессор лишает невинных людей права на ведение привычного для них образа жизни, заставляя с оружием в руках сражаться за это право. Таким образом, Уолцер связывает понятие справедливой войны с идеей защиты собственных прав допустимыми силовыми методами. Неспра-

¹⁶ Ibid. P. 51.

¹⁷ Ibid. P. 22.

ведливые, агрессивные войны санкционируют применение силы в ответ на преступления агрессивного правительства

Несправедливая война как абсолютно антиправовой акт признаётся проявлением тиранической воли агрессивного политического лидера или правительства: «мы можем определить её как проявление тирании власти, во-первых, против своего собственного народа, и, во-вторых,... против людей, которых они атаковали»¹⁸. Правительство, которое развязывает войну, совершает акт насилия не только над своим противником, но и над собственным народом.

Другое ключевое положение нормативной концепции Уолцера состоит в понятии о морально должном поведении. Как было уже отмечено ранее, одна из основополагающих идей теории Уолцера заключается в том, что всякий человек, участвующий в войне, действует в соответствии с определённым набором нравственных правил. Среди этих правил есть в то же время и принципы, которые заставляют людей вставать на защиту своего отечества и подчиняться приказам военного и политического руководства. В «Справедливых и несправедливых войнах» Уолцер особое значение уделяет тому факту, что военные по обе стороны линии фронта действуют по принуждению. Участники столкновения одинаковы в своей несвободе и в целом в тех условиях, в которых они оказались. Люди с каждой стороны становятся жертвами войны уже по факту своего вынужденного участия в боевых действиях. Уолцер иллюстрирует своё рассуждение цитатой из «Генриха V» Шекспира: «Мы знаем только, что мы подданные короля, и этого для нас достаточно. Но если бы даже его дело было неправым, повиновение королю снимает с нас всякую вину»¹⁹. Другим литературным источником служит Л.Н. Толстой и его князь Андрей, который служит «своему

¹⁸ Ibid. P. 31.

¹⁹ Шекспир У. Генрих V // Его же. Полное собрание сочинений в 14 томах. Т. 2. — М.: Терра, 1992. С. 290.

царю и отечеству»²⁰. По мнению Уолцера, за редкими исключениями солдаты по обе стороны линии фронта не хотели бы воевать, убивать и подвергать свою жизнь риску, но подчиняются своему правительству. Это делает их в определённом смысле равными друг другу. В этой связи можно говорить о моральном равенстве солдат обеих армий (*moral equality of soldiers/combatants*)²¹.

Позицию Уолцера по вопросу морального равенства комбатантов можно определить как коллективистскую. Он исходит из предпосылки, что «вне зависимости от образа действий человека его моральный статус, особенно его права и обязанности, может определяться его принадлежностью к коллективу»²². Политическое сообщество позволяет человеку обрести полноту личных прав и свобод, но оно также накладывает на него обязательство участвовать в защите этого сообщества, которая может вступать в конфликт с его личными интересами и обязанностями, но понимается как обязанность более высокого порядка.

Идея морального равенства комбатантов позволяет Уолцеру заявить, что статус солдата делает его законной военной целью — его можно атаковать, поскольку он вооружён и представляет собой угрозу. Изначально каждый человек обладает иммунитетом от целенаправленного нападения. Но солдат занимает обособленное положение в гражданском обществе. «Армия представляет собой организованный, дисциплинированный, обученный коллектив, нацеленный на решение поставленных задач»²³. В силу специфики своей профессии

²⁰ Толстой Л.Н. Война и мир // Его же. Собрание сочинений в 22 т. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1979. С. 162.

²¹ На проблемах восприятия противника как равного в моральном отношении субъекта и критике подобного подхода мы подробно остановимся в разделе, посвящённом Дж. Макмахану.

²² Barry C., Christie L. The Moral Equality of Combatants // The Oxford Handbook of Ethics of War, ed. Lazar S. and Frowe H.P. 2015. URL: <http://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199943418.001.0001/oxfordhb-9780199943418-e-28> (Дата обращения: 25.04.2017).

²³ Walzer M. Terrorism and Just War // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. Issue 1. P. 4.

военнослужащий лишается иммунитета от нападения вне зависимости от причин, которые заставили его государство вступить в войну.

Идея морального равенства комбатантов выполняет в концепции Уолцера сразу несколько функций. Без неё было бы невозможно объяснить, почему участник справедливой войны не совершает морального прегрешения, убивая солдат противника. Отсылая к моральному равенству комбатантов, Уолцер доказывает, что противоборствующие стороны не нарушают прав друг друга фактом нападения одной группы военных на другую. Соответственно, само по себе применение насилия не будет достаточным основанием для обвинения участника конфликта в несправедливости. В то же время, поскольку нонкомбатанты не вооружены и не представляют собой военную угрозу, они остаются нелегитимной целью. Вне зависимости от того, являются ли они гражданам государства, ведущего справедливую или несправедливую войну, они никогда или почти никогда не теряют иммунитета от нападения.

Равенство статуса военнослужащих по обе линии фронта указывает также и на то, что каждому участнику конфликта отведена равная мера дозволенного на войне. Именно специфическое чувство солидарности военных заставляет людей следовать на войне определённым правилам и ограничениям, несмотря даже на предельную степень враждебности, которую вызывает война. Концепция морального равенства комбатантов фактически строится на ветхозаветном золотом правиле нравственности²⁴. Солдаты отказываются от особо жестоких методов ведения войны, уважая противника за мужество и честь, но в большей степени из-за опасений ответной жестокости со стороны противника. При этом справедливый участник конфликта не получает больше поблажек в отношении допустимых средств борьбы,

²⁴ Подробнее об этических основаниях принципов справедливой войны см. *Апресян Р.Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны.

нежели несправедливая сторона. Стремление закрепить идею морального равенства комбатантов приводит к созданию правил, ограничивающих войну. Эти правила в соответствии с традицией учения о справедливой войне Уолцер называет принципами *jus ad bellum* и *jus in bello*.

Принципы *jus ad bellum*

В системе *jus ad bellum* особое место отводится принципу правого дела. Что же может считаться обоснованной причиной начала войны? Как мы уже отметили, Уолцер налагает запрет на агрессивные войны. Политическое пространство составляют сообщества независимых государств, каждое из которых обладает правом на территориальную целостность и политический суверенитет. В рамках этой системы использование силы по отношению к другому государству или даже угроза обращения к силовым методам взаимодействия признаётся агрессией и криминальным актом.

Однако сторона, защищающая своё право на существование, всегда имеет право на применение силы: «они [жертвы агрессии] всегда обладают справедливым основанием для борьбы»²⁵. Война допустима только как ответ на несправедливость, как способ защиты права. Уолцер полагает, что государства должны уважать друг друга подобно тому, как один человек уважает другого, даже своего противника. Если государство-агрессор нарушает права другого государства, то жертва агрессии обладает законными основаниями для сопротивления. Оборонительная война всегда или почти всегда (исключения будут рассмотрены ниже) считается справедливой. Здесь важно было бы дать однозначное определение агрессору, которое позволило бы точно идентифицировать случай самообороны, однако Уолцер не делает этого.

Поскольку агрессия преступна, то ответ на неё считается справедливым, а на помощь к жертве агрессии могут

²⁵ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 51.

прийти третьей стороны, и применение силы в этом случае также будет справедливым. Преступное нападение может и должно быть наказано. И ничто, кроме ответа на агрессию, с точки зрения легалистской парадигмы, не оправдывает войну. Таким образом, в соответствии с легалистской парадигмой только в двух случаях государство и мировое сообщество имеют право на применение силы. Речь идет о самообороне (*war of self-defense*), когда государство оказывается жертвой нападения и вынуждено отвечать на преступную агрессию, и правоохранительной войне (*war of law enforcement*), когда ведётся операция по принуждению агрессора к миру.

Важно отметить, что Уолцер, в отличие от Суареса или Ваттеля, не считает, что оба участника войны могут одновременно претендовать на частичную справедливость своих действий. Вполне возможны ситуации, когда обе стороны лишены таких оснований, то есть ведут несправедливые войны. С большей долей вероятности обороняющаяся сторона может претендовать на справедливость. И в редких случаях справедливым оказывается нападающий, но тогда обороняющаяся сторона — жертва нападения — не признаётся действующей справедливо и перестаёт восприниматься как жертва.

Однако простое на первый взгляд положение о запрещении агрессии осложняется рядом проблемных моментов. Пятая глава работы «Справедливые и несправедливые войны» затрагивает тему определения агрессора, проблему угрозы и превентивных ударов. Не всегда можно сказать, что тот, кто первым открыл огонь, может считаться агрессором и преступником. Существуют ситуации, когда в целях самообороны необходимо нападать первым.

Именно поэтому Уолцер выдвигает принципы, по которым можно будет определить, когда государство, не перешедшее границу и не начинавшее активных боевых действий, будет считаться агрессором, что санкционирует атаку на него. Подобное возможно в том случае, когда степень угрозы, исходящая от государства, делает войну

неизбежной. Уолцер апеллирует к явно консеквенциалистскому аргументу: риски, которые вызывает бездействие, надо стремиться минимизировать, и если нападение позволит предотвратить катастрофу, лучшим решением будет атаковать противника. Как пишет Уолцер, «государства могут обращаться к военным средствам в случае угрозы войны всякий раз, когда бездействие привело бы к серьёзному риску нарушения территориальной целостности или политической независимости»²⁶. Однако эта его идея явным образом расходится с легалистским аргументом о допустимости только оборонительной войны. И сам Уолцер говорит о необходимости добавления исключений в легалистскую парадигму.

Из правила о недопустимости агрессивных войн, следовательно, может быть сделано исключение. Неотвратимость угрозы (но не страх или опасение быть атакованным в будущем) и обоснованное предчувствие близости нападения позволяет применить военную силу, поэтому справедливой причиной войны Уолцер признаёт упреждающий удар (*preemptive strike*), но не превентивную войну (*preventive war*). Все остальные поводы для войны — религиозные, революционные, коммерческие — не считаются законными и нравственно приемлемыми.

Затрагивая в 6 главе «Справедливых и несправедливых войн» принципиальный для политики XX в. вопрос об интервенциях, Уолцер вновь сталкивается с необходимостью ревизии легалистской доктрины и принципа невмешательства, которые запрещают агрессивные наступательные войны. Уолцер замечает, что, помимо самообороны и упреждения, есть ещё три случая, когда военное вторжение оказывается допустимым и одно государство может атаковать другое, не совершая военного преступления.

Во-первых, оправдывается нападение на государство, правительство которого своей жестокостью спровоцировало революцию. Ещё Дж. Локк высказывался в пользу

²⁶ Ibid. P. 85.

права на восстание в случае, когда «законодатели пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти»²⁷. А Дж. Ст. Милль постулировал принцип свободы выступления против тиранической власти, но только для того народа, который готов самостоятельно отстоять свою свободу в столкновении с деспотом²⁸. Милль, таким образом, исключал обоснованность интервенции в государство с целью смены власти в нём. Сам же Уолцер считает, что в случае формирования политического сообщества, которое получило должную степень легитимности и борется за свободу против действующей тиранической власти, «интервенция, нацеленная на поддержку повстанческого движения может считаться оправданной»²⁹. Продолжительное вооружённое выступление против диктатора делает политическую группу легитимной, позволяет ставить вопрос о её признании и оказании помощи этой группе, вплоть до военного вторжения в государство, где идёт повстанческая борьба.

В то же время справедливой будет и интервенция, которая стала ответной реакцией на вмешательство третьего государства в освободительную войну народа, сражающегося против тиранического правления. Фактически в данном случае речь идёт о контринтервенции. Необходимо, однако, удостовериться, что государство, в которое вторгаются различные силы, не станет ареной для выяснения отношений между ними. Задача контринтервенции сводится к балансировке соотношения сил в государстве, охваченном революцией.

И третий, наиболее важный принцип, который постоянно будет находиться в центре внимания как самого Уолцера, так и прочих авторов на протяжении более чем сорока лет с момента первой публикации «Справедливых

²⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении // Его же. Сочинения: В 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. С. 390.

²⁸ Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention // Foreign Policy Perspectives. 1988. No. 8. P. 6.

²⁹ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 90.

и несправедливых войн», — это случай гуманитарной интервенции. Гуманитарная интервенция может быть рассмотрена как один из специфических случаев упреждающего удара. Как правило, она начинается в ответ на уже происходящие акты насилия, но в ходе гуманитарной интервенции упреждается крайняя степень реализации этого насилия. Внешние вооружённые силы могут вмешаться в конфликт внутри отдельной страны с целью защиты населения. Если речь идёт о массовом насилии, терроре по отношению к гражданскому населению, допустимо вторгаться в государство с целью прекращения произвола правительства. Как пишет Уолцер, «прежде чем оказать поддержку, нам не стоит дожидаться, пройдут ли они [люди, которых убивают] тест на самопомощь. Именно невозможность этой самопомощи и заставляет нас вступить в дело»³⁰. Массовым убийствам население далеко не всегда может противопоставить хоть что-то, поэтому недопустимо, чтобы соседние страны и мировое сообщество держались в стороне.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что прочтение Уолцером принципа правого дела сводится к следующему. Справедливым основанием для применения военной силы признаётся самооборона, а также ещё четыре случая:

- упреждающий удар;
- помощь в борьбе за национальное освобождение;
- контринтервенция;
- гуманитарная интервенция.

Стоит указать на ещё один принципиальный для Уолцер момент, связанный с идеей смены власти как справедливой причине войны. Тема смены режима в качестве легальной цели войны получила развитие во многих работах Уолцера. В «Справедливых и несправедливых войнах» сделан относительно мягкий вывод по этому вопросу — Уолцер замечает, что помимо смены режима конфликт должен решать и иные задачи, более однозначные и важные в моральном отношении. Сама по себе

³⁰ Ibid. P. 106.

смена власти не может считаться обоснованной причиной войны. Только при столкновении с режимами, подобными нацистскому, мы можем требовать безоговорочной капитуляции и смены правительства³¹. Основная задача войны — оберегание права, которым, однако, обладают все государства, в том числе и агрессоры. Ущемление прав, безоговорочная капитуляция, политическое расчленение и лишение самого права на существование нации не может быть допустимым итогом конфликта, поскольку цели войны всегда должны быть ограниченными. Справедливость таких радикальных мер возможна в исключительных случаях, когда речь идёт, например, о столкновении с жестоким агрессивным режимом подобным гитлеровскому.

В статье 2006 г. «Смена режима и справедливая война»³², опубликованной в редактируемом самим Уолцером журнале «Dissent», вновь ставится вопрос о правомочности смены режима как веского основания начала войны. Уолцер рассматривает эту проблему на примере войны в Ираке. Политический режим Ирака на момент начала кампании в 2003 г. не характеризовался той степенью агрессивности, которая позволила бы говорить о необходимости нанесения упреждающего удара или начала гуманитарной интервенции. Администрация президента Дж. Буша привела немало веских причин для оправдания начавшейся войны³³, но конечная цель состояла именно в желании сместить режим Баас.

Уолцер не принимает подобное расширение принципа правого дела. Преступный режим и режим, который может стать таковым в будущем, не одно и то же, и, следовательно, необходимы различные политические практики

³¹ Уникальность Второй мировой войны и борьбы с нацистским режимом подробно рассматривается в *Walzer M. World War II: Why Was This War Different? // Philosophy and Public Affairs. 1971. No. 1. Pp. 3–21.*

³² Уолцер М. Смена режима и справедливая война.

³³ О множественности причин как справедливом основании войны см. *Fotion N. War and ethics: a new just war theory. New York: Continuum, 2007. pp. 73–74.*

для борьбы с ними. Агрессивный режим рано или поздно создаст легитимное основание для военной атаки, но в отношении государства, которое остаётся потенциальным агрессором, Уолцер предлагает проводить политику сдерживания посредством экономических и политических санкций. Такая программа сложно реализуема, но наиболее эффективна. Уолцер приходит к выводу, что свержение политического руководства противника нельзя признать справедливой причиной войны, а смена режима оправдана только как последствие ведения справедливой войны³⁴. Вопрос о смене власти как справедливым основанием начала войны крайне сложен, поскольку силы международного сообщества и местные политические силы должны будут не только сместить опасный режим, но и обеспечить функционирование послевоенной политической системы и обеспечить формирование нового правительства — мирного и демократического.

Описанные выше нравственные правила позволяют получить представление об интерпретации Уолцером комплекса *jus ad bellum*. Применение этих предписаний, согласно логике теории справедливой войны, должно минимизировать распространение агрессивных войн, поскольку мировое сообщество будет решительно осуждать и наказывать нарушителей этих принципов. В этом проявляется себя пацифистская составляющая теории справедливой войны. Но Уолцер, осуждая войну, хотя и не запрещая её абсолютным образом, вынужден предложить свой вариант правил, регулирующих ведение боевых действий.

Принципы *jus in bello*

Согласно традиции эти принципы носят название *jus in bello*. Предполагается, что наряду с ограничениями в целях и причинах, легитимирующих войну, должны существовать и ограничения средств ведения войны. Для Уолцера принципиальной оказывается независимость *jus*

³⁴ Уолцер М. Смена режима и справедливая война. С. 32.

in bello от принципов *jus ad bellum*. Это означает, что война, которая начата справедливо, может превратиться в несправедливую, если армия будет последовательно нарушать принципы *in bello*. С другой стороны, Уолцер считает возможной ситуацию, когда государство, развязавшее несправедливую войну, ведёт её сдержанно и гуманно. Исполнение норм *jus in bello* зависит от особенностей психологии солдат, их нравственного и правового воспитания. Человек на войне может действовать справедливо или несправедливо, и то, как он себя поведёт в бою, не зависит (или не всегда зависит) от справедливости войны в целом.

Если справедливой причиной войны, по мнению Уолцера, может обладать в лучшем случае только одна сторона, то вести войну справедливо способен каждый из противников. Мы уже упоминали идею морального равенства солдат: «нравственный статус солдат каждой из сторон очень близок: они участвуют в войне в силу своей преданности собственному государству и из-за подчинения закону... они не преступники, они воспринимают противника как нравственно равного себе»³⁵. Это равенство проявляет себя в том числе и в стремлении в бою действовать, согласуясь с определёнными нормам. Ограничивая себя в соответствии с принципами *jus in bello*, солдат всегда сохраняет свой статус солдата, вне зависимости от того, принимает ли он участие в справедливой или несправедливой войне. Но если его действия выходят за рамки допустимого и необходимого, он превращается в убийцу и преступника: «мы называем их убийцами только тогда, когда они атакуют некомпатантов, невинных людей, раненных или безоружных»³⁶.

Какими же правилами должен руководствоваться солдат на поле боя? Что считать допустимым средством ведения войны? Уолцер выделяет два принципа *jus in bello*. Первый устанавливает, когда и как дозволяется убивать

³⁵ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 127.

³⁶ Ibid. P. 128.

противника. Традиционно этот принцип *jus in bello* называется принципом пропорциональности.

Идею пропорциональности Уолцер берёт у одного из основополагающих авторов британского утилитаризма Г. Сиджвика. В работе «Элементы политики» Сиджвик вводит принцип пропорциональности следующим образом: «участник конфликта может причинить своему противнику такую степень вреда, которая будет достаточной для того, чтобы оказать значительное влияние на последнего и заставить его подчиниться; но стоит также ожидать, что участник конфликта воздержится от вредоносных действий, которые не способствуют достижению поставленных задач, особенно в сравнении с объёмом причинённого зла»³⁷. Уолцер вслед за Сиджвиком рассуждает о недопустимости чрезмерной степени причинения вреда. Для определения чрезмерного насилия Уолцер предлагает использовать два критерия. Во-первых, военная необходимость проведения каждой операции должна быть заранее оценена. Во-вторых, каждый человек должен понять степень ответственности за те разрушения и страдания, которые он причиняет. В итоге, объём материального и морального вреда, наносимый военной операцией, должен оказаться ниже, нежели полученные в ходе её проведения успехи.

Хотя значение этого принципа велико, по мнению Уолцера, есть ещё одно принципиальное положение, позволяющее сделать практику ведения войны более гуманной. Так, если мы запретим в соответствии с идеей пропорциональности разрывные пули или кассетные бомбы, это будет способствовать уменьшению страдания людей во время войны, однако не повлияет на наше восприятие природы войны и в особенности на определение её морального измерения. Как замечает Уолцер: «следует отдать должное каждому правилу, которое ограничивает интенсивность и длительность битвы или страдание сол-

³⁷ Sidgwick H. The Elements of Politics. New York: Cosimo. 2005. P. 254.

дат, но ни одно из этих ограничений не кажется определяющим для нравственного понимания войны»³⁸.

Принцип пропорциональности Сиджвика необходим Уолцеру для определения границы между допустимым и чрезмерным насилием, но сам по себе он не даёт полного нравственного ограничения способов ведения войны. Одним из важнейших концептов системы *jus in bello* Уолцера является понятие военная конвенция (the war convention) — традиция или обычай ведения войны. Под военной конвенцией Уолцер понимает «набор чётко сформулированных норм, обычаев, профессиональных кодов, правовых предписаний, религиозных и философских принципов и взаимных договорённостей, формирующих»³⁹ наше представление о способе ведения войны.

Военная конвенция — это «исходный материал»⁴⁰, из которого конструируется дискурс войны. Планируя проведение операции, военнослужащие обязаны принимать во внимание не только возможные выгоды и потери, но и положения воинских кодексов, устоявшиеся моральные нормы и военные традиции. Утилитаризм совмещается в этом случае со своеобразным гуманизмом, с уважением к правам, которыми обладает противник. Сама невозможность действовать вне культурных кодов подсказывает военным нормы должного поведения на поле боя. Огромный разрушительный потенциал современной техники и средств уничтожения заставляет нас отказаться от применения всех доступных способов достижения поставленной боевой задачи. Тотальное истребление противника оказывается неприемлемым, в том числе, и по нравственным причинам. Помимо непосредственной выгоды и достижения политических побед война обладает и другими измерениями успешности, которые позволяют сдерживать столкновение и избежать абсолютизации вражды и войны.

³⁸ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 42.

³⁹ Ibid. P. 44.

⁴⁰ Orend B. Michael Walzer on War and Justice. Cardiff: University of Wales Press. 2000. P. 86.

М. Уолцер выступает против исключительно утилитаристского прочтения войны. Неверно понятый утилитаризм, во всяком случае, утилитаризм действия, может заставить нас поверить в возможность отказа от нравственных правил ведения борьбы во имя достижения победы. Буквальное применение утилитаризма даёт нам методику наиболее простого и наименее затратного достижения победы, но ничего не говорит о должном обращении с противником. Как замечает сам Уолцер, «он [утилитаризм] с большей долей вероятности укажет нам на то, что правила войны должны быть нарушены в том или ином случае, чем объяснит содержание этих правил»⁴¹. Именно поэтому помимо принципа, ограничивающего степень насилия, необходимого для достижения непосредственной военной цели, правила ведения войны должны содержать и принцип, запрещающий нападение на определённые категории людей, находящихся на стороне противника.

Правила, разъясняющие понятие врага и позволяющие определить приемлемые военные цели (фактически, отвечающие на вопрос, кого можно убивать, не совершая морального преступления), оказываются более значимыми, нежели принцип пропорциональности. Набор этих правил сводится в принцип различения или дискриминации (*discrimination principle*). Участниками военного столкновения могут быть обученные и подготовленные к этому люди, но никак не мирное население, на которое недопустимо нападать или каким-то образом использовать, даже если на карту поставлена возможность достижения существенных военных выгод. Победа «любой ценой», возможно, хороша для реализма, но не имеет ничего общего с мышлением о войне в категориях морали и права. Война должна быть столкновением комбатантов, из неё исключаются нонкомбатанты, атаку на которых нельзя считать легитимной. Об этом, по мнению, Уолцера говорят любые традиции войны, принимающие во внимание

⁴¹ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 131.

идею прав человека. Необходимость однозначным образом определять легитимные и нелегитимные цели, и запрет на нападение на нонкомбатантов оказывается, согласно Уолцеру, наиболее принципиальным моментом всей концепции *jus in bello*.

Выделение среди граждан противника группы, которая получает иммунитет от военного нападения, не означает, что на убийство и, следовательно, на войну накладывается абсолютный запрет. Нападение на солдат противника не будет считаться нравственно несправедливым и никоим образом не будет нарушать иммунитет нонкомбатантов. Как замечает Уолцер, всё наше представление о традиции войны строится на том, что «на солдат можно нападать в любое время»⁴². Это первое основополагающее положение любой военной конвенции. Даже если солдат был призван на военную службу против собственного желания, то есть, имеет место насильственность в его отношении со стороны собственного государства, он обучается и получает необходимое снаряжение для того, чтобы вести бой, и сам становится источником насилия. Угроза, исходящая от вооружённого солдата, приводит к тому, что человек теряет право на неприкосновенность и безопасность, в то время как гражданское население, нонкомбатанты, всегда обладают таким правом и не лишаются его даже во время войны, поскольку не делают ничего агрессивного, не занимают «угрожающую позицию». Хотя и существует ряд пограничных категорий граждан, к примеру, специалисты, выполняющие работы для нужд армии, принцип неприкосновенности нонкомбатантов кажется Уолцеру очевидным и универсальным.

Однако, как замечает М. Уолцер, несмотря на кажущуюся естественность и простоту запрета на причинение вреда мирному населению, нонкомбатанты нередко оказываются под ударом, причём целенаправленным. Подобное нападение на гражданское население следует признать военным преступлением. Но в некоторых случаях

⁴² Ibid. P. 138.

нарушение принципа различия оказывается вынужденным и даже оправданным. М. Уолцер называет эту теоретическую установку «доктриной двойного эффекта», подразумевая, что некомбатанты подвергаются и, в принципе, могут быть подвержены непрямым атакам. По мнению американского философа, если военная операция или акция прошла верификацию на справедливость (хотя сам критерий справедливости остаётся размытым), то вследствие действия двойного эффекта убийство некомбатантов также может стать оправданным. Верификация на справедливость состоит в данном случае в следующем. Во-первых, необходимо быть уверенным, что военная операция обязательно победой. Только успех может обосновать косвенную атаку на мирное население. Далее, непосредственные результаты атаки должны быть справедливыми, к примеру, таким может считаться разрушение завода по производству военного снаряжения или армейского склада. В-третьих, акция должна проводиться в соответствии с принципом справедливых и добрых намерений. Такая атака может быть нацелена на разрушение системы снабжения армии. Но нельзя считать справедливой стремление перерезать путь поставок жизненно необходимых средств гражданским лицам в надежде, что это настроит их против собственного правительства или армии. И наконец, удар должен быть пропорциональным — ущерб, нанесённый непрямым ударом по некомбатантам, не должен превышать выгод, которые получает атакующий⁴³.

Однако Уолцер указывает и на то, что в такой формулировке доктрина двойного эффекта зачастую подвергается критике, поскольку может быть поднят вопрос, в чём вообще заключается разница между прямым и непрямым убийством некомбатантов. В этой связи Уолцер предлагает доработать доктрину двойного эффекта, дабы сделать её более приемлемой для современных либерально-демократических обществ. Недостаточно просто стараться

⁴³ Ibid. P. 153.

избегать нанесения вреда нонкомбатантам. Чтобы считаться справедливой и законной, акция, в ходе которой пострадает мирное население, должна не только отвечать перечисленным выше критериям, но и проводиться в соответствии с ещё одним, пятым принципом: стремлением минимизировать потери со стороны нонкомбатантов. Атакующий в равной мере должен обладать справедливыми причинами для атаки и осознанным намерением всеми возможными способами сократить количество пострадавших среди гражданского населения противника. Это может привести к повышению степени риска для военных, однако, по мнению М. Уолцера, такова цена, которую необходимо заплатить за атаку на мирное население.

Однако обеспечение неприкосновенности гражданских лиц в условиях современного конфликта, когда осложняется возможность однозначного различения комбатантов и нонкомбатантов, становится непростой или даже невыполнимой задачей. Так, партизанская война ведётся лицами, которые используют статус нонкомбатантов в качестве прикрытия, поэтому противникам партизан приходится прилагать дополнительные усилия для поиска среди нонкомбатантов своих истинных врагов, атака на которых будет считаться допустимой. Пожалуй, ещё более сложный случай — война с терроризмом. Если партизаны и повстанцы иногда носят военную форму и знаки отличия, позволяющие определить их как комбатантов, террористы намеренно не делают этого, прячась среди гражданского населения.

В принципе, отсутствие знаков различия и невозможность идентификации человека как члена воинского подразделения, Уолцер считает одним из основных препятствий на пути последовательного применения традиционных положений теории справедливой войны к конфликтам нового типа. Человек с оружием в руках, одетый в гражданскую одежду, подрывает один из основных принципов всей военной этики, основанной на различении комбатанта и нонкомбатанта. Мы привыкли считать, что человек может быть либо солдатом, либо гражданским

лицом, но не должен прятаться среди мирного населения, скрывая свою принадлежность к военизированной организации. В этом смысле партизаны нарушают этику войны и шире — все традиции войны. С другой стороны, поддержка населением партизан, делает последних в некоторой степени легитимными участниками вооружённых конфликтов, позволяет говорить о наличии у них определённых прав комбатантов. Это означает, что бойцов иррегулярных отрядов уже невозможно исключить из числа законных участников конфликта.

В отношении государства, ведущего борьбу с партизанами, М. Уолцер занимает довольно жёсткую позицию. Вступление в герилью, по его мнению, не санкционирует отмену строгих правил ведения войны, предписанных теорией справедливой войны. Даже в случае столкновения с партизанами государство обязано однозначно определить, кто в данной ситуации относится к комбатантам, а кто должен быть признан нонкомбатантом, подобно тому, как это делается в ходе межгосударственного конфликта. В противном случае, если различие не может быть проведено, необходимо признать, что война проиграна и прекратить борьбу, поскольку она неизбежно приведёт к акциям неоправданной жестокости по отношению к мирному населению, что будет явным нарушением всей системы принципов *bellum justum*. Такую войну необходимо завершить, коль скоро «это уже не анти-партизанская война, но анти-социальная война, борьба против всего народа, в ходе которой невозможно установить никаких разграничений»⁴⁴. Очевидно, что Уолцер исходит из опыта войны во Вьетнаме, которую Соединённые Штаты не могли завершить победой, хотя и имели значительное преимущество в военной мощи и технике и обладали большим экономическим потенциалом. Гражданское население, даже если оно поддерживает партизан, не лишается своего права на неприкосновенность. Это правило было не раз нарушено армией США во время Вьетнам-

⁴⁴ Ibid. P. 187.

ской войны. Принципы ведения боевых действий, применявшиеся в этом конфликте, не могли обеспечить решение задачи точного различения комбатантов и нонкомбатантов, поэтому жертвами войны стало огромное число гражданских лиц. По словам М. Уолцера, удары по гражданскому населению были неизбежными, и руководство армии знало об этой неизбежности, однако не могло предотвратить этих атак или даже желало их.

Партизанская война представляет собой исключительную ситуацию, когда *jus ad bellum* и *jus in bello* оказываются непосредственно связаны между собой и влияют друг на друга. И если средства, которыми ведётся такая война, не могут быть справедливыми, то и сама война лишается статуса справедливой и, следовательно, теряет всякий смысл. Если войска систематически не способны определить легитимные цели для нападения, то, по мнению Уолцера, войну следует прекратить, признав своё поражение. В противном случае такая война превратится в перманентный акт насилия над гражданским населением, который никогда нельзя будет обосновать и назвать справедливым.

Чрезвычайные обстоятельства

Однако партизанская война — не единственный пример ситуации, когда последовательное применение принципов теории справедливой войны становится затруднительным или даже невозможным. В четвёртой части работы «Справедливые и несправедливые войны» Уолцер вводит крайне важное для всей его концепции *jus in bello* понятие, которое он вслед за Уинстоном Черчиллем называет «supreme emergency» — чрезвычайные обстоятельства. М. Уолцер замечает, что иногда война превращается в нечто большее, нежели просто силовое решение политического конфликта, а последствия победы одной из сторон могут повлиять на судьбу всего человечества. Тогда государство, стремящееся не допустить коренного изменения в пути развития человеческой истории, может отказаться от нравственных зако-

нов и права. Так, в ситуации, когда война ведется с «правительством, подобным нацистскому», а противостоящие ему силы находятся на грани поражения, можно преступить через необходимость во всех случаях поступать нравственно. Утилитаризм и расчётливость оказываются в такой ситуации более ценными, нежели гуманизм. Они получают оправдание, поскольку наибольшее зло состоит не в отступлении от морали, а в невозможности свергнуть преступное правительство. Как пишет Уолцер: «Мирный договор, подписанный в результате переговоров с Гитлером или его сторонниками, стал бы этически невообразимым итогом Второй мировой войны»⁴⁵.

Объявляя Третий рейх «злом, воплощенном в мире», Уолцер заявляет, что в отношении подобного режима нельзя было поступить иначе, кроме как начать с ним борьбу всеми возможными средствами и в конце концов сокрушить. Война с «непомерно великим злом» должна закончиться не только военным поражением противника (капитуляцией), но и его политическим уничтожением и изменением его государственной структуры (политической реконструкцией): «не только агрессивные войны, которые вел нацистский режим, но также проводимая им политика геноцида привела к легализации требований, во-первых, безоговорочной капитуляции и, во-вторых, политической реконструкции»⁴⁶. Уолцер, безусловно, понимает, что положение о чрезвычайных обстоятельствах резко ослабляет, предложенную им ранее логику ограничения войны. Однако обретение победы в некоторых случаях становится настолько важным — к примеру, когда «само существование сообщества может быть поставлено на карту»⁴⁷, — что высота поставленной цели позволяет игнорировать все нормы и обычаи ведения войны. Иными словами, принципы справедливой войны и военная этика пере-

⁴⁵ Уолцер М. Смена режима и справедливая война. С. 27.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 228.

стают играть отведенную им роль, если победа в войне представляется единственно возможным способом сохранения жизни политического сообщества.

Уолцер предстаёт здесь в качестве сторонника утилитаризма действия — в критический момент необходимо отказаться от правил и принципов ради большего блага. Однако идея чрезвычайных обстоятельств не столь однозначна и очевидна, как хотелось бы американскому философу. Как определить тяжесть положения, в которое попала справедливая сторона, борющаяся за благо всего человечества? И как относиться к мерам, которые она применяет, если схожие способы ведения войны практикует другая сторона конфликта, та, что представляет угрозу всему человечеству? Например, если немецкая бомбардировка Роттердама во время Второй мировой войны признана излишне жестокой и необоснованной, то можно ли оправдать разрушение Дрездена 13-15 февраля 1945 г.? Уолцер отвечает положительно на этот вопрос, ссылаясь на принцип чрезвычайных обстоятельств и на исключительность зла, с которым пришлось столкнуться Союзникам. Убийство или чрезмерное насилие ради сохранения жизни всего человечества становится оправданным, несмотря на то, что само убийство и насилие как таковое не получают моральной легитимации.

В чрезвычайных обстоятельствах происходит абсолютный разрыв между *jus ad bellum* и *jus in bello*: государство не отказывается от веских и обоснованных причин для вступления в войну, но попав в исключительную ситуацию, может отступить от справедливого и сдержанного способа ведения борьбы⁴⁸. По мнению М. Уолцера, речь не идёт об оправдании морального дуализма, но если поражение обернётся катастрофой для невинных людей, то можно допустить отступление от правил, нравственно ограничивающих войну. Победа

⁴⁸ Orend B. The Morality of War. New York: Broadview Press. 2006. pp. 140-141.

Германии во Второй мировой войне означала бы превращение в жизнь ужасных, несправедливых и преступных принципов общественного устройства. Чтобы не допустить этой победы, можно и нужно было отказаться от справедливых правил ведения войны в пользу более действенных способов борьбы с нацистами. М. Уолцер называет эту ситуацию утилитаризмом чрезвычайных мер (*utilitarianism of extremity*), максима которого заключается в следующем: «поступай справедливо, пока небеса не обрушатся (или не окажутся близки к этому)»⁴⁹. В определённых, действительно исключительных случаях, способ ведения войны должен определяться только пользой и пропорциональностью.

Оригинальное решение в связи с идеей чрезвычайных обстоятельств получает вопрос о нейтралитете. Уолцер задаётся вопросом, можно ли в чрезвычайных случаях нарушать законное право нейтральных государств на мир? Государства, заявляющие о своём нейтралитете, отказываются от вмешательства в конфликт, что фактически делает их равными по статусу нонкомбатантам. Как пишет об этом сам М. Уолцер, «нейтралитет — это коллективная и добровольная форма отказа от участия в боевых действиях... Солдаты и гражданское население защищены в равной мере, поскольку их государство не вовлечено в войну»⁵⁰. Государства, которые декларируют нейтралитет, отказываются от какой бы то ни было поддержки любой из воюющих сторон. И если это условие действительно исполняется, то они обладают иммунитетом от нападения. Абсолютная исключённость из конфликта гарантирует их безопасность и защищённость. Нарушение нейтралитета признаётся серьёзным преступлением, ничем не прикрытой агрессией: «когда армии переходят границу государства, которое однозначно заявило о своём нейтралитете, для нас не составит труда распознать в таком движении преступное

⁴⁹ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 231.

⁵⁰ Ibid. P. 234.

действие»⁵¹. Убийство граждан нейтрального государства, будь то военнослужащие или гражданское лицо, означает нарушение обычаев войны.

И всё же неприкосновенность, гарантированная нейтралитетом, по мнению Уолцера, может быть нарушена. Нарушение это допустимо при условии, что оно имеет под собой доброе намерение и справедливую причину: «ради спасения государства и отражения агрессии; или в большей степени, во имя цивилизации, в том виде, в каком мы её знаем, или ради мира и свободы во всём мире»⁵².

Однако существуют те самые исключительные случаи, чрезвычайные обстоятельства, когда нападение на нейтральное государство, сопровождающееся убийствами невинных людей, оказывается справедливым. При этом Уолцер для подкрепления своей позиции ссылается на Черчилля. Во время Второй мировой войны британский премьер-министр пренебрёг нейтралитетом Норвегии и отдал приказ по минированию её территориальных вод⁵³. Поражение государств, борющихся с режимами, подобными гитлеровскому, приведёт к гораздо более значительным последствиям, нежели нарушение нейтралитета одного из маленьких государств. «Требования закона не должны в чрезвычайных обстоятельствах ограничивать тех, кому предписывается защищать и поддерживать их [малые государства]»⁵⁴. Во имя очевидно большего добра традиции войны могут быть на время забыты. Легализм уступает место расчёту.

По мнению М. Уолцера, близость поражения и исключительная степень угрозы со стороны противника составляют необходимые условия, когда в угоду чрезвычайных обстоятельств мы можем отказаться от при-

⁵¹ Ibid. P. 239.

⁵² Ibid.

⁵³ Подробнее об этом см. *Lunde H. Hitler's pre-emptive war: The Battle for Norway, 1940.* Newbury: Casemate Publishers. 2009.

⁵⁴ *Walzer M. Just and Unjust Wars.* P. 245.

вычной для нас парадигмы войны⁵⁵. Над государством должна нависнуть угроза не просто потери территории или важных промышленных объектов, но опасность политической гибели, порабощения населения или даже полного его истребления. Ярчайшим примером такой угрозы, поставившей под вопрос само существование западной цивилизации, была мировая война с немецким национал-социализмом: «нацизм был наивысшей угрозой всему ценному в нашей жизни; идеология и практика господства столь жестокая, столь унижительная для тех, кто мог бы уцелеть, что последствия его окончательной победы буквально не поддавались бы оценке, это было бы безмерное зло»⁵⁶. Впрочем, Вторая мировая война и политика нацистов так и остаются единственным примером чрезвычайных обстоятельств, который приводит сам М. Уолцер.

Идея о чрезвычайных обстоятельствах и отказе от принципов *jus in bello* ради достижения победы в борьбе с «мировым злом» вызывает множественные споры. В том числе они ведутся и самими теоретиками справедливой войны. В критическом исследовании уолцеровского понятия чрезвычайных обстоятельств Мартин Кук замечает, что Уолцер «усиленно старается провести различие чрезвычайных обстоятельств и обычного военного поражения»⁵⁷, но делает это неудачно, в результате чего, идея чрезвычайных обстоятельств может «ис-

⁵⁵ В этом Уолцер оказывается близким таким сторонникам утилитаризма правила, как Ричард Брандт или Бред Хукер. Оба этих автора отстаивают возможность отказа от правила ради максимизации полезности. Утилитаризм правила в их трактовке не требует слепого следования имеющимся у нас правилам, особенно в тех случаях, когда их использование приведёт к определённым потерям и упущенным выгодам. См. *Brandt R. Ethical Theory: The Problems of Normative and Critical Ethics*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1959; *Brandt R. Toward a credible form of utilitarianism* // H.-N. Castañeda and G. Nakhnikian (eds.) *Morality and the Language of Conduct*. Detroit: Wayne State University Press, 1963. pp. 107–143; *Hooker B. Ideal Code, Real World*. Oxford: Clarendon Press. 2002.

⁵⁶ *Walzer M. Just and Unjust Wars*. P. 253.

⁵⁷ *Cook M. L. Michael Walzer's Concept of 'Supreme Emergency'* // *Journal of Military Ethics*. 2007. Vol. 6. № 2, pp. 138–151.

пользоваться политиками для оправдания действий, которые теоретики справедливой войны не могли бы одобрить»⁵⁸. Положение о чрезвычайных обстоятельствах открывает путь для возможной узурпации понятия справедливости. Правительство может преднамеренно заявить о наступлении чрезвычайных обстоятельств, о которых говорит Уолцер, и в дальнейшем использовать это заявление не только для оправдания права на применение чрезмерно жестоких средств ведения борьбы, но и для ведения наступательных действий или даже для развязывания новых войн.

Политические сообщества в чрезвычайных обстоятельствах могут отказаться от нормативных ограничений. Это означает, что они станут действовать, исходя исключительно из представлений о вещах в высшей степени абстрактных — общечеловеческом благе, тотальном превосходстве одних ценностей над другими. Суждение о подобных вещах всегда субъективно, поэтому получается, что идея чрезвычайных обстоятельств служит (или может служить) завуалированной формой реализации *raison d'État*. Иными словами, эта идея в большей степени соотносится с положениями политического реализма, нежели теории справедливой войны. Основой её выступает логика различения морального человека и аморального общества или государства, предложенная ещё Макиавелли и Гоббсом. Но подобная логика естественно вписана в конструкции политического реализма и разрушительна для морального ригоризма, присущего (или приписываемого) теории справедливой войны.

И на этом не заканчивается список противоречий, связанных с введением принципа чрезвычайных обстоятельств. Трудность вызывает и определение того, как и когда должны заканчиваться чрезвычайные обстоятельства, которые открывают возможность тотального истребления противника. Не определена степень ответ-

⁵⁸ Ibid. P. 141.

ственности лиц, принимающих решение о возможности применения исключительных мер при наступлении чрезвычайных обстоятельств. Фактически, вводя понятие «*supreme emergency*», автор «Справедливых и несправедливых войн» указывает на своего рода лазейку, позволяющую, не покидая дискурса справедливости, обойтись без критериев теории справедливой войны. Хотя, естественно, что для самого М. Уолцера положение о чрезвычайных обстоятельствах не отменяет принципов *bellum justum*, но лишь уточняет их, определяя границу зоны их действия.

Стоит отметить, что согласно Уолцеру, случай чрезвычайных обстоятельств представляет собой единственно допустимое условие, легитимирующее нарушение принципов *jus in bello*. Сослаться на исключительность ситуации можно только ввиду близкого поражения, означающего неминуемый распад государства или даже крушение всей цивилизации. Если победа уже близка и ничто не угрожает человечеству, а политическое и военное руководство ради сохранения жизни своих солдат начинает задумываться о применении чрезмерной силы вопреки требованиям *jus in bello*, то по мнению Уолцера, мы имеем дело с явно несправедливым и даже преступным способом ведения войны.

Рассуждая о чрезвычайных обстоятельствах, Уолцер обращается к вопросу о чрезвычайных видах вооружений и не обходит вниманием проблему применения ядерного оружия. Ядерная эра ознаменовала переход мира в состояние постоянной полной боевой готовности и перманентной чрезвычайной ситуации. Ядерное оружие и прочие виды оружия массового поражения делает возможным единовременное убийство огромного числа людей, позволяет держать под прицелом целые города, населённые преимущественно невоинскими гражданами. «Новый вид войны был зарождён в Хиросиме, и то, что мы увидели, стало первым проблеском его заката... Атомная война была смертью как таковой, всеобщей, не де-

лающей различий»⁵⁹. Бомбовые удары, разрушившие Дрезден, Хиросиму и Нагасаки, стали ужасными примерами пренебрежения всеми военными традициями (а в отношении ядерного оружия их и не существовало), всеми разумными и справедливыми правилами ведения войны. Появление ядерного оружия обозначило достижение человеком такого уровня в развитии вооружения и техники в целом, когда под угрозой уничтожения оказался весь мир и всё живое на Земле. И хотя в настоящее время ведущие державы перешли к политике сдерживания и ограничения развития и распространения ядерного оружия, нельзя сказать, что данная проблема полностью решена. Ядерное оружие продолжает использоваться в качестве средства устрашения, как политическое средство. Такая политика сдерживания кажется работающей, поскольку со времён Второй мировой войны не было случаев применения ядерного оружия, а крупные межгосударственные конфликты фактически сошли на нет. Индо-пакистанские войны, войны Израиля с арабскими государствами, Ирано-Иракская война и Война в Персидском заливе стали последними крупными классическими войнами. Однако остаётся открытым вопрос, можно ли назвать подобного рода постоянную угрозу нравственно приемлемой? Соотносится ли цель — поддержание мира — со средством, в качестве которого выступает ядерное оружие?

Уолцер предлагает не торопиться с ответом, поскольку серьёзность вопроса требует тщательного обдумывания. Ядерные державы получают возможность уничтожить миллионы невинных людей, а пока что просто держат их под прицелом своих бомб. Потенциальная угроза уничтожения миллионов в результате использования ядерного оружия не имеет ничего общего с массовыми убийствами, которые периодически случались в человеческой истории. Угроза убийства и действительное убийство — это не одно и то же. Однако

⁵⁹ Walzer M. Just and Unjust Wars. P. 269.

разрушительный потенциал атомного оружия осложняет вопрос о нравственном одобрении ядерного сдерживания. М. Уолцер ссылается на П. Рамси, который считает такую постоянную угрозу недопустимым средством, хотя и не разделяет всецело крайнюю позицию Рамси и критикует его знаменитое сравнение ядерного сдерживания с размещением на бампере машин младенцев для предотвращения аварий⁶⁰. Однако и Уолцер выступает скорее как критик устрашения силой: «если сделать что-то будет несправедливо, то и угроза сделать это также будет несправедливой... Если применение оружия можно назвать зверским, то и политика сдерживания такими средствами устрашения будет убийственной»⁶¹.

Однако зачастую такая политика сдерживания через устрашение оказывается единственным доступным средством помимо войны. К такому неутешительному выводу М. Уолцер приходит, замечая, что невозможно противопоставить что-то врагу, который намеревается нанести по твоей территории бомбовый удар. В такой ситуации не остаётся ничего, кроме как обратиться к устрашению, угрозе симметричного ответа в качестве меры сдерживания. Политику устрашения нельзя признать справедливой и нравственно приемлемой, однако коль скоро весь мир находится в состоянии перманентных чрезвычайных обстоятельств, то обращение к этому методу становится наиболее надёжным способом защититься от уничтожения в мире «независимых государств, относящихся друг к другу с недоверием»⁶². Даже сторонники утилитаризма не могли бы принять моральную обоснованность ядерного устрашения. Однако Уолцер не без пессимизма вынужден признать, что на данном этапе развития международных отношений

⁶⁰ Ramsey P. *The Just War: Force and Political Responsibility*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2002.

⁶¹ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. P. 272.

⁶² Ibid. P. 274.

ядерное сдерживание становится неизбежным элементом политики.

Особое место в дискуссии о чрезвычайных обстоятельствах М. Уолцера отведено проблеме моральной ответственности солдат за свои действия на войне. Как уже говорилось, солдаты каждой из сторон, участвующих в конфликте невинны с точки зрения *jus ad bellum*. Принцип легитимной власти исключает их из процедуры принятия решения относительно начала войны. Однако ответственность за действия *in bello* ложится на военнослужащих в полной мере. То, как они ведут борьбу, подвергается оценке с точки зрения этики. Подобный анализ согласуется с принципами утилитаризма правила, согласно которым даже в условиях вооружённого конфликта необходимо поступать нравственно и исполнять законы войны.

Несмотря на то что военнослужащий подвергается постоянному риску, стремление к самосохранению не может быть допустимой причиной нарушения правил войны. Доктрину чрезвычайных обстоятельств нельзя использовать на личном уровне. Государство способно заявить о наступлении чрезвычайных обстоятельств и действовать в нарушение традиций войны, но солдат не может решить для себя, что он находится в чрезвычайном положении и отказаться от норм *jus in bello*. Военнослужащие обязаны заботиться о минимизации вреда, который может исходить от них по отношению к гражданским лицам. Но и в сражениях с армией противника они не должны действовать чрезмерно жестоко.

Естественно, ситуации, когда под удар попадает мирное население, невозможно полностью исключить. В горячке боя зачастую сложно провести точное различение комбатантов и нонкомбатантов и определить законные цели, в результате сражение рискует превратиться в бойню, в ходе которой пострадают гражданские лица. Но по мнению Уолцера, солдаты непосредственно во время боя и не должны исполнять принцип различения. Обязанность лиц, ответственных за плани-

рование военной операции, состоит в том, чтобы по возможности исключить ситуации, когда жертвами боевых действий станут гражданские лица. Солдаты же, хотя и должны отказаться от целенаправленного убийства некомпатантов, могут сделать это непреднамеренно. Они получают своеобразную моральную индульгенцию, которая недоступна, однако, военному руководству.

В этой связи обращает на себя внимание рассуждение М. Уолцера о моральной ответственности главнокомандующих. Даже в случае чрезвычайных обстоятельств, несмотря на то, что исключительные действия — к примеру, та же бомбардировка Дрездена 13-15 февраля 1945 г. — кажутся необходимыми в данный момент, военное руководство продолжает нести ответственность за нарушение норм войны. И не случайно, что апологет стратегических бомбардировок Артур Харрис, командовавший британской стратегической авиацией, стал единственным представителем высшего военного командования Великобритании, который не получил титула пэра и причитающихся наград после окончания Второй мировой войны. Действия, дискриминирующие мораль, пусть и совершённые в чрезвычайных обстоятельствах, остаются внеморальными. И лица, отдавшие приказ об их исполнении, несут полную ответственность за принятие подобного решения. Здесь в полной мере проявляет себя и разница между военным и политическим руководством — ответственность последнего за проведение военных операций, как правило, меньше, хотя именно оно вынуждает главнокомандующих совершать операции, за которые впоследствии их могут осудить.

Ситуация чрезвычайных обстоятельств вынуждает нас совершать действия, которые одновременно правильны, поскольку необходимы, и неправильны в силу своей моральной неприемлемости и нарушения принятых норм ведения войны. По словам самого М. Уолцера, «в чрезвычайных обстоятельствах наши суждения раз-

двоены, что отражает дуалистичный характер теории войны и серьёзные сложности, с которыми сталкивается наш нравственный реализм»⁶³. Традиции войны в первую очередь нацелены на то, чтобы ограничить действия военного командования и солдат во время боевых действий. И в этом контексте право, а значит, и утилитаризм правила, имеют, по мнению М. Уолцера, определяющее значение.

И ещё одна категория лиц, которые оказываются задействованными в чрезвычайных обстоятельствах — это нонкомбатанты. Первичным правом нонкомбатантов является безопасность, право на то, чтобы не претерпевать страдания, связанные с войной. Нарушение этого права будет означать нарушение базовых правил теории справедливой войны. Однако М. Уолцер заявляет, что в чрезвычайных обстоятельствах гражданские лица теряют свой иммунитет от нападения.

Но и агрессия в отношении мирных граждан, по мнению американского философа, пусть и оправданная чрезвычайными обстоятельствами, должна быть чем-то ограничена. Во всяком случае, солдаты должны проявлять участие к гражданским лицам. Это соответствует идее недопустимости самой мысли об атаке на гражданское население. Даже если мы вынуждены участвовать в подобных атаках, они по своей сути всё равно останутся ужасными, нравственно неприемлемыми актами насилия. Право людей, подвергшихся такому нападению, оказывается нарушенным, несмотря на то, что исключительные обстоятельства вынуждают войска провести операцию. М. Уолцер настаивает на том, что нам всегда следует осуждать подобные случаи, а участники таких акций должны испытывать раскаяние. То есть уникальность этики чрезвычайных обстоятельств заключается как раз в том, что, с одной стороны, в силу крайней необходимости возможным становится нарушение военной конвенции, но, с другой стороны, нельзя гово-

⁶³ Ibid. P. 326.

речь о полном освобождении участников операции от моральной ответственности.

Аргумент М. Уолцера состоит из трёх частей. Во-первых, он говорит о правах человека, которые имеют принципиальное значение для формирования этических взглядов непосредственных участников вооружённого столкновения. Во-вторых, определённые исключительные случаи делают утилитаризм единственно возможной нравственной позицией. В-третьих, чрезвычайные обстоятельства не означают, что своё значение теряет право. Уолцер рассматривает право как важнейшую составляющую этики, поэтому и в чрезвычайных обстоятельствах, когда утилитаризм занимает доминирующую позицию, значимость права остаётся неизменной.

При таком последовательном постулировании первичности права, М. Уолцеру всё же приходится указать на случаи, когда мы под влиянием обстоятельств, в которых оказались, соглашаемся на обращение к утилитаристским вычислениям для определения более полезного и удобного способа решения проблемы. Подобный ход представляется методологически спорным. Возникают ситуации, когда мы вынуждены жертвовать моралью во имя сохранения установленного порядка. Мы поступаем безнравственно и наши действия должны быть оценены как несправедливые, но неизбежно необходимые. Однако если мы говорим, что действие неприемлемо для нас, то мы постараемся не совершать его, в то время как М. Уолцер заявляет об одновременной правильности и неправильности совершения подобных действий. Это логическое противоречие, с одной стороны, позволяет М. Уолцеру объяснить случаи предельного обострения жестокости международных отношений, однако, с другой, может служить способом оправдания своих действий, в том числе и преступных. Проблемным остаётся вопрос о том, кто и как определяет наступление чрезвычайных обстоятельств, а самое главное, момент их окончания. Резкий переход от права войны к этике утилитаризма также осложняет принятие пози-

ции М. Уолцера. Сам М. Уолцер пытается сгладить это противоречие, заявляя, что и в исключительных ситуациях человек должен держать в уме незыблемость права. Однако вызывает большие сомнения, способен ли человек, совершивший переход от осознания значимости права к исчислениям полезности, сделать обратный переход, фактически отказавшись от вседозволенности и всевластия.

Некоторые выводы о теории справедливой войны М. Уолцера

После окончания Вьетнамской войны Уолцер буквально вернул к жизни теорию справедливой войны, основное положение которой заключалось в необходимости согласовывать с нравственным принципом справедливости процесс вступления в войну и способ действия во время войны. Эта концепция стала со временем доминирующей доктриной западной политической философии, однако не превратилась в неподвижную систему, развиваясь и трансформируясь на протяжении последующих десятилетий.

Триумф теории справедливой войны как критической концепции, по мнению Уолцера, способствовал развитию международных отношений на основе принципов, более соотносящихся с ценностями демократии и либерализма, нежели предложенная реалистами свободная от этики идея национального интереса как руководящего принципа политики. Однако популярность теории справедливой войны, всеобщий интерес к ней, активное её использование политиками и военными, приводит к развитию ряда пороков, которые грозят поразить саму теорию.

К таким проблемным моментам следует отнести в первую очередь релятивизацию справедливости⁶⁴. Удовлетворение принципов концепции *bellum justum* многими воспринимается как действительно необходимое условие начала войны, поэтому каждый участник кон-

⁶⁴ Walzer M. Arguing about War. pp. 12-14.

фликта стремится найти оправдание применению насильственных методов решения противоречий, в том числе эту операцию проводят и иррегулярные комбатанты — повстанцы, партизаны и террористы. Каждый заявляет претензию на оправданность собственной жестокости и указывает на факты, объясняющие справедливость развязанной войны.

Кроме того, неизбежно снижается и степень критичности оценки действий правительств тех или иных государств. Так, Уолцер предупреждает об опасности навешивания ярлыков вечной справедливости крупнейшим западным державам. Задача теоретиков справедливой войны состоит в независимой оценке каждой конкретной войны, поэтому не стоит поддаваться искушению объявить США *a priori* справедливым участником международных отношений, поскольку в последнее время они вели обоснованные войны в Персидском заливе и Афганистане⁶⁵.

Для того чтобы оставаться работающей и живой теорией, концепция справедливой войны должна меняться и периодически обновляться, реагировать на новые политические вызовы. Важность постоянной работы над теорией отмечал и сам Уолцер: «текущие разногласия, равно как и быстрые темпы политических изменений, время от времени требуют ревизии теории»⁶⁶. В одном из последних сборников своих работ — «Споря о войне» — Уолцер замечает, что с момента публикации книги «Справедливые и несправедливые войны» прошло почти сорок лет и всё это время он сохранял веру в основные идеи, изложенные в этой работе, но определённая эволюция во взглядах и аргументации всё же имела место. Вероятно, именно приверженность подобному теоретическому динамизму и отказ от догматичности позволяет концепции справедливой войны на протяжении последних десятилетий оставаться востре-

⁶⁵ Ibid. P. 15.

⁶⁶ Ibid. P. xii

бованной не только в философской среде, но и в политической сфере.

Сам же Уолцер указывает на необходимость следующих уточнений своей концепции справедливой войны, изложенной в «Справедливых и несправедливых войнах». Одной из наиболее распространённых причин конфликтов в наше время становится ненависть к представителям определённых этнических или религиозных групп⁶⁷. Именно этнические противоречия спровоцировали войны на Балканах, в ряде стран Африки и Юго-Восточной Азии. Анализируя эти случаи, Уолцер пришёл к выводу о необходимости более активного применения военной интервенции, в том числе и долгосрочных кампаний, итогом которых должно стать снятие межэтнических противоречий, а не только балансировка сил, как он писал об этом в «Справедливых и несправедливых войнах». Гуманитарные интервенции и политические трансформации оправдываются тем, что вооружённая сила применяется не против населения страны, а против «режима, ответственного за негуманную политику»⁶⁸. Это не означает, что отменяются любые ограничения, наложенные на интервенции. Они всё равно должны соответствовать всем принципам справедливой войны. Но сама возможность проводить такие интервенции воспринимается Уолцером теперь как одна из главных обязанностей демократических государств.

Другая тенденция изменения облика современной войны связана с кризисом традиционного государства и появлением таких политических форм, как «бастардный феодализм», когда борьбу за власть ведут вооружённые группировки. Особенно это характерно для тех регионов, где государство в полном смысле слова так и не смогло сложиться — опять-таки необходимо указать на Африку и Азию. Решением в данном случае вновь

⁶⁷ Об этом пишет также и М. Калдор в «Новые и старые войны».

⁶⁸ Walzer M. Arguing about War. P. 19

оказывается долгосрочная военная оккупация, целью которой будет обучение местного населения основам политического управления и построение демократического общества.

Кроме того, Уолцер соглашается с Б. Орендом и указывает на необходимость разработки помимо принципов *jus ad bellum* и *jus in bello* критериев *jus post bellum*, которые регулируют действия справедливого государства на послевоенном этапе. Работа «Справедливые и несправедливые войны» содержала ряд замечаний, касающихся права *jus post bellum*, однако замечания эти не были в достаточной мере концептуализированы. По словам самого Уолцера, этот раздел политической философии требует особого внимания в настоящее время, поскольку жизненно необходимо утвердить критерии существования в новом послевоенном мире.

В упоминавшейся ранее статье «Смена режима и справедливая война» Уолцер выдвигает крайне важную и оригинальную идею переосмысления всей концепции *bellum justum*, предлагая не ограничивать трансформацию теории справедливой войны созданием принципов *jus post bellum* или развитием идеи смены режима. Уолцер предлагает превратить теорию справедливой войны в теорию справедливого применения силы и вместо понятия *jus ad bellum* использовать более широкое понятие *jus ad vim*⁶⁹. Теория справедливого применения силы включала бы в себя теорию справедливой войны, то есть, рассматривала бы войну как один из способов решения политических конфликтов, но также предполагала бы и иные, невоенные средства борьбы. В качестве примера таких средств политического давления, отличных от войны, приводится политика сдерживания режима Саддама Хусейна в 1991-2003 гг. Сдерживание как невоенная мера применения силы не сможет сделать несправедливый режим справедливым, но оно превра-

⁶⁹ Лат. — право на применение силы. Подробнее об этом см. Уолцер М. Смена режима и справедливая война.

тит его в относительно безопасный режим. Превентивным войнам нет места в теории справедливой войны, однако Уолцер выдвигает идею превентивных невоенных действий.

Подобное обновление теории справедливой войны, по мнению Уолцера, делает её более гибкой и объективной, что в свою очередь должно упростить процедуру принятия решений и способствовать мирному и гуманному завершению конфликтов. «Если мы обратимся к силовому сдерживанию жестоких режимов, к коллективной безопасности, мы обнаружим, что способны достичь справедливости без всех этих разрушительных ужасов войны»⁷⁰. Это и будет, по мнению Уолцера, величайшим успехом теории справедливой войны.

⁷⁰ Уолцер М. Смена режима и справедливая война. С. 32.

Глава 3

Две теории справедливой войны Н. Фоушина¹

Николас Фоушин — профессор философии университета Эмори, США, специалист по военной и медицинской этике и философии языка. Некоторые работы Фоушина были переведены на русский язык, то есть, в определённой степени он знаком российскому читателю. Среди основных работ Фоушина по проблемам философского осмысления феномена войны можно выделить следующие: «Нравственный долг и вооружённые силы»², «Военная этика. Взгляд на будущее»³, «Терроризм. Новый мировой беспорядок»⁴ (в соавторстве). Одной из его последних крупных работ стала «Война и этика: новая теория справедливой войны»⁵, опубликованная в 2007 г. Этот труд представляет для нас наибольший интерес, поскольку позволяет одновременно прояснить общий подход Н. Фоушина к теории справедливой войны и разобраться с оригинальным предложением Фоушина по трансформации этой теории и адаптации её к основным тенденциям развития международных отношений в XXI в. Н. Фоушин анализирует современное состояние теории справедливой войны и обсуждает проект её обновления за счёт создания концепции *bellum justum*, которая работала бы

¹ Некоторые фрагменты этой главы были опубликованы ранее в Куманьков А. Д. Принцип правого дела и «новые» войны // Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред.: Б.Н. Кашников, А.Д. Куманьков. СПб.: Алетеия, 2016. С. 152-175.

² Fotion N. Moral Obligation & the Military. Washington, DC: National Defense University Press, 1988.

³ Fotion N. Military Ethics: Looking Toward the Future. Stanford, CA: Hoover Inst Pr. 1991.

⁴ Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. Terrorism. The New World Disorder. New York: Continuum, 2008.

⁵ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory.

как для классических, регулярных войн, так и асимметричных, иррегулярных конфликтов. Результатом становится создание двух теорий справедливой войны — для каждого типа войны, соответственно.

Фоушин отстаивает необходимость именно этического, философского подхода к интерпретации войны, указывая на его равноценность альтернативным способам описания войны — с исключительно политических, юридических или экономических позиций. Военная этика, по мнению Фоушина, должна пониматься как часть исторически сложившейся традиции, позволяющей военным принимать решения, ориентируясь не только на установки военной науки, но и на законы морали. В каком-то смысле военная этика должна стать частью военной науки. Характерная особенность, которая при этом приписывается этике войны, связана с приемлемостью и даже необходимостью существования в рамках этой системы исключений из принятых теорией справедливой войны правил. Исключения оказываются в таком случае не противоречием или признаком некогерентности теории, а её субстанциальным структурным элементом.

В основе подхода Н. Фоушина к теории справедливой войны лежит идея существования этических норм, обладающих универсальным статусом. Содержание этих принципов универсально, несмотря на то, что способ их непосредственной реализации может не совпадать в разных культурах. По мнению Фоушина, всеобщее одобрение этих норм гарантирует, что они могут получить практическое применение в качестве элементов универсальной этики войны, при этом вопрос о культурно-исторических условиях их происхождения, интерпретации и способе их доказательства обладает второстепенным значением.

Речь идёт о законах, известных всякому человеку с самого детства: «не убий», «не причиняй вреда другому и себе» и «не бери чужого»⁶. Эти императивы представляют

⁶ Ibid. P. 1. См. также *Fotion N. Two Theories of Just War // Philosophia. Vol. 34. No. 1. 2006. P. 53-64.*

собой базовые принципы этики, они обнаруживаются в каждой культуре. Наиболее значима, безусловно, первая максима. При этом Н. Фоушин настаивает на том, что указанные этические постулаты могут пониматься двумя различными способами. Первый предлагает судить о них как об абсолютных универсальных принципах, «считающихся истинными в любом обществе... и не предполагающих исключений»⁷. Эта абсолютистская интерпретация не допускает исключений из правил. Таков подход сторонников пацифизма по отношению к принципу «никогда и ни при каких обстоятельствах не убивай других». Согласно их логике, это абсолютное правило морали делает всякое убийство, а значит, и любую войну, преступной, нравственно неприемлемой и несправедливой. Практический смысл этого принципа для пацифистов состоит в отрицании войны как таковой.

Безусловно, подобный абсолютистский подход, как и всякий радикальный идеализм, сопряжён со множеством сложностей, связанных с последовательным исполнением принципа ненасилия. Вполне возможны ситуации, замечает Фоушин, когда необходимость исполнить один моральный закон окажется затруднительной ввиду запрещающего действия другого закона. Так, Фоушин приводит пример доктора, исповедующего принцип ненасилия, который не может облегчить страданий медленно умирающего пациента с помощью эвтаназии. Поступает ли в данном случае этот доктор гуманно, упорно отстаивая свои убеждения? Это непростой вопрос, требующий отдельного обсуждения. Но Фоушин этим примером стремится показать, что наибольшее, чего можно добиться в рамках абсолютистского подхода — это придание абсолютного статуса одной идее в ущерб всем остальным. Все прочие нравственные законы должны быть пересмотрены или отменены ради реализации главенствующего императива.

⁷ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 2.

Второй, более гибкий подход к использованию этических принципов, состоит в признании того, что ни один из них не имеет абсолютного значения. И хотя в большинстве случаев мы должны пользоваться базовыми принципами этики, эти нормы носят характер предписаний, и поэтому не обладают абсолютным значением. В рассуждениях о такой гипотетической этике Фоушин ссылается на работу шотландского историка философии и специалиста по этике Уильяма Дэвида Росса «Право и добро»⁸, которая вышла в свет в 1930 г. Росс вводит понятие «обязанности *prima facie*» или «условной обязанности», необходимость исполнения которой зависит от специфики условий, в которых находится человек. Употребляя понятие моральной обязанности в кантианском его смысле как необходимость действия исключительно из «уважения к закону»⁹, Росс поясняется, что обязанность *prima facie*, в общем-то, «является не обязанностью как таковой, но чем-то связанным с обязанностью особым образом»¹⁰. Попадая в определённую ситуацию, человек оказывается перед выбором из множества имеющихся обязанностей. Проанализировав все известные ему условия, человек отдаёт предпочтение одной из обязанностей, убеждаясь, что в данном случае его долг состоит именно в исполнении этой обязанности. Для Н. Фоушина оказывается важным существование в этике принципов такого рода, и теория исключений становится ключевым компонентом его концепции. В повседневной жизни следует ориентироваться на законы абсолютистской этики. Однако нередко условия меняются таким образом, что просто необходимо забыть или временно отказаться от имеющихся у нас моральных предписаний. Ни один из нравственных принципов при таком подходе не занимает доминирующего положения, и от каждого из них можно отказаться в нужный момент. Именно такой подход, по мнению Фоушина, лежит в основании теории справедливой войны.

⁸ Ross W. D. The Right and the Good. Oxford: University Press, 2002.

⁹ Кант И. Основы метафизики нравственности. С. 283.

¹⁰ Ross W. D. The Right and the Good. P. xxxiii.

Ситуация исключений, нарушений правил не воспринимается Н. Фоушином в качестве свидетельства слабости теории. Наоборот, исключения допустимы и необходимы, но только в действительно единичных случаях, иначе, при условии слишком частого злоупотребления принятыми правилами, нельзя будет говорить о существовании теории как таковой. С точки зрения теории справедливой войны, необходимость применения вооружённой силы представляет собой нарушение принципа ненасилия и невмешательства, а потому война может быть оправданной действительно в исключительных, строго кодифицированных случаях. Особую значимость взвешенному подходу к принятию решения о начале войны придаёт тот факт, что в вооружённый конфликт как непосредственно, так и опосредовано вовлекаются сотни тысяч, если не миллионы человек. Это значит, что цель, ради которой нарушается мирное состояние, должна быть действительно стоящей того. Однако одного только благого намерения недостаточно, чтобы нарушение принципов невмешательства стало бы морально приемлемым, и Фоушин в полном соответствии с доктриной справедливой войны предлагает целую систему принципов, исполнение которых санкционировало бы применение силы. Эти принципы и станут предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Интерпретация классической теории справедливой войны

Стоит отметить, что Н. Фоушин обращает наше внимание на отсутствие консенсуса относительно того, что именно считать теорией справедливой войны. Можно говорить о единой теории справедливой войны, но это не вполне соответствует действительности, поскольку существуют совершенно непохожие проекты интерпретации доктрины *bellum justum*. Правильнее было бы признать, что теория справедливой войны может использоваться в

качестве родового имени¹¹ для ряда нормативных концепций войны, которые объединяются под таким именем в силу изначального принципиального согласия авторов этих концепций с возможностью приложения этики к войне и убеждённости в необходимости ограничения конфликтов нормами *jus ad bellum* и *jus in bello*.

Как уже отмечалось ранее, принципы *jus ad bellum* должны выступать в роли барьера на пути государства к войне, и только при условии удовлетворения требований каждого из них, можно говорить о справедливости участия в вооружённом конфликте. Н. Фоушин выделяет шесть канонических принципов *jus ad bellum*.

Принцип правого дела (*just cause principle*) требует, чтобы мы засвидетельствовали «не просто достаточные основания, а по-настоящему веские причины для вступления в войну»¹². Вне всякого сомнения, государство, которое подверглось атаке, обладает такой веской причиной. Оборонительная война почти всегда признаётся однозначно справедливой и может наилучшим образом проиллюстрировать смысл принципа правого дела. Фоушин определяет утилитаристскую составляющую этого принципа следующим образом. Государство, на которое напали, вероятно, понесёт значительно больший урон, если откажется от сопротивления. Как правило, капитуляция без борьбы приводит к несоизмеримо большим потерям, нежели борьба. А значит, ответный удар, более выгоден, и этим объясняется его справедливость. Но Фоушин не ограничивается здесь только утилитаристскими соображениями. Сама ценность человеческой свободы заставляет людей сопротивляться угрозе утраты права на самостоятельность.

Однако оборонительная война не единственная справедливая причина войны. Справедливой может считаться и война в качестве поддержки союзника, который уже вовлечён в конфликт. Как правило, теоретики справедли-

¹¹ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 10.

¹² Ibid.

вой войны не оспаривают законность такого рода войны. Правым делом объявляется и война, причиной которой служит стремление защитить саму мораль и человечность. По мнению Фоушина, гуманитарные основания позволяют обосновать справедливость войны, даже не смотря на то, что государство, прибегающее к ней, фактически действует как агрессор. Во-первых, гуманитарная интервенция оправдывается особым нравственным статусом поставленной цели — спасение и защита людей. Во-вторых, она не считается классической войной как таковой, поскольку ведётся не с народом, а с правительством, которое фактически утратило контроль над страной и перестало выполнять свою функцию в отношении своих граждан, и защитниками такого правительства. В-третьих, утилитаристские вычисления свидетельствуют в пользу меньшего вреда войны подобного рода по сравнению с бездействием и попустительством насильственного произвола в отношении беззащитного населения.

Удовлетворяет требованиям принципа правого дела и война, начатая в качестве упреждающего удара (*preemptive strike*). В данной ситуации инициатор атаки чувствует себя скорее жертвой, чем агрессором, оправдывая свои действия предчувствием нападения в ближайшем будущем. Как замечает сам Фоушин, до проведения упреждающего удара необходимо поставить ряд вопросов, решение которых и будет свидетельствовать в пользу справедливости или несправедливости каждого конкретного случая. Что означает выражение «неизбежность войны в ближайшем будущем»¹³, на которую ссылается государство в момент упреждающего удара? Как определяется эта неизбежность? Как определить степень близости войны? Вопрос времени в данном случае вызывает наибольшее осложнение, поскольку слишком раннее нападение будет означать не упреждающую, а превентивную войну, под которой Фоушин понимает «удар с целью предотвратить атаку со стороны противника, ожидаемую в отдалён-

¹³ Ibid. P. 12-13.

ном будущем — через один, два года или пять лет»¹⁴. От политического и военного руководства ситуация упреждающего удара требует принятия тонкого решения: излишняя поспешность будет означать нелегитимную превентивную войну, в то время как затянувшаяся отсрочка может привести к печальным последствиям — военному поражению или даже разрушению государства. Тем не менее, если удастся найти удовлетворительные ответы на поставленные вопросы, то получится доказать обоснованность упреждающего удара.

Итак, учитывая все возможные варианты, Фоушин называет шесть случаев, согласующихся с принципом правого дела. Три из них относятся к ситуации самообороны: это ответные действия при объявлении войны, ответные действия на начавшееся нападение и упреждающий удар. И три связаны с нападением на другое государство: ответные действия при объявлении войны союзнику, ответные действия на начавшееся нападение на союзника и гуманитарная интервенция. Как замечает Фоушин, попытка ограничить этот список в действительности делает теорию справедливой войны недостаточно всеобъемлющей и не соответствует всему многообразию политической жизни.

Вторым критерием *jus ad bellum* Фоушин называет принцип крайнего средства (*last resort principle*). В любом политическом конфликте до того, как дело дошло до столкновения армий на поле боя, необходимо испытывать все мирные способы его урегулирования. К таким мерам можно отнести переговоры, применение экономических и политических санкций, выдвижение ультиматумов. Все средства, отличные от войны, должны быть задействованы. Именно этот принцип и объясняет невозможность одобрения с точки зрения теории справедливой войны превентивных ударов. Слишком раннее нападение на противника, которого мы подозреваем в планировании атаки в отдалённом будущем, означает добровольный от-

¹⁴ Ibid. P. 13.

каз от попыток мирного урегулирования назревающего конфликта.

Аргумент крайнего средства исходит из представления о войне как наихудшем способе взаимодействия между участниками политических отношений. Тяжесть потерь, связанных с войной, заставляет нас признать её наименее желательным средством решения конфликтов.

Принципы пропорциональности или соразмерности (*proportionality principle*) и вероятности успеха (*likelihood of success principle*), напрямую зависящие от принципа правого дела, Н. Фоушин рассматривает как близкие по смыслу, что, впрочем, может иногда приводить к путанице и подмене одного критерия другим. Принцип пропорциональности имеет более практическое содержание, связанное с «оценкой затрат и выгод, понесённых в ходе войны, при условии её успешного окончания»¹⁵. Согласно этому принципу, польза кампании должна значительно превосходить все будущие потери. В книге «Нравственные ограничения войны» Н. Фоушин пропорциональным средством называет войну, «когда относительно сильное государство подвергается нападению со стороны в равной степени сильного государства или когда очень сильное государство отвечает на нападение относительно сильного государства на слабого союзника»¹⁶.

Н. Фоушин отмечает ретроспективный характер применения концепции справедливой войны, то есть оценка обоснованности обращения к вооружённой силе проводится уже после начала или даже после завершения войны. Однако расчёт затрат и выгод должен производиться до объявления войны. И в если война принесёт больше потерь, нежели приобретений, от неё следует отказаться заранее.

В отличие от принципа пропорциональности принцип вероятности успеха оценивает не выгоды, которые могут быть получены в результате войны, а то, насколько

¹⁵ Ibid. P. 15.

¹⁶ Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 130.

успешной будет сама война. Решение о начале войны должны быть взвешенным. Как замечает Фоушин, «если государство собирается вступить в безнадёжную войну, в ходе которой оно столкнётся со значительно превосходящими силами, ему следует просто поднять руки и сдать-ся»¹⁷. Трудность применения этого принципа связана с возможными разночтениями понятия успеха в ходе войны, который может в зависимости от обстоятельств заключаться в полном уничтожении армии противника или же просто в удержании его армии на границе. Н. Фоушин делает тонкое замечание относительно того, как легко риторика успешности может измениться в ходе конфликта: «в начале войны... ничто кроме полной победы не требуется и не обещается. Но когда сама жизнь вносит свои коррективы и недостижимость абсолютной победы становится очевидной, требования к успешности значительно снижаются»¹⁸.

Несмотря на то, что принцип вероятности успеха уже по своему масштабу принципа пропорциональности, поскольку рассматривает только возможность достижения успеха в ходе войны и не принимает во внимание цены победы, оба эти принципа нелегко применить на практике. Как показывают многочисленные исторические примеры, ограниченность информации о противнике делает задачу точной оценки собственных сил и возможности минимизации потерь, а также реализацию изначального плана войны практически невозможной¹⁹.

Четыре описанных выше принципа Фоушин называет процессуальными (*procedural*). Пятый принцип — добрых намерений (*right intentions principle*) — носит иной характер. Он определяет тот настрой, которым обладает государство, начинающее войну. И естественно, справедливая война не может служить тайным агрессивным или эксплуататорским целям государства. Для того чтобы ответить на вопрос, какие

¹⁷ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 8.

¹⁸ Ibid. P. 16.

¹⁹ Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 140.

же идеи могут свидетельствовать в пользу добрых намерений, Фоушин предлагает ввести разделение между мотивами и намерениями. Если мотивы определяются «побуждениями или энергией, которая вызывает определённые действия», то намерения связаны «с действиями, вызванными мотивами»²⁰. Добрые намерения, таким образом, это не какое-то чувство или переживание, которое заставляет людей браться за оружие, а стремление действовать сообразно причине, вызвавшей войну. То есть, государство до тех пор поступает в соответствии с добрыми намерениями, пока война, которую оно ведёт, соответствует принципу правого дела. Фоушин замечает, что не всегда можно с легкостью определить, действует ли государство, исходя из добрых намерений, или нет. Государство может использовать войну для расширения территории или получения доступа к ресурсам противника, даже если изначально имелась справедливая причина для начала войны. Кроме того, возможны ситуации, когда обе стороны претендуют на обоснованность нападения. Последнее положение заставляет отнести Фоушина не к сторонникам М. Уолцера, утверждавшего, что в лучшем случае только одна из сторон конфликта обладает справедливостью, а к продолжателям классической традиции — де Витория и Суаресу, которые выдвинули идею частичной справедливости каждого участника конфликта.

И наконец, шестой принцип *jus ad bellum* — принцип легитимной власти (*legitimate authority principle*) — также не является процессуальным, хотя и имеет непосредственное отношение к процедуре принятия решения о войне. Этот критерий содержит требование к порядку объявления войны. Принимать решение о том, следует или не следует государству вступать в войну, может только уполномоченное лицо, обладающее соответствующей властью. Любое другое лицо, пытающееся объявить войну, делает это незаконно. Война, развязанная отдельным генералом или лицом, назначенным управлять данной территорией, не может быть справедливой. По мнению Н.

²⁰ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 17.

Фоушина, единственным спорным вопросом в рамках принципа легитимной власти можно считать лишь вопрос о том, обладает ли Организация Объединённых Наций такими же полномочиями, как и правительства национальных государств. ООН создавалась для того, чтобы сдерживать агрессию отдельных государств, и ради этой цели иногда санкционирует нападения на независимые государства. В результате меняется само понятие государственного суверенитета; появляется ещё один, надгосударственный субъект международной политики, статус которого, особенно в том, что касается вопросов войны и мира, не до конца ясен. Но сам Фоушин всё же склоняется к признанию ООН силой, которая обладает легитимностью для санкционирования войны.

Совокупность критериев *jus ad bellum* необходима для работы в относительно кратковременном периоде принятия решения относительно того, стоит или нет вступать в войну и на каких условиях. Согласно Н. Фоушину, только война, удовлетворяющая всем без исключения перечисленным критериям *jus ad bellum*, может считаться начатой справедливо. Его позиция в этом отношении характеризуется невозможностью существования в войне справедливости «в определённой степени», когда удовлетворяется только ряд из критериев или каждый из них соблюден частично. Только строгое выполнение требования каждого из них будет свидетельствовать о справедливости войны, в противном случае войну нельзя будет назвать обоснованной.

Итак, каждый из принципов *jus ad bellum* необходимо соблюсти, но вопрос о них встаёт только на самом начальном этапе развития конфликта, до того, как армии начнут сражаться. Стоит учитывать, что война может оказаться довольно продолжительной и указанные выше критерии могут утратить свою силу под воздействием новых обстоятельств. Именно поэтому принципы *jus ad bellum* должны быть дополнены принципами *jus in bello*, которые позволяют сделать вывод о нормах поведения на войне, признанной справедливой в соответствии с *jus ad bellum*. Фоу-

шин действует в соответствии с традицией, называя два таких принципа: пропорциональности и различия.

Принцип пропорциональности или соразмерности (*proportionality principle*) в контексте *jus in bello* оценивает силы и средства, направленные на достижение непосредственных тактических целей на каждом отдельном этапе войны — при наступлении, манёвре или обороне. В VII главе работы «Нравственные ограничения войны» Н. Фоушин в соавторстве с Ги ван Даммом, определяя принцип пропорциональности, указывает на его непосредственное отношение к «общему расчёту баланса пользы и вреда, связанных с осуществлением в ходе войны какой-нибудь конкретной операции или акции»²¹.

Вводя этот принцип, Н. Фоушин особенно подчёркивает важность различия чрезмерных (*excessive*) и превосходящих (*overwhelming*) сил, которые могут быть использованы в данной ситуации. «В ходе сражения чрезмерные силы наносят значительно больший урон (как противнику, так и своим), чем это требуется»²². Применение чрезмерных средств запрещается принципом пропорциональности, в то время как использование превосходящих сил может быть допустимым. Н. Фоушин для подкрепления этой идеи обращается к утилитарному аргументу. Применение чрезмерных средств будет означать непомерные потери, как людские, так и экономические и даже моральные. Выгода таких потерь неочевидна. Напротив, введение в бой превосходящих сил поможет сократить ненужные потери. Н. Фоушин считает поэтому, что достойное и справедливое поведение на войне будет связано с применением наименее разрушительных средств и выбором наиболее успешной стратегии. Правда, реализовать такой план порой затруднительно вследствие недостатка информации и действия «тумана войны».

В результате, если избежать применения чрезмерных средств невозможно, лучшим решением, по мнению Фо-

²¹ Фоушин Н. Соразмерность // Нравственные ограничения войны: проблемы и примеры. С. 174.

²² Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 21.

ушина, станет отказ от атаки. Это объясняется следующими соображениями. С одной стороны, в ходе ничем не ограниченной войны права людей будут постоянно нарушаться, что не соответствует духу справедливой войны. С другой стороны, утилитаристская оценка неограниченной войны демонстрирует, что такая война будет связана с гораздо большим объёмом насилия, нежели обычная, ограниченная. Этот объём насилия будет в разы превышать уровень, необходимый для успешного завершения войны, а потому он будет попросту бессмысленным.

Так же как и Уолцер, Н. Фоушин считает наиболее важным для всей этики войны принцип дискриминации или различения (*discrimination principle*). Согласно основному его требованию лица, «принимающие участие в войне, должны проводить различие между легитимными и нелегитимными целями»²³. К военным, а значит, легитимным целям можно отнести войска, заводы по производству амуниции и прочего военного имущества, линии снабжения и гражданское население, которое работает на армию. Всё прочее гражданское население и промышленность, производящая продукцию мирного потребления, не попадает в число легитимных целей.

По мнению Фоушина, одной из самых больших сложностей в теории справедливой войны остаётся нерешённость вопроса об исключениях. И особенно сильно эта сложность проявляет себя в контексте принципа различения. Этот принцип явно указывает на неприемлемость атаки на невинных, беззащитных людей. Но точного определения невинности нет, и вопрос о выборе цели для нападения всегда будет решаться военными лидерами, исходя из их собственного представления о допустимой мере насилия по отношению к той или иной группе людей.

Мы видели на примере М. Уолцера, что сами теории концепции справедливой войны не понимают принцип различения как закон, вводящий абсолютный запрет

²³ Ibid. P. 22.

на нападение на мирное население. Это справедливо и для концепции Фоушина. По его заявлению «принцип различения — всего лишь важный гипотетический принцип»²⁴, требования которого не распространяются на ряд исключительных ситуаций. По словам Фоушина, провести однозначное и чёткое разграничение легитимных и запрещённых целей возможно только на бумаге. Во-первых, непосредственно в бою сложно принять точное решение о допустимости атаки на ту или иную группу людей. Во-вторых, нередки случаи двойного применения одних и тех же объектов. Всё это делает проведение границ, отделяющих тех, кто может быть подвержен атаке, и тех, на кого нельзя нападать, достаточно сложной задачей.

По словам самого Н. Фоушина, теория справедливой войны, как она была описана выше, представляет собой компиляцию всей традиции *bellum justum*. Изначально теория справедливой войны использовала вышеперечисленные критерии *jus ad bellum* и *jus in bello* для описания столкновений между двумя государствами. Несмотря на то, что теория получила своё второе рождение в 60-70 гг. XX в., после того, как уже закончились антиколониальные восстания и пост-колониальные войны в Азии и Африке, в том числе наиболее крупный и известный конфликт — Индо-Китайская война, концепция всё ещё была ориентирована исключительно на анализ войн между двумя государствами и недостаточно хорошо работала для оценки столкновений с негосударственными субъектами. По мнению Фоушина, при попытке применить критерии теории справедливой войны к конфликтам между государством и негосударственным субъектом, возникают сбои. Именно поэтому Н. Фоушин обращает особое внимание на так называемые новые, неклассические войны, когда «одна из сторон обладает значительным преимуществом в числе и/или технике над другой»²⁵.

²⁴ Ibid. P. 92.

²⁵ Ibid. P. 83.

В этой связи Н. Фоушин делает довольно неутешительный вывод: теория справедливой войны в своей классической форме не очень хорошо подходит для работы с доминирующим в настоящее время типом конфликтов. Современные реалии международных отношений требуют от теории справедливой войны переосмысления или выработки новых критериев, которые отображали бы случаи участия в конфликте негосударственных субъектов (non-state actors). Проблема с классической трактовкой теории справедливой войны возникает, по мнению Фоушина, и ввиду недостаточной проработанности формулировок некоторых принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. Их моральная и практическая составляющие со временем явно ослабли. То есть, сама суть этих принципов вызывает нарекания²⁶. Что же касается случая столкновения с негосударственным субъектом, то смысл ряда критериев *bellum justum* теряется совершенно. Так, к примеру, принцип легитимной власти, очевидно, не может быть применён к асимметричному конфликту. Хотя мы упомянули ранее, что некоторые теоретики справедливой войны, такие как М. Уолцер, считают возможным получение негосударственным участником международных отношений легитимного статуса при условии получения поддержки со стороны мирного населения, такой субъект всё же вступает в войну нелегитимным образом или, во всяком случае, не совсем легитимным образом. Соответственно, положения теории справедливой войны, которые работают для оценки межгосударственных войн, не могут использоваться для анализа войны с террористами или партизанами.

Роль негосударственных субъектов в вооружённых конфликтах неизменно росла на всём протяжении прошедшего столетия. Понятия классической науки о государстве, той науки, которая развивалась в первую очередь мыслителями-реалистами и предполагала господство и монополию государств на насилие, а также взгляд на политику как столкновение национальных интересов, не

²⁶ Fotion N. Two theories of just war. P. 57.

отражает в полной мере всю сложность политической реальности нашего времени.

Вторая половина XX в. характеризовалась уходом в прошлое золотой эры классического государства, описанного авторами нововременной политической науки. Главный вызов государству бросают теперь не соседние государства, а иррегулярные силы. Несмотря на то, что война всё ещё остаётся актом насилия, с помощью которого противника заставляют выполнить нашу волю²⁷, появляются новые формы и виды войны. Примеры военных конфликтов, которые вела Россия в Чечне, США в Афганистане и Ираке, или события в Сирии отчётливо демонстрируют характер современной войны. Борьба ведётся не против государств или народов, но против групп, которые даже не всегда имеют свою территорию: будь то «Аль-Каида», «Ансар-ад-Дин» или «Талибан». Особый случай, ещё требующий своего осмысления, представляет собой Исламское государство — террористическая организация, объявившая о создании халифата. Довольно запутанная с точки зрения международного права ситуация сложилась на Ближнем Востоке. Такие организации, как Хезболла или Хамас, с одной стороны, называются террористическими организациями, но признаны в Ливане или Ираке, они не имеют государственного статуса, хотя и вступают в военные конфликты с некоторыми государствами, например, с Израилем. Эти негосударственные организации зачастую получают народную поддержку, поскольку ведут борьбу за конкретные, чётко артикулированные ценности, их идеология проста и понятна.

Кроме того, всё чаще сами государства обращаются за помощью к иррегулярным группам, в первую очередь, к частным военным компаниям. Так, согласно отчёту, подготовленному специалистами Исследовательского центра Конгресса «Контрактники Министерства обороны в Аф-

²⁷ Клаузевиц К. О войне. С. 20.

ганистане и Ираке: общие данные и анализ»²⁸, на всём протяжении 2000-х доля частных военных компаний среди всех войск, принимавших участие в операциях Соединённых Штатов в Ираке и Афганистане, колебалась в пределах от 10 до 20%. Получается, что почти пятую часть армейской группировки составляли лица, которые не являются солдатами в классическом смысле этого слова. Мы становимся свидетелями того, как государство, вынужденное бороться с иррегулярными силами, частично устраняется из этой борьбы и передаёт право на ведение войны с ними представителям другого рода иррегулярных сил. Частота и масштаб использования сил подобного рода — ещё один признак меняющегося мира политики нашего времени.

Задача политической философии в такой ситуации очевидна. Она состоит в разработке новой теории военной этики, которая учитывала бы все реалии нашего времени и позволила бы сформулировать нормы, которыми следует руководствоваться при столкновении с сообществами, подобными государству, но не являющимися таковыми. Теорию справедливой войны необходимо обновить, в противном случае от неё придётся отказаться за ненадобностью. В предыдущей главе мы рассмотрели проект обновления теории справедливой войны Майкла Уолцера и теперь обратимся к предложениям Н. Фоушина, который предлагает разработать, как он это называет, «вторую теорию справедливой войны»²⁹ (*second just war theory*). Если первая теория справедливой войны будет использоваться, по мысли Фоушина, для работы с классическими межгосударственными войнами, то вторая будет применяться для оценки вооружённых конфликтов, в которых участвуют негосударственные субъекты. Проект Фоушина предполагает работу с двумя концепциями справедливой

²⁸ *Schwartz M., Swain J.* Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis. Congressional Research Service. 2011. URL <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40764.pdf> (Дата обращения 25.04.2017).

²⁹ *Fotion N.* Two theories of just war. P. 53.

войны, которые существовали бы не независимо, но сохранили бы взаимосвязь в рамках одной общей традиции справедливой войны³⁰.

Фоушин берётся за переосмысление теории справедливой войны по ряду причин. Его проект обновления концепции, во-первых, должен сделать теорию более гибкой и практически полезной, что поможет защитить её от нападков критиков. Обращаясь к историческим примерам, Фоушин демонстрирует, что не во всех случаях теория справедливой войны может безошибочно работать, предоставляя верные политические решения. Это значит, что необходимо уточнить её метод и расширить список критериев *jus ad bellum* и *jus in bello*. Во-вторых, изменения в политической среде и системе межгосударственных отношений заставляют его внести преобразования, если не в само ядро теории, то в её инструментарий и методологическую составляющую. Помимо прочего, Фоушина беспокоит вопрос, останется ли теория справедливой войны всё той же концепцией, которой она задумывалась классическими авторами, создавшими её основополагающие принципы, или же она изменится настолько, что перестанет существовать в своём привычном виде и обретёт новую форму. И решение, которое предлагает Фоушин, обусловливается стремлением внести изменения в теорию, но сделать их менее радикальными. Обновить теорию, но сохранить связь с многовековой традицией *bellum justum*.

Фоушин видит два пути внесения изменений в теорию. С одной стороны, это можно сделать, дополнив формулировки принципов *jus ad bellum* и *jus in bello* необходимыми уточнениями и указав на ряд исключений, которые следует применять при исследовании асимметричных конфликтов. Но такой подход кажется американскому философу излишне сложным. Теория превратится в неудобную, перегруженную систему норм, правил и принципов, использовать которую станет невероятно трудно. Теория потеряет свою целостность и лёгкость и в

³⁰ Ibid.p. 57.

итоге станет ненужной. Кроме того, в случае модификации теории за счёт включения в одну общую концепцию правил для оценки как межгосударственных, так и асимметричных войн, мы получим теорию, в которой различия между этими конфликтами окажутся размытыми.

Проект Н. Фоушина состоит в доработке теории путём адаптации её к запросам современной политики. Для начала, чтобы избежать путаницы между классическими и неклассическими войнами, Н. Фоушин предлагает обратиться к введению различных понятий для их обозначения: в случае межгосударственного конфликта можно говорить о войне, в случае конфликта с негосударственным субъектом — о борьбе. Впрочем, и термин «борьба» не кажется ему удобным для описания столкновений между государством и негосударственным субъектом. Развивая идею чёткого разграничения двух этих типов конфликтов, Н. Фоушин предлагает положить её в основу проекта изменения теории справедливой войны, которая также оказывается раздвоенной. «Вместо того чтобы пытаться скомпоновать все упомянутые изменения теории справедливой войны в одну суперсложную модифицированную теорию, лучше разработать две версии теории справедливой войны»³¹. Первая концепция получила название регулярной теории справедливой войны (Regular Just War Theory), она служит для оценки межгосударственных столкновений. Вторая концепция — иррегулярная теория справедливой войны (Irregular Just War Theory) — применяется для описания борьбы между государством и негосударственным субъектом.

Регулярная и иррегулярная теории справедливой войны

В первом случае Фоушин предлагает добавить ряд уточнений в содержание и механику применения принципов классической теории справедливой войны и использовать такую обновлённую теорию. Регулярная тео-

³¹ *Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 111.*

рия справедливой войны, как и классическая доктрина *bellum justum*, состоит из шести принципов *jus ad bellum* и двух *jus in bello*.

Принцип правого дела Н. Фоушин предлагает дополнить ещё одним положением, которое санкционировало бы применение вооружённой силы. Чаще всего, когда говорят о правом деле, предполагают наличие какой-то одной справедливой причины, оправдывающей войну. Гуманитарная катастрофа в соседней стране или вторжение войск на территорию союзника представляют собой веские и самодостаточные поводы для применения силы. И как правило теория справедливой войны удовлетворяется одной такой существенной причиной (*single cause*). Это объясняется тем, что война столь ужасна и страшна, что государство должно обладать действительно серьёзным поводом для применения военной силы. Но, как замечает американский философ, вполне допустимы случаи, когда война может быть оправдана не одной причиной, а совокупностью нескольких причин меньшего масштаба. «Возможно, целое и не будет превосходить сумму частей, но части могут сложиться в одну исключительную единственную причину»³². На примере кампании в Ираке, начавшейся в 2003 г., Н. Фоушин объясняет, как несколько факторов сложились в достаточное основание для силового удара. Взятые по отдельности, тираническая власть Саддама Хусейна, нарушение им резолюций ООН и иных актов международного права, агрессии против собственного населения и поддержка террористов не удовлетворяли бы принципу правого дела. Однако в сумме всё это сложилось в то, что Н. Фоушин считает справедливой причиной войны. Заметим, что М. Уолцер придерживается иной позиции по поводу характера вторжения войск США в Ирак в 2003 г. По его мнению, правительство Ирака на указанный период не представляло угрозы ни для собственного народа, ни для соседей. Или, во всяком

³² Ibid. P. 73.

случае, это был не самый агрессивный режим из всех существующих на тот период³³.

Исторические примеры конфликтов, начало которых обуславливалось не одной, а несколькими причинами, заставляют Н. Фоушина указать на необходимость переосмысления принципа правого дела. Ситуация, когда ряд факторов, каждый из которых в отдельности не мог бы служить справедливым основанием для войны, складываются в вескую причину конфликта, требует дополнения принципа правого дела положением о множественности причин (*multiple reasons*). Говоря о множественности причин, Фоушин не имеет в виду какой-то конкретный список запрещённых действий, совершая которые государство становится легитимной целью для атаки. Для Фоушина важна сама возможность изменять или дополнять этот список, что позволит указать на множественные злодеяния режима и выдвинуть «обобщённую справедливую причину, в достаточной мере значимую, чтобы оправдать войну»³⁴.

В ответ на это предложение Н. Фоушина можно выдвинуть и ряд критических замечаний. Опасность такого подхода состоит, во-первых, в возможном размытии самого критерия правого дела. Введение чрезмерной свободы в область определения веского основания конфликта может привести к выдвижению недостаточно значимых аргументов в пользу военного способа решения конфликта. Далее, такое расширение теории справедливой войны может привести к неправильной работе всей концепции, которая перестанет справляться с поставленной перед ней задачей: сдерживать и ограничить распространение войн. Следуя логике решения, предложенного Фоушином, государства могут назвать ряд малозначительных причин, с помощью которых попытаются оправдать свою агрессивную политику, и теория справедливой войны вынуждена будет утвердить эти причины. Однако, по мнению Н. Фоушина, теория, которая не может при-

³³ См. Уолцер М. Смена режима и справедливая война.

³⁴ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 75.

нять необходимость изменений за счёт расширения одного из своих принципов должна с неизбежностью быть отвергнута. Кроме того, речь не идёт об одобрении абсолютно любого факта, объявляемого веской причиной войны. Каждый новый список причин, претендующих на то, чтобы стать множественной справедливой причиной войны, необходимо подвергнуть тщательнейшему анализу. Государство должно показать взвешенность и обоснованность своего решения. Фоушин называет возможность расширения принципа правого дела посредством подобной процедуры, основанной на необходимости проведения рационального анализа поведения противника, применением «практического мышления» (practical reasoning) в области войны. Правда, здесь возникает вопрос, кто будет оценивать обоснованность претензий одного государства в отношении другого, кто проведёт анализ выдвинутых обвинений, кто будет выносить суждение о рациональности процедуры анализа.

Итак, к принципу правого дела Н. Фоушин предлагает добавить положение о множественности причин. Это будет означать потерю принципом правого дела определённой степени своей строгости. Однако такое дополнение позволит адаптировать принцип к реалиям современной международной политики, когда государства, возможно, не сталкиваются с исключительным злом, подобным нацистскому режиму, но иногда вынуждены бороться против зла, которое по совокупности причин также оказывается значительным.

Классическую формулировку принципа крайнего средства Фоушин фактически предлагает элиминировать, поскольку в своём традиционном прочтении она теряет смысл. При должном желании всегда можно провести ещё один раунд переговоров или выдвинуть новый ультиматум. Существует множество вариантов проведения дипломатических встреч, на которых взаимные претензии сторон могут обсуждаться в новых контекстах. Таким образом, у нас никогда не будет возможности заявить, что все средства мирного решения конфликта были исчерпаны до того, как начали греметь выстрелы. Фоушин указы-

вает на необходимость более глубокого понимания принципа крайнего средства. Невозможно просто отнести его к области математики войны или политических калькуляций. По мнению Фоушина, содержание этого принципа необходимо переформулировать: «государства должны избегать войны, пока она не окажется последним приемлемым средством» (*last reasonable resort*)³⁵. В силу неопределённости понятия «приемлемое средство» в отношении к войне, Фоушин предлагает придать этому принципу следующую трактовку. Решение о войне как крайне опасном и вредоносном явлении, никогда не должно приниматься в спешке, до того, как иные возможные средства не будут рассмотрены и опробованы. Война как наименее оправданная мера должна быть действительно последним средством, к которому следует обращаться только после провала в решении конфликта иными способами: переговорами, санкциями и т.п.

Принцип вероятности успеха, налагающий *veto* на войны, которые принесут больше поражений и потерь, нежели побед, принимается в регулярной версии теории справедливой войны без изменения. Несмотря на сложность его применения, этот критерий всё ещё кажется Н. Фоушину важным и по праву занимающим своё место в списке прочих принципов *jus ad bellum*.

Применение принципа пропорциональности или соразмерности, как уже отмечалось, также связано с трудностями в оценке объёма выгод, которые можно получить после успешного окончания войны. Но и этот принцип Фоушин сохраняет в его классической редакции, поскольку рациональный подход к войне требует, чтобы выгоды от ведения войны значительно превышали все возможные потери.

³⁵ Ibid. P. 14. Критика принципа крайнего средства часто становится предметом дискуссий среди теоретиков справедливой войны, см.: Shue H., Rodin D. Preemption: Military Action and Moral Justification, Oxford: Oxford University Press. 2007; Luban D. Preventive War // Philosophy & Public Affairs. 2004. Vol. 32. No. 3. Pp. 207–248; Aloyo E. Just War Theory and the Last of Last Resort // Ethics and International Affairs. 2015. Vol. 29. Issue 2. Pp. 187–201.

Принцип добрых намерений, согласно которому в ходе конфликта действовать надо, исходя из той справедливой причины, ради которой государство вступило в войну, кажется Фоушину достаточно важным и не требующим внесения корректировок. Хотя с ним и возникают сложности. Намерения политических или военных лидеров не всегда ясны. Действительный характер этих намерений может проявиться лишь спустя какое-то время. Но в целом принцип добрых намерений всё же нужен как одна из преград к необоснованному применению вооружённой силы.

Принцип легитимной власти также не нуждается в изменении. Требование его предельно ясно: война может быть объявлена только тем лицом, одним человеком или группой, которое обладают необходимым для этого авторитетом. Как правило, такими людьми являются представители верховной власти государства. Однако, как мы отмечали ранее, в последнее время на обладание правом объявления войны претендуют и международные организации: ООН, НАТО и другие.

Принципы *jus in bello* — пропорциональности и различия — в регулярной теории справедливой войны не подвергаются каким-либо существенным модификациям. Первый заключается в требовании предварительной оценки возможных военных выгод и потерь в ходе проведения каждой отдельной операции. Особое значение имеет здесь необходимость минимизации степени насилия и количества жертв. Второй определяет законные военные цели, к которым относятся только комбатанты.

Как мы видим, регулярная теория справедливой войны в основном сохраняет все положения классической доктрины *bellum justum*. Однако иррегулярная теория справедливой войны значительно отличается и от классической, и от регулярной концепции, поскольку применение принципов *jus ad bellum* и *jus in bello* в их классическом прочтении сделало бы невозможным адекватное оценивание действий негосударственных субъектов.

Две концепции разнятся в первую очередь методологически. Если регулярная концепция требует, чтобы обе стороны конфликта действовали по одним и тем же правилам, то согласно иррегулярной теории государство и негосударственный субъект оцениваются по разным критериям.

Принцип правого дела в рамках иррегулярной теории сохраняет традиционную формулировку. Однако важным дополнением здесь следует назвать возможность государства атаковать группу мятежников или террористов, нанося им превентивные удары. Как уже было сказано ранее, сложность в определении, была ли атака упреждающим или превентивным ударом, связана с невозможностью точной оценки времени, которое противник планировал затратить на подготовку вооружённого удара. Упреждающее нападение не может быть чересчур поспешным иначе оно будет превентивной атакой. Войска государства-агрессора должны представлять действительную угрозу, они должны быть развёрнуты на границе и готовиться к атаке, и только в этом случае упреждающий удар будет легитимным. Но если в случае столкновения двух равных субъектов международных отношений это затруднение может быть разрешено, то при столкновении государства с иррегулярной силой, невозможно точно предсказать готовящееся нападение. Эта задача практически невыполнима, поскольку иррегулярные силы как правило малочисленны, действует скрытно, и подготовка к нападению небольшой группы боевиков останется незаметной для государства до момента самой атаки. В качестве примера Н. Фоушин приводит гражданскую войну в Шри-Ланке. Обе стороны, участвующие в конфликте, иррегулярная и регулярная — Тигры освобождения Тамил-Илама и сингалы — могли называть атаки на противника превентивными и справедливыми.

Иррегулярная группа не обязательно должна вести боевую активность в настоящий момент. Она может просто планировать атаку в отдалённом будущем. Но временной параметр, с помощью которого определяется разница между превентивным и упреждающим ударом, в

данном случае не является существенным. Нападать и уничтожать такие группы можно в любой момент. Объясняется это тем, что «террористы выбирают время, место и цели, по которым они ударят, и сделать это они могут с той степенью секретности, которая недоступна большим группировкам или государствам»³⁶. Единственным возможным способом борьбы с ними признаётся их скорейшее уничтожение.

Фоушин рассуждает о допустимости превентивной атаки, обращаясь к понятию «состояния войны» (state of war). На протяжении определённого промежутка времени, начиная с момента объявления войны и до заключения мира, государства между собой находятся в состоянии войны. В течение этого периода на фронте могут случаться затишья или проводиться активные наступательные кампании; и очевидно, что после заключения мира борьба посредством применения военной силы уже не ведётся. В случае гражданской войны или войны с повстанцами борьба, как правило, ведётся перманентно, но с разной степенью интенсивности, пока одна сторона не уничтожит другую. Речь обычно не идёт о полномерных кампаниях и противостояниях фронтов, скорее следует говорить о точечных ударах. И нередко иррегулярные силы наносят удары по мирным целям. В первом случае можно говорить об ограничении состояния войны во времени. Границы мирного и военного положения чётко определены. Во втором случае нельзя с уверенностью сказать, что война прекратилась и не возобновится вновь, поэтому достижение мира гарантируется только уничтожением противника.

В этой связи Н. Фоушин считает допустимым изменить теорию справедливой войны таким образом, чтобы «позволить государствам атаковать негосударственные группы превентивно, во всяком случае, в определённых обстоятельствах»³⁷. Как правило, выявление и обнаруже-

³⁶ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 117.

³⁷ Ibid. P. 109.

ние группы мятежников или террористов представляет собой непростую задачу. Ещё сложнее воздействовать на них невоенными средствами, а ущерб от их деятельности может быть крайне велик. Именно поэтому Фоушин и предлагает считать не столь важной разницу между превентивным и упреждающим ударом в случае, когда речь идёт о столкновении с негосударственным субъектом. Данное допущение позволит признать справедливой любую заранее предпринятую меру по пресечению деятельности террористической организации или группировки мятежников.

Что же касается негосударственных субъектов, то у них также могут быть справедливые причины войны. К ним относятся различные виды агрессии со стороны государства — такие, как массовые убийства, порабощение или эксплуатация отдельных групп населения. Агрессия в случае асимметричной войны, как правило, не связана с пересечением границ. Борьба ведётся внутри одного государства. И, по мнению Фоушина, зачастую такая война объясняется необходимостью «предотвратить гуманитарную катастрофу»³⁸.

Принцип крайнего средства в случае асимметричной войны полностью теряет свой смысл. С одной стороны, государство не должно и не может обращаться к переговорам или ультиматумам, когда повстанцы уже начали боевые действия. Кроме того, силы негосударственных субъектов зачастую не образуют единого фронта, действуя независимо, поэтому переговоры с представителями одной группы не будут означать достижения соглашения со всеми силами, противостоящими государству. Однако вполне реальна ситуация, когда правительство начнёт переговоры с теми политиками, которые выражают требования и защищают интересы восставшей части населения.

Представители восставших групп также могут выполнить требование принципа крайнего средства, инициировав переговорный процесс, в ходе которого заявят о

³⁸ Ibid. P. 118.

своих претензиях к официальным властям. Впрочем, подобное представляется Н. Фоушину маловероятным ввиду обыкновенной несогласованности между лидерами составших группировок и желанием этих лидеров начать боевые действия в любом случае. Иными словами, этим принципом можно пренебречь, если речь идёт об иррегулярной войне.

Применение принципа вероятности успеха, как и в случае классического конфликта, сопряжено с известными сложностями в оценке сил противника и его мощи. Дополнительную трудность здесь составляет зачастую полное отсутствие точной информации о численности и технической оснащённости мятежных групп. В свою очередь нетрадиционные силы, участвующие в конфликте, не должны проходить оценку на выполнение требований принципа вероятности успеха. «Вне зависимости от того, насколько справедливой их цели, теория справедливой войны объявит их действующими неэтично, поскольку они обладают ничтожным или даже нулевым шансом на успех в начинающейся борьбе»³⁹. Для иррегулярных сил требования этого принципа чересчур строги, и поэтому он не должен применяться в отношении негосударственных акторов.

Принципы пропорциональности и добрых намерений используются в иррегулярной теории справедливой войны в своём классическом прочтении. Асимметричность конфликта не влияет на возможность применения этих принципов к обеим сражающимся сторонам. Однако здесь проявляются и все трудности, которые связаны с этими принципами в регулярной теории справедливой войны.

Последний из принципов *jus ad bellum*, принцип легитимной власти, может применяться только к государству. Проблема определения легитимного носителя власти в случае столкновения двух государств не возникает. Но в случае асимметричной войны этому принципу попросту нет места. Деятельность партизанской или террористической организации, вступившей в войну, не может прохо-

³⁹ Ibid. P. 120.

дить проверку на соответствие этому принципу, поскольку даже руководители этих организаций не имеют той степени легитимности власти, какой обладают лидеры прочих политических сообществ. Лидеры повстанческих или террористических организаций обладают определённой степенью авторитета и харизмы, но это совсем не то, что мы обычно подразумеваем под политическим авторитетом верховного властного органа государства. Н. Фоушин в этой связи предлагает не применять принцип легитимной власти к негосударственным субъектам, поскольку, как и в случае с принципом вероятности успеха, у них не будет шансов соответствовать требованиям этого принципа. Таким образом, этот критерий используется только в отношении государства, но не его противников в лице нерегулярных политических групп.

Говоря о *jus in bello*, Н. Фоушин включает в иррегулярную теорию справедливой войны принцип пропорциональности без каких-либо изменений, поскольку обе стороны могут и должны оценивать собственные силы и возможные потери при проведении каждой военной операции. Только взвешенный подход к своим действиям позволит им считаться действующими справедливо.

Что же касается принципа различия, то его использование применительно к асимметричному конфликту в традиционной форме явно сопряжено с множеством сложностей. Правительственные вооружённые силы сталкиваются с «определёнными трудностями: они часто не могут идентифицировать своего противника; повстанцы прячутся в сельской и/или городской местности и не носят униформу; они выглядят, как гражданское население; зачастую для сражения они выбирают места, где находится большое количество настоящих мирных граждан»⁴⁰. Такое положение дел не означает, что легальной становится любая атака на невооружённых, но потери среди мирного населения неизбежно возрастут. Государство, однако, не может полностью отказаться от проведения

⁴⁰ Ibid. P. 122.

военных акций в зоне расположения гражданского населения, поскольку в противном случае оно просто признает своё поражение, будучи неспособным вести борьбу с повстанческими группами.

По мнению Н. Фоушина, мы вынуждены понять эти непростые условия, в которых находится государство и санкционировать удары по целям, которые в классическом конфликте были бы определены как мирные. Но это исключение, сделанное для официальной власти, не распространяется на силы повстанцев, которые не сталкиваются с проблемой идентификации войск противника и всегда способны отличить военных от мирного населения. Впрочем, практика показывает, что зачастую сами мятежники причисляют к своим врагам не только национальные вооружённые силы или полицию, но и всех представителей определённых этнических, религиозных групп или тех, кто подчиняется официальной власти и её законам.

Н. Фоушин рассматривает революцию Ф. Кастро на Кубе в качестве примера асимметричного конфликта, который позволяет судить о работе иррегулярной теории справедливой войны⁴¹. Режим Фульхенсио Батиста не был агрессивным и не угрожал своим соседям. То есть, Кастро не мог апеллировать к принципу правого дела в его классическом значении. Однако был ряд причин, которые позволили кубинскому революционеру оправдать применение силы. К ним следует отнести, во-первых, незаконность установления режима Батисты, пришедшего к власти в ходе переворота 1952 г. Далее, жестокость и несправедливость этого тиранического режима. Уровень коррупции был крайне велик в то время, и Батиста не боролся с ней. И наконец, при полном попустительстве президента Куба всё больше становилась экономической колонией США. Ни одна из перечисленных причин не могла бы считаться в достаточной мере веской, чтобы удовлетворить принципу правого дела в его классической ин-

⁴¹ Подробно причины революции на Кубе рассматриваются в *Бородаев В.А. Кубинская революция и становление новой политической системы. 1953-2006.* — Москва: Изд-во Московского ун-та, 2007.

терпретации. Но в своей совокупности они вполне давали такую справедливую причину, которая была и легитимной, и бесспорно убедительной.

Однако и за Батистой Н. Фоушин признаёт обладание определённой долей справедливости, что, конечно, было бы немыслимым для М. Уолцера, который назвал бы революцию на Кубе абсолютно несправедливой и нелегитимной. Батиста защищал собственное правительство от агрессии Кастро. Он обладал определённой долей легитимности, поэтому мог вести борьбу.

Обе стороны удовлетворяли и требованиям принципа крайнего средства. Батиста не мог вести переговоров с партизанами, поскольку высадка Кастро в 1956 г. была актом агрессии. Но и сторонники Кастро, по мнению Фоушина, не могли вести переговоры с президентом, поскольку тот изначально действовал жестоко, подавляя любое инакомыслие силой.

Правительство Батисты хотя и было образовано в ходе восстания, но к концу пятидесятых годов было признанной властью на Кубе, то есть на момент выступления Кастро оно соответствовало требованиям принципа легитимной власти. Что же касается Кастро, то хотя он и претендовал на собственную легитимацию, заручившись поддержкой народа, в начале своей повстанческой деятельности он всё же был только одним из многочисленных лидеров мятежных групп. Однако Н. Фоушин предлагает в данном случае несколько изменить содержание критерия легитимной власти для работы с асимметричными конфликтами. По его мнению, Кастро долгое время не обладал всей полнотой легитимности, хотя и заявлял обратное. Но нелегитимной его власть также нельзя назвать, поскольку он действовал не от своего лица, а от лица группы повстанцев, которые его поддерживали.

Итак, Фоушин приходит к выводу о необходимости признать разницу в применении принципов теории справедливой войны в классической и асимметричной войне. В первом случае обе стороны должны пройти оценку на соответствие одному и тому же набору требований. В свою очередь, ситуация асимметричной войны предполагает различное приме-

нение принципов *jus ad bellum* и *jus in bello* в отношении регулярных и иррегулярных участников конфликта.

Фоушин полагает, что разделение теории справедливой войны на регулярную и иррегулярную будет способствовать её превращению в более гибкую, взвешенную концепцию, которая сможет соответствовать особенностям наиболее типичных на сегодняшний день военных конфликтов. В своей традиционной версии теория лишила бы любое народное выступление даже самой малой возможности считаться справедливым. Как уже было сказано выше, действия мятежников не соответствуют принципу легитимной власти. Также они не проходят проверку на соблюдение требований принципа вероятности успеха, поскольку изначально силы повстанцев обычно малочисленны, а ресурсы ограничены. Для мятежников этот принцип стал бы ещё более трудно преодолимой преградой, нежели принцип легитимной власти. Но в таком случае доктрину *bellum justum* можно было бы критиковать как концепцию, стоящую на службе государства и выполняющую охранительную функцию. Однако теория справедливой войны стремится не к подтверждению монополии государства на применение организованного насилия, а к ограничению войны. В каком-то смысле теоретики справедливой войны занимают идеалистическую позицию, предполагая, что негосударственный субъект способен вести войну в соответствии с нормами этики, что позволит признать такую войну справедливой.

Примечательно, что Фоушин предполагает возможным применение и регулярной, и иррегулярной теории к одному и тому же военному конфликту. По словам Фоушина, нет «никакого противоречия в том, чтобы обратиться к обеим версиям теории справедливой войны»⁴² для оценки текущего конфликта. На начальном этапе, когда мятежные группы находятся на ранней стадии своего политического формирования, может использоваться иррегулярная теория. Со временем, когда восставшие смогут претендовать на обладание

⁴² Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. 153.

определённым политическим статусом и наберут силу, следует обратиться к регулярной теории справедливой войны.

Могут, впрочем, высказываться сомнения в релевантности и полезности, предложенного Фоушином проекта создания двух теорий справедливой войны. Так, может быть высказано мнение, что вместо того, чтобы рассуждать о содержании альтернативной теории иррегулярной войны, необходимо просто отказать негосударственным субъектам в праве на применение силы и ведение войны. Это положение подкрепляется тем соображением, что мы можем придумать для повстанцев или террористов специальную теорию справедливой войны, но они не воспользуются ей и будут вести войны без всяких ограничений с полной вседозволенностью. Не будет силы, которая укажет им на нарушение законов морали и заставит действовать нравственно, поэтому они и не станут вести войну в соответствии с идеей справедливости.

Фоушин отстаивает необходимость раздвоения теории справедливой войны, дабы придать ей больше пластичности, которая позволит сохранить релевантность концепции. Действительно, это позволяет теории адаптироваться к новым политическим реалиям. Но с другой стороны, теория может легко потерять свою целостность, однородность и логическую стройность. Вопрос вызывает и то, насколько продуктивен подход, предложенный Н. Фоушином. На данном этапе развития международных отношений, попытку модифицировать теорию справедливой войны, введя в неё специальный раздел, оценивающий асимметричные войны, можно признать довольно успешной. Однако в любом случае это лишь временная мера, которая не позволит теории существовать на протяжении долго периода времени без изменений. Появление новых типов врага и дальнейшая трансформация самой войны неизбежно приведёт к необходимости разработки новой, третьей, теории справедливой войны, а затем и четвёртой. Уже сейчас двойная концепция Н. Фоушина не говорит ничего о частных военных компаниях, роль которых в конфликтах будущего, возможно, будет только увеличиваться. Кроме того, деятельность этих компаний значительно отличается от тех практик, которыми заняты повстанцы или тер-

рористы, и можно лишь условно говорить о том, что иррегулярная теория справедливой войны работает верно в отношении частных военных контрактников.

Кроме того, не получает решения вопрос о различии между борьбой с повстанцами и контртеррористической войной. Природа повстанческой и террористической деятельности сильно разнится, хотя, безусловно, обе эти силы являются неклассическими участниками политических конфликтов. Повстанческое движение близко по своему характеру к партизанскому, оно обладает привязанностью к определённой территории. Мятежники, как правило, начинают вооружённую борьбу ввиду недовольства конкретным политическим режимом в отдельно взятой стране, и борьба с ними ведётся в пределах границ этого государства. Пример деятельности Эрнесто Че Гевары, революционера на экспорт, следует считать исключением, объяснить который можно пламенным характером самого Гевары. В свою очередь, террористы в меньшей степени привязаны к конкретным территориям. Борьба ведётся не с одним правительством, а с целой системой мирового порядка. Террористические организации могут поддерживать повстанческую деятельность, однако это не означает, что между терроризмом и повстанчеством можно поставить знак равенства.

Стоит сказать несколько слов об общей критике теории справедливой войны, с которой приходится сталкиваться Фоушину. Против теории высказывается четыре основных контраргумента. С точки зрения политических реалистов, в практике международных отношений государства руководствуются в первую очередь собственными национальными интересами. Им нет дела до этики и требований *jus ad bellum* и *jus in bello*. Если же государства и ссылаются на теорию справедливой войны, то только из-за стремления убедить собственное население и мировую общественность в обоснованности собственной позиции. Таким образом, теория справедливой войны нередко используется в качестве занавеси (*window dressing*) для оправдания действий, которые на самом деле не отвечают требованиям теории. В борьбе за повестку дня хороши любые аргументы, в том числе и апел-

ляция к этике. Однако на самом деле война обуславливается столкновениями национальных интересов. Государство может уделять внимание нормативным теориям войны. Но это следует признать пустой тратой времени. Теория справедливой войны идеалистична и утопична, поэтому следует обратиться к иным средствам, позволяющим получить конкретные результаты.

Три вышеприведённых критических замечания чаще всего озвучиваются реалистами. По понятным причинам не принимают доводы теории справедливой войны и сторонники пацифизма. Согласно пацифистской доктрине, ни одна война не может быть оправдана, в то время как теория справедливой войны заявляет, что некоторые из них имеют законное основание и ведутся должным образом.

Для реалистов теория справедливой войны — явная угроза национальным интересам. Как метко замечает Н. Фоушин, государство, которое ведёт войну, ориентируясь на принципы теории справедливой войны, подобно борцу, одна рука которого завязана за спиной. Положения теории справедливой войны ограничивают возможности государства, а значит, концепция опасна для национальных интересов и, следовательно, не нужна. Н. Фоушин отчасти соглашается с этим замечанием: в краткосрочной перспективе, действительно, следовать теории справедливой войны менее благоразумно, однако с течением времени война, которая ведётся с соблюдением норм этики, вызывает меньше критики внутри государства и со стороны международного сообщества, нежели война, поводом которой стало стремление удовлетворить национальные амбиции. Именно консеквенциализм должен убедить стороны вести справедливую войну — такая война вряд ли сможет стать причиной возобновления конфликта в будущем, поэтому будет служить основанием для более надёжного и справедливого мира.

Причина, по которой люди ведут себя нравственно и выстраивают своё поведение, согласовываясь с этикой, для Фоушина имеет структуральный характер. Реалисты могут сказать, что представления о морали появляются в умах людей в результате действия на них пропаганды. Но для Фоушина

этот процесс устроен гораздо сложнее. По его мнению, «западные либеральные общества построены на идеях личного права и уважения»⁴³. Такой подход невозможно привить людям одной лишь пропагандой. Это то, что вращивалось в людях западной цивилизации столетиями посредством особого понятия о праве, культуре, религии и этике. И именно такой подход применительно к войне делает затруднительной бездумную атаку на мирных граждан противника и приводит к неприемлемости войны, развязанной во имя национальных интересов.

В свою очередь Н. Фоушин называет концепцию реалистов «благоразумной теорией войны» (Prudential War Theory) или «эгоистичной теорией войны» (Self-interest War Theory). Реалисты также выдвигают ряд принципов для оценки конфликта. Главное отличие проявляется в трактовке принципа правого дела, который у реалистов не содержит случая гуманитарной интервенции, но дополняется допущением войны, которая представляется полезной для национальных интересов. То есть агрессивная война не запрещается, если она кажется выгодной государству. Реалисты отвергают также принцип различения *jus in bello*. Все прочие принципы, которые предлагает теория справедливой войны, так или иначе применяются и реалистами, которые, однако, гораздо меньшее место отводят анализу интересов и безопасности граждан других государств. Именно поэтому принятие решения о войне даётся реалистам гораздо легче, а методы ведения войны, предлагаемые ими, будут более жестокими.

Некоторую проблему представляет собой, по словам Н. Фоушина, спорадическое применение теории справедливой войны. Об этом же предупреждал и Уолцер, говоря об успехах и сложностях теории справедливой войны. Но сам Фоушин считает, что целостность теории справедливой войны не рухнет при выборочном использовании её принципов, выполняя своё предназначение служить делу ограничения войны.

⁴³ Ibid. P. 134.

Указанные критические замечания, по мнению Н. Фоушина, не имеют разрушительной силы для всей теории справедливой войны. Несмотря на те слабости, которыми обладает теория, и трудности, с которыми она сталкивается, мы всё же можем применять её. Нравственное ограничение войны не кажется Фоушину иллюзией, и зачастую теорию справедливой войны критикуют не потому, что она ошибочна или слаба, а просто потому, что «она не понимается должным образом»⁴⁴.

Теория справедливой войны оказывается, по мнению Фоушина, полезным инструментом, без которого совершенно невозможна работа различных институтов международной политики. В первую очередь к концепции *bellum justum* обращаются «официальные лица, ответственные за принятие решения о вступлении в войну»⁴⁵. В особенности она важна в демократических государствах, где решение о войне будет приниматься коллегиально, в ходе дебатов между сторонниками этического и силового подхода.

Кроме того, современные правительства вынуждены прибегать к верификации своих действий на предмет их соответствия требованиям критериев теории справедливой войны, поскольку общественное мнение не позволяет политикам руководствоваться одним лишь национальным интересом. Во всяком случае, такова ситуация западных демократий. Средства массовой информации активно освещают военные операции и методы, которыми они проводятся, поэтому информация о нарушениях норм морали и права войны и совершении преступлений быстро становится известной общественности. Получается, что, несмотря на то, принимает или нет правительство и военное руководство страны критерии справедливой войны, они вынуждены использовать их в своей работе и ссылаться на них. Зачастую теория справедливой войны используется для оценки уже начавшегося конфликта или для осмысления войны, закончившейся некоторое время назад. То есть, теория применяется ретроспективно, но она

⁴⁴ Ibid. P. 126.

⁴⁵ Ibid. P. 27.

полезна и в такой форме. Высокое практическое значение, которым обладают принципы справедливой войны, даёт Фоушину надежду на то, что и концепция двойной теории справедливой войны со временем будет оценена по достоинству и получит своё применение.

Глава 4

Б. Оренд: этика войны минимально справедливых государств¹

Брайан Оренд, профессор Университета Уотерлу, принадлежит к числу наиболее заметных авторов нового поколения теоретиков справедливой войны. Среди его работ по этике войны следует выделить книги «Война и международная справедливость: взгляд с кантианской точки зрения»² и «Мораль войны»³, а также «Майкл Уолцер о войне и справедливости»⁴, «Введение в исследования международных отношений»⁵, «Права человека: Понятие и контекст»⁶. В активе ОRENDA помимо прочего значится также и небольшой роман «О войне: диалог»⁷, герои которого обсуждают ключевые вопросы этики войны и в частности затрагивают глобальную проблему смысла войны.

Во многом Оренд продолжает и развивает концепцию М. Уолцера. «Справедливые и несправедливые вой-

¹ Некоторые фрагменты этой главы были опубликованы ранее в Куманьков А. Д. Принцип правого дела и «новые» войны // Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред.: Б.Н. Кашников, А.Д. Куманьков. СПб.: Алетейя, 2016. С. 152-175; Куманьков А.Д. Концепция минимальной справедливости в философии войны Б. ОRENDA // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 2. С. 6-12; Kumanov A. Minimal Justice and Regime Change in Brian Orend's Political Ethics / NRU Higher School of Economics. Series WP20 "Философия и исследования культуры". 2016.

² Orend B. War and International Justice: a Kantian Perspective. Wilfrid Laurier University Press. 2000.

³ Orend B. The Morality of War.

⁴ Orend B. Michael Walzer on War and Justice. Cardiff: University of Wales Press. 2000.

⁵ Orend B. Introduction to International Studies. Oxford: Oxford University Press. 2012.

⁶ Orend B. Human Rights: Concept and Context. New York: Broadview Press. 2002.

⁷ Orend B. On War: A Dialogue. Lanham: Rowman Littlefield. 2008.

ны» — основной источник, с которым работает канадский философ. В работе «Мораль войны» Оренд структурирует основные положения теории Уолцера, что уже можно признать определённым достижением, поскольку сам Уолцер не уделяет должного внимания систематизации своей концепции. Но наиболее значительный вклад в развитие теории справедливой войны Оренд внёс благодаря работе по концептуализации принципов, которые он (и теперь многие вслед за ним) называет *jus post bellum*, что в буквальном переводе с латинского означает «право после войны» или «справедливость после войны».

Оригинальной следует признать и попытку ОRENDA совместить теорию справедливой войны и кантианскую политическую философию и этику. Именно Канта Оренд называет автором идеи *jus post bellum*. Принципы установления перманентного мирного состояния, изложенные в трактате «К вечному миру»⁸, Оренд интерпретирует как нормативные установки, соответствующие духу и логике доктрины справедливой войны. А из ряда положений «Метафизики нравов» он также выводит кантианское учение о *bellum justum*.

Подобный подход интересен не только стремлением показать актуальность Канта — в этом не было бы ничего принципиально нового; куда более любопытным выглядит само желание поставить теорию справедливой войны (фактически теорию Уолцера) на платформу какой-либо этической доктрины, которая стала бы фундаментом для определения категорий *ad bellum*, *in bello* и *post bellum*. По мнению самого Уолцера, теория справедливой войны не нуждается в этической метатеории, в которой были бы укоренены её принципы. Мы можем говорить об имплицитной связи теории Уолцера с такими этическими доктринами, как утилитаризм или прагматизм, но сам автор только в дискуссии о «чрезвычайных обстоятельствах» (*supreme emergency*) обращается к специфическому утилитаристскому аргументу, который он

⁸ Кант И. К вечному миру.

называет утилитаризмом чрезвычайных мер. Во всех остальных ситуациях принципы теории справедливой войны кажутся Уолцеру буквально самоочевидными и не нуждающимися в дополнительном этическом обосновании. Это можно было бы назвать интуитивизмом в духе У.Д. Росса, но сам Уолцер нигде не даёт прямой ссылки ни на Росса, ни на других интуитивистов.

Зачастую подобный подход подвергается критике, поскольку рассматривается как свидетельство морального выхолащивания теории — по существу она не является этической теорией как таковой и превращается всего лишь в набор принципов, которые могут свободно меняться в соответствии с целями того, кто стремится к моральному оправданию применения вооружённого насилия. На этом фоне активное обращение Орендта к Канту кажется действительно оригинальным решением. По мнению канадского философа, именно кантианская политическая философия должна стать метатеоретической средой, которая сделает теорию справедливой войны более обоснованной и глубокой.

Концепция минимальной справедливости

Базовым теоретическим основанием концепции справедливой войны Орендта является учение о «минимально справедливом» политическом сообществе (*minimally just political community*). В свою очередь идея минимальной справедливости государства находит основание в политической философии Канта, во всяком случае, в том виде кантианской мысли, какой придаёт ей сам Орендт. Именно у Канта Орендт берёт два ключевых положения своей политической философии и этики: «основная функция государства состоит в защите людей от насилия, мошенничества и анархии, присущей естественному состоянию, и обеспечении функционирования гражданского общества, основанного на публичном, позитивном праве, опирающемся на силу»⁹. Но у государства есть и ещё одна функ-

⁹ *Orend B. War and International Justice: a Kantian Perspective. P. 111.*

ция: «основная внутренняя задача государственного механизма, в кантианских терминах, состоит в том, чтобы обеспечивать права человека, во всяком случае, в меру своих возможностей»¹⁰.

Итак, государство должно нести закон и порядок и гарантировать соблюдение прав человека — это основа парадигмы прав человека Орэнда. При этом государство определяется Орэндом абсолютно в духе Вебера как «политическая организация людей, созданная для того, чтобы служить авторизирующим источником власти над ними. Государство — как наиболее влиятельная структура принятия политических решений на определённой территории — поддерживается монополией на легальное применение насилия для контроля исполнения своих решений»¹¹. Ключевыми для определения государства будут, таким образом, понятия территории, авторитета, закона и, что важно, права на насилие.

Канадский философ задаётся вопросом о происхождении прав, которыми обладает государство и некоторые из которых оказываются уникальными, то есть в нормальных условиях недоступными отдельному индивиду или социальной группе¹². Ориентируясь на два приведённых выше принципа, Орэнд делает вывод о непосредственной связи прав человека с правами государства при безусловной первичности прав человека. Права, которыми обладает человек, позволяют и государству получить определённые права, если оно отвечает возложенным на него функциям, то есть, защищает человека от ужасов естественного состояния, поддерживает функционирование гражданского общества и обеспечивает права человека. Уместным здесь будет вспомнить рассуждение об обязанности суверена в отношении народа из «Метафизики нравов» Канта:

«мы должны будем вывести это право из долга суверена по отношению к народу (а не наоборот); при этом народ должен считаться отдавшим свой

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. P. 110.

¹² Таким будет право на применение организованного насилия.

голос в пользу такого решения, в каковом качестве он хотя и пассивен (позволяет распоряжаться собой), но все же самостоятелен и представляет самого суверена»¹³.

Государство обладает правами только в силу того, что человек обладает правами. По мнению канадского философа, рациональный субъект может признать над собой господство только той политической системы, которая будет способна удовлетворить его жизненные потребности. Стоит отметить, что Кант здесь удачно сочетается с Локком. Но в этом же положении содержится важная трансформация изначальной кантовской мысли. Основой политической морали становится не понятие достоинства или долга, а понятие потребности. Не моральная воля или нравственная самоценность индивида лежат в основании этой политической этики, а человеческие потребности и нужды. Именно потребности очерчивают круг того, что входит в область прав человека. Оренд относит к ним в первую очередь свободу, но добавляет сюда же и свободу рынков. Представляется, что это не вполне соответствует кантианскому определению политической этики. Для Канта любое нарушение прав индивида было злом. Вне зависимости от дополнительных условий, которые могут называться в качестве причин, оправдывающих насилие. Исходя из этой посылки, политическое учение Канта вообще очень плохо вписывается в современную теорию справедливой войны, для которой более близкими этическими учениями являются консеквенциалистские теории (утилитаризм или прагматизм), что Оренд и подтверждает, начиная дискуссию о потребностях.

Одно из важнейших следствий из обращения ОRENDA к кантианскому учению о правах человека состоит в следующем. Поскольку права человека обладают универсальным значением, государство обязано в определённой

¹³ Кант И. Метафизика нравов в двух частях. С. 272.

мере содействовать осуществлению прав всего человечества, что проявляется в отказе от причинения вреда иностранным гражданам. Агрессивные действия по отношению к другим государствам становятся незаконными, и наоборот — стремление помочь в защите прав человека санкционирует вмешательство в дела суверенного государства. Защита прав человека становится руководящим принципом межгосударственных отношений.

Именно в этой политической этике находит свои основания теория справедливой войны ОRENDA и его учение о минимально справедливом политическом сообществе. Оренд заявляет, что каждое политическое сообщество можно подвергнуть оценке на предмет определения его нравственного потенциала. Другими словами, можно установить уровень справедливости, присущий государству. Оренд не говорит, что государства должны быть нравственно безукоризненными и добродетельными, но предполагает, что существует уровень минимальной справедливости, соответствию которому и надо пытаться выяснить.

Оренд предлагает считать минимально справедливым государство, которое: 1) признано собственными гражданами и мировым сообществом; 2) не нарушает права соседних государств; 3) обеспечивает соблюдение прав собственных граждан¹⁴. Подобная концепция, очевидно, основывается на проекте Дж. Ролза, изложенном в «Праве народов»¹⁵.

Задача минимально справедливого государства — обеспечение прав человека, во всяком случае, по отношению к собственным гражданам¹⁶. Оренд следует в данном случае за Локком, указывая на защиту прав человека как единственную причину, по которой люди объединяются в государство и сохраняют лояльность своему правительству. Напомним, что во втором «Трактате о правлении» Локк замечет, что народ «освобождается от повиновения,

¹⁴ Orend B. The Morality of War. P. 38.

¹⁵ Ролз Дж. Право народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 79-105.

¹⁶ Orend B. The Morality of War. P. 33.

когда производятся незаконные покушения на его свободу или собственность, и может оказывать сопротивление незаконному насилию со стороны тех, кто были его должностными лицами, когда они покушаются на его собственность»¹⁷. То есть, Оренд в буквальном виде воспроизводит классическую формулу Локка, когда замечает, что в случае потери государством возможности исполнять возложенные на него задачи, «у людей нет оснований повиноваться ему и подчиняться общественному договору»¹⁸. Если же люди сохраняют лояльность правительству, которое не способно удовлетворить их потребности, то делают это только из страха. Государство может действовать либо морально, тогда оно будет считаться минимально справедливым, либо с позиции силы и устрашения, то есть быть несправедливым.

Можно выделить пять фундаментальных прав человека, которые обязано защищать государство: безопасность существования, обеспечение жизни, личная свобода, элементарное равенство, общественное признание права собственности. Оренд продолжает здесь традицию, которая восходит к Локку и находит своих сторонников в лице многих современных мыслителей. В частности Дж. Ролз видел в этих правах основу нравственной и политической легитимации правительства: «хорошо организованное нелиберальное общество будет принимать то же самое право народов, что и хорошо организованное либеральное общество. Здесь я понимаю хорошо организованное общество как мирное и не стремящееся к экспансии; его система законодательства удовлетворяет определенным необходимым условиям легитимации в глазах его собственных граждан; и, как следствие этого, общество уважает основные права человека»¹⁹.

Наличие у государства определённых прав, в том числе и права на применение силы и ведение войны, свя-

¹⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 394.

¹⁸ Orend B. The Morality of War. P. 33.

¹⁹ Ролз Дж. Право народов С. 79.

зывается Орендом со способностью государства реализовать права человека. Как правило, государства, соблюдающие права человека, не ведут войны друг против друга. Оренд ссылается на Канта и Майкла Дойла²⁰, чтобы подтвердить это положение, известное под названием «теория демократического мира». Эта концепция содержит в себе одно важное основание, которое кажется Оренду справедливым: «если правительство не заботится о правах собственных граждан, что заставит его беспокоиться о правах иностранных государств и их граждан?»²¹. Такие государства несправедливы, агрессивны, поэтому, по мнению ОRENDA, нельзя сказать, что они могут рассматриваться как полноправные участники политических отношений. В результате, только минимально справедливые государства обладают в полной мере правами государства (state rights): политическим суверенитетом, территориальной целостностью, правом пользования ресурсами, равенством, признанием, правом на самооборону и возможность применения силы и др²².

Концепция минимальной справедливости и справедливая война

Право ведения оборонительной войны оказывается одной из наиболее важных способностей справедливого государства, с точки зрения ОRENDA. Развивая свою теорию войны, Оренд реабилитирует не только моральную и политическую философию Канта, но и философию войны Карла фон Клаузевица. Оренд не только свободно обращается к теоретическому наследию Клаузевица, но в каких-то моментах делает его мысль даже более радикальной. Так, известная формула частного определения войны, предложенная Клаузевицем, получает у ОRENDA неожиданную интерпретацию: «война — это не только

²⁰ Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. Vol. 12, No. 3. 1983. pp. 205-235; Doyle M. *Ways of War and Peace*. New York: W.W. Norton, 1997.

²¹ Orend B. *The Morality of War*. p. 53.

²² Orend B. *War and International Justice: a Kantian Perspective*. Pp. 112-117.

продолжение политики другими средствами; скорее, война — это то, что создаёт политику (иными словами, господство как таковое)»²³. При этом саму войну Оренд определяет как «действительный, преднамеренный и широко-масштабный вооружённый конфликт между политическими сообществами»²⁴.

Оренд указывает на предельную политизированность войны. «Все войны, в конечном счете, связаны с вопросом об управлении»²⁵, борьба ведётся за возможность принимать решения на данной территории, поэтому её участниками могут стать только политические сообщества, т.е. государства или общности, пытающиеся стать государствами. Поскольку война сопряжена с ужасами и разрушениями, Оренд заявляет о необходимости нравственного ограничения войны. Военная сила должна применяться без нарушений требований морали и права. Оренд полагает, что только минимально справедливое государство может вести справедливую войну, то есть, обладать как законными, так и моральными основаниями для применения военной силы. Обсуждать этическую приемлемость применения вооружённой силы можно лишь в отношении правительства, легитимного не только с точки зрения права, но и с точки зрения морали²⁶. Фактически он предлагает ввести прелиминарный принцип *jus ad bellum*, требующий до начала дискуссии о том, насколько справедливы военные приготовления того или иного государства, удостовериться в нравственной благонадёжности этого государства. Создаётся отчасти парадоксальная ситуация, поскольку любое действие государства, которое не прошло тест на признание минимально справедливым, попросту не может быть признано справедливым, а взаимодействие с несправедливым государством объявляется неприемлемым.

²³ Orend B. The Morality of War. P. 3.

²⁴ Orend B. War and International Justice. P. 7

²⁵ Orend B. The Morality of War. P. 3.

²⁶ Ibid. Pp. 35-37.

Итак, только минимально справедливые политические сообщества получают моральную санкцию на применение вооружённой силы, хотя с точки зрения международного законодательства у каждого государства есть равное право на применение военной силы. Война минимально справедливых государств получает моральное обоснование в связи с тем, что целью такой войны становится защита прав человека. Для минимально справедливых государств война не является целью, скорее ситуация войны — нежелательный, временный момент их политической жизни. Участие в вооружённых конфликтах следует признать обязанностью минимально справедливых государств. Стивен Ли — ещё один сторонник парадигмы прав человека — замечает в этой связи, что теория справедливой войны зачастую говорит о *дозволении* в определённых случаях вступать в войну, но парадигма прав человека всегда указывает именно на *обязанность* браться за оружие во имя защиты высшей ценности, которой и являются права человека²⁷. Минимально справедливых обязаны в определённых ситуациях вступать в войны, поскольку взяли на себя ответственность обеспечивать права человека. В то же время постоянное стремление государства к агрессивным действиям свидетельствует в пользу его недостаточной справедливости.

Естественно, минимально справедливые государства будут вести войны, согласуясь с теорией справедливой войны и ориентируясь на исполнение норм *jus ad bellum* и *jus in bello*. В отличие от Уолцера и многих других теоретиков, Оренд считает, что *jus ad bellum* и *jus in bello*, а также *jus post bellum* тесно взаимосвязаны²⁸, и нарушение даже одного из принципов означает невозможность признания войны в качестве справедливой. Война — это сложный феномен, но вопрос о справедливости может ставиться только в отношении всей войны, а не отдельных её частей. Единство трёх категорий теории справедливой войны

²⁷ Lee S. *Ethics and War: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press. 2012. P. 148.

²⁸ Orend B. *The Morality of War*. P. 32.

Оренд иллюстрирует на примере хирургической операции, в которой можно выделить подготовительную фазу, саму операцию и период реабилитации. Несмотря на то, что каждая из этих фаз должна быть проведена в строго определённое время, все они подчинены решению общей задачи, а об успешности операции нельзя говорить, если на каком-то из этапов были допущены ошибки.

Война, в которой нарушается какой-либо из принципов *ad bellum*, *in bello* или *post bellum*, признаётся агрессивной. Но Оренд указывает на неопределённость понятия агрессии в международном праве. В связи с этим появляется важная задача, за решение которой, по мнению ОRENDA, должна взяться теория справедливой войны. Она состоит в обеспечении метанормативного содержания конвенций, резолюций и иных документов, составляющих корпус международного права, которое хотя и запрещает агрессивную войну и утверждает право народов на мир, не даёт разъяснений тому, почему агрессия должна считаться преступной. Теория справедливой войны выполняет объяснительную функцию и дополняет нормы международного права этическими аргументами, она должна раскрывать содержание ценностей невмешательства и не-насилия, декларируемых в законах.

Оренд предлагает понимать агрессию как принуждение людей к выполнению чужой воли посредством применения психологического давления или физического насилия²⁹. В ходе агрессивной войны нарушаются не только права, которым обладает государство, но и права человека, в первую очередь право на безопасность и свободу. Существенным для понятия агрессии оказывается международный уровень осуществления такого принуждения и стремление к политическому доминированию, которое, по мнению ОRENDA, служит основной причиной всех несправедливых войн. С другой стороны, в праве на отражение такой агрессии и состоит ключевое свойство государства, призванного обеспечить безопасность соб-

²⁹ Ibid. P. 34.

ственных граждан. Право на ведение оборонительной войны закрепляется как право, непосредственно следующее из права на самоопределение, политического суверенитета и принципа территориальной целостности. Это базовое положение международного права в теории справедливой войны подвергается уточнению: легитимным следует признать режим, который действует в соответствии с требованиями морали, а не тот, что оказался самым сильным в данном регионе и при этом игнорирует права и свободы человека.

Jus ad bellum

В учении о *jus ad bellum* Оренд остаётся во многом близким своим предшественникам. Ответ на агрессивные действия другого государства — самооборона — признаётся Орендом однозначно справедливой причиной для вступления в войну. Война в этом случае соответствует принципу правого дела. Однако и в ситуации самозащиты применение вооружённой силы должно соответствовать требованиям базового принципа агрессии (Core Principle on Aggression). Этот принцип представляет собой ещё одну теоретическую разработку ОRENDA. Согласно базовому принципу агрессии, если государство ведёт агрессивную политику — нападает на кого-то или очевидным образом угрожает напасть — то оно может быть подвергнуто «нападению с оборонительными целями» (defensive harm)³⁰. Война, по мнению ОRENDA, не должна содержать в себе оснований для будущих конфликтов — здесь мы видим однозначное влияние кантианского учения о вечном мире — следовательно, её необходимо вести справедливо и справедливым образом завершить. С другой стороны, сам факт нападения на несправедливого, преступного противника (на правительство и поддерживающие его силовые структуры, а не на народ) не считается нарушением норм морали или права.

³⁰ Ibid. P. 37.

Оказание помощи союзнику, по мнению Оренд, также соответствует идее правого дела. Защитник жертвы действует обосновано в том случае, когда он полностью ограничивает себя всеми нормами *jus in bello* и ведёт борьбу с государством, агрессивность которого не вызывает сомнения. Государство, напавшее на другое государство, теряет свой иммунитет от вторжения и может быть подвергнуто атаке со стороны третьего государства. Действия зачинателя войны бьют по «самой сущности человеческой цивилизации»³¹, а потому приемлемым оказывается силовой ответ. Таким образом, нападение на агрессора оправдывается самой его агрессивной природой, в силу которой государство, развязавшее войну, теряет право на безопасность и самостоятельность в определении своей политики, которым обладает любое мирное государство. Впрочем, принцип этот не так уж и нов. Схожую мысль можно обнаружить в эссе «Несколько слов о невмешательстве» Дж. Ст. Милля. Британский мыслитель утверждал, что правительство, которое прибегает к использованию силы для сохранения собственной власти и ведёт гражданскую войну с собственным народом, нарушает принцип невмешательства и тем самым выходит из-под оберегающего действия всех норм и доктрин войны, а потому такое правительство может быть справедливо атаковано извне³².

Поддерживает Оренд Уолцера и в том, что касается принципа добрых намерений. Вступая в войну, государство, должно руководствоваться не только политическими, экономическими, социальными мотивами, но и соображениями морали³³. Здесь Оренд обнаруживает ещё один недостаток международного права, которое предписывая государствам нормы поведения в отношениях друг с другом, не принимается в расчёт мотивацию этих государств. Не существует норм, которые осудили бы злую волю государства, начинающего войну — оценке подлежат как правило конкретные политические действия, но не идеология

³¹ Ibid. P. 40.

³² Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention. P. 6.

³³ Orend B. The Morality of War. P. 47.

или пропаганда. Эта ситуация противоречива и говорит о недостаточной проработанности международного права, поскольку если обратиться к уголовному или административному праву, то мотивы, побуждающие человека совершить то или иное деяние, оцениваются и играют важную роль в определении его вины.

По мнению ОRENDA, государство, которое позиционирует свою войну как справедливую, должно действовать открыто. Если оно обладает действительно значимой причиной для начала войны, то его обязанность состоит не только в том, чтобы объявить войну оппоненту, но и публично озвучить главную причину войны. Недопустимо, чтобы государство начинало войну, прикрываясь множеством предлогов, в надежде, что какой-то из них может показаться соответствующим требованиям *jus ad bellum*. В этом можно увидеть явную критику концепции множественности причин Фоушина: «нет ничего предосудительного в обосновании объявления войны целым рядом причин сразу, если каждая из этого множества причин действительна и подкреплена доказательствами»³⁴. Но попытки создать излишний шум, выдвинув десятки причин, большую часть из которых сложно назвать состоятельными, не вписываются в логику морального обоснования войны.

К рассуждению Уолцера о важности публичного декларирувания войны лицом, наделённым легитимной властью, Оренд добавляет следующий аргумент. Объявление войны уполномоченным на то лицом или органом необходимо не только для информирования противника о начале боевых действий, но и для того, чтобы дать ему возможность оценить серьёзность положения дел и попытаться склонить к примирению непосредственной военной угрозой.

Другая проблема, возникающая в связи с аргументом о легитимной власти, проявляется себя в случае гуманитарной интервенции или упреждающего удара. Несмотря на

³⁴ Ibid. P. 49.

то, что нормы международного права запрещают любые агрессивные действия, не инициированные или не одобренные ООН, Орэнд полагает, что, когда речь идёт о гуманитарной интервенции, «получение санкции на начало военной операции со стороны ООН весьма желательно, но нельзя сказать, что это строго *морально необходимо*»³⁵. Может показаться, что необходимость получения одобрения от международной организации будет дополнительным препятствием для применения силы и уменьшит количество войн. Однако, как полагает Орэнда, время на получение соответствующего разрешения будет использовано агрессором (в данном случае под агрессором следует понимать ту сторону, в отношении которой готовится упреждающий удар) для приготовления к обороне, что значительно усложнит борьбу с ним. Кроме того, международное сообщество может быть мало осведомлено о политическом и социальном контексте конкретного региона, поэтому идея необходимости получения санкции со стороны ООН кажется Орэнду не такой уж обоснованной. По его мнению, вопрос о применении силы должен оставаться в ведении политического сообщества, права и интересы которого затрагивает текущий конфликт. Здесь уместно было бы поставить вопрос о том, зачем в принципе нужна ООН, если она неспособна разобраться со спецификой конфликта, но Орэнд, оставаясь последовательным кантианцем, не ставит его.

Вслед за Уолцером и Фоушином Орэнд полагает, что говорить о войне как крайнем средстве в строгом смысле слова невозможно. Для решения конфликта всегда можно предложить какую-либо невоенную меру, не связанную с применением силы — ещё один раунд переговоров или введение санкций. Кроме того, моральное превосходство невоенных средств урегулирования ситуации над военными неочевидно и, как это ни парадоксально, не всегда подтверждается. Орэнд приводит в качестве примера войну в Персидском заливе — бессмысленным было бы пы-

³⁵ Ibid. P. 56.

таться прекратить агрессию Ирака переговорами или ультиматумами, поскольку иракские войска расправились с армией Кувейта за два дня и оккупировали страну. О мирном соглашении с Хусейном в такой ситуации не могло быть речи. Ещё одно соображение, подтверждающее моральную предпочтительность военных ударов перед политикой установления долгосрочных санкций, связано со страданиями, которые в большей степени испытают на себе не правительство, а беднейшие слои общества, в отношении которого были введены санкции. Опять-таки введение режима санкций против Ирака в 1990 г. может служить наглядной иллюстрацией. Принимая во внимание эту нравственную неоднозначность попыток мирного урегулирования конфликтов и частую неэффективность переговоров, Оренд приходит к выводу о необходимости переинтерпретации принципа крайнего средства, под которым следует понимать требование к государствам «не применять силу слишком поспешно»³⁶. Применение силы требует серьёзного обоснования, но не всегда оно должно быть самым последним средством, которое можно применить для восстановления справедливости и мира. Иногда чрезмерное промедление будет губительным.

Принцип вероятности успеха кажется Оренду необходимым элементом теории справедливой войны, но по отношению к политической действительности он оказывается слишком строгими. Не всегда возможно заранее предсказать, каким образом будет развиваться конфликт. К тому же, по мнению ОRENDA, следуя этому принципу, малые державы никогда не получили бы права на участие в войне. Однако вероятность успеха не может быть вычеркнута из списка принципов *jus ad bellum*, поскольку «важно, чтобы сообщество, которое обдумывает решение об объявлении войны в качестве ответа на агрессию, поставило вопрос, действительно ли подобная крайняя мера поможет добиться успеха»³⁷. Фактически этот принцип

³⁶ Ibid. P. 58.

³⁷ Ibid. P. 59.

превращается у Орента в призыв задуматься, прежде чем взяться за оружие.

В интерпретации Орента, принцип пропорциональности требует от государства, вступающего в войну, «соотнести ожидаемый объём *всеобщего* блага (не только того, что получит данное конкретное государство) с ожидаемыми *всеобщими* издержками»³⁸. Только в случае, когда выгоды равны или превышают потери, понесённые в ходе войны, можно говорить о справедливости принятия решения о применении силы. Сложность в применении этого принципа, утилитаристского по своей сущности, сопряжена с теми же сложностями, с которыми сталкивается утилитаризм. Не всегда можно провести однозначную оценку потерь и выгод от войны, особенно, когда необходимо подсчитать не материальные параметры, которые могут быть оценены в денежном эквиваленте, а людские потери или абстрактные политические категории, такие как свобода или независимость. В конечном итоге проще оценить непропорциональность, то есть необоснованность войны и её пагубные последствия. Но несмотря на сложности, связанные с калькуляциями возможных выгод и издержек войны, принцип пропорциональности признаётся Орентом важным элементом *jus ad bellum*, во всяком случае, он может рассматриваться в качестве дополнительного средства обоснования справедливости принятия решения о применении силы.

Теория справедливой войны и неклассические войны

Оренд соглашается с Фоушином относительно того, что теория справедливой войны должна быть адаптирована для работы с неклассическими войнами. Обновление комплекса *jus ad bellum* должно привести к расширению списка ситуаций, когда война может быть признана обоснованной. Изменениям подвергается в первую очередь принцип правого дела, к которому помимо самообороны

³⁸ Ibid.

и помощи союзнику добавляется ещё несколько веских причин для объявления войны. Остальные же принципы остаются неизменными или корректируются незначительно. Обновлённая теория кажется Оренду более современной и гибкой, нежели система международного права, которая не учитывает должным образом изменений, происходящих на мировой арене.

По мнению ОRENDA, самообороной и помощью союзнику не исчерпывается список случаев, когда силовое решение конфликта может считаться допустимым. Как минимум стоит указать ещё на четыре случая, типичных именно для неклассических войн: борьба с терроризмом, опережающая (или упреждающая) атака, вмешательство в гражданскую войну и гуманитарная интервенция. Отметим, что большая часть современных теоретиков справедливой войны также признают эти четыре случая справедливыми причинами объявления войны. Рассмотрим подробнее каждый из отмеченных ОRENДОМ случаев.

Террористическая атака или её угроза представляется ОRENДУ однозначно справедливой причиной нанесения ответного или даже превентивного удара. Террористы оценивают успешность совершённого ими акта не столько по количеству уничтоженных людей — хотя и этот показатель важен для них — сколько по степени распространения информации о нём, по уровню созданного эффекта, проявляющего себя в панике, страхе или выражении недоверия правительству. В эпоху, когда любое политическое событие виртуализируется, принципиальным условием, определяющим смысл террористической деятельности, становится освещение террористических актов в средствах массовой информации — новость об атаке должна стать предметом всеобщего обсуждения. Но насилие, творимое террористами, отнюдь не оказывается виртуальным. Кроме того, будучи направленным в подавляющем большинстве случаев против гражданских лиц, а не против представителей армии или других силовых структур государства, это насилие не имеет никакого морального оправдания. В данном случае Оренд буквально по-

вторяет М. Уолцера, который считает террористическую деятельность неприемлемой именно в связи с использованием целенаправленного нападения на мирное население в качестве основного метода ведения борьбы³⁹. Выбирая гражданских лиц в качестве целей для атаки, террористы нарушают принцип различения, это главный моральный порок терроризма. Отсюда уже нетрудно прийти к заключению о справедливости применения военной силы в борьбе с терроризмом. Но государству не обязательно ждать террористической атаки, чтобы начать борьбу против террористов. В данном случае не может идти речи о войне как крайнем средстве, оправданной оказывается не только оборонительная война, но и превентивная атака. Если появляется политическое сообщество, планирующее террористический акт, оно должно быть уничтожено как можно скорее. Но помимо борьбы с непосредственными участниками террористических атак Оренд считает необходимым бороться с теми государствами и политическими группами, которые спонсируют деятельность террористов⁴⁰. Оренд определяет терроризм как социально-экономическое явление, поэтому победу в борьбе с ним невозможно достичь без уничтожения его материально-экономической базы.

Право на проведение упреждающего удара (*preemptive strike*) или опережающей атаки (*anticipatory attack*) выводится теоретиками справедливой войны из идеи справедливости самообороны. По мнению ОRENDA, самооборона может обосновываться дескриптивно и нормативно. Дескриптивное обоснование даётся при отражении агрессии, сам факт нападения противника служит достаточной причиной для проведения ответной атаки. О нормативно обоснованной самообороне можно говорить в случае нанесения удара по противнику с целью отражения потенциальной агрессии. Это не означает, что любое нападение можно обосновать как упреждающее; как заме-

³⁹ Walzer M. *Just and Unjust Wars*. P. 203.

⁴⁰ Orend B. *The Morality of War*. pp. 73-74.

чает Оренд, опережающая атака справедлива только при наличии неопровержимых доказательств приготовления противника к нападению. В данном случае не реальная агрессия, а высочайшая степень угрозы и неизбежность нападения со стороны противника служат оправданию самообороны. Угроза при этом должна подтверждаться фактами, а не подозрениями или страхом. Агрессором в данном случае оказывается не сторона, первой применившая силу, а сторона, готовившая нападение. Промедление приведёт к самым серьёзным последствиям, речь может идти даже о крушении государства, поэтому в критической ситуации следует действовать решительно — риски, которые вызывает бездействие, необходимо минимизировать. Государство как гарант прав и свобод собственных граждан обязано обеспечивать их безопасность, а упущенная возможность предотвратить серьёзные людские и экономические потери, вызванные нападением агрессора, будет означать неготовность правительства выполнять эту задачу. Оренд полагает, что именно защита прав человека делает состоятельным нормативное обоснование самообороны.

Безусловно, может возникнуть вопрос, о ком или о чём предлагает заботиться государству теория справедливой войны — об интересах собственных граждан и, в конечном счете, о собственном благе или об универсальных ценностях и всеобщей безопасности? Доктрина опережающей атаки или упреждающего удара свидетельствует о доминировании частных национальных интересов. Но чем тогда теория справедливой войны отличается от реализма? Здесь уместно будет указать на героя нашей следующей главы — Джефа Макмахана, который, объясняя смысл упреждающих атак, замечает, что даже если мы ведём оборонительную войну, мы делаем это в первую очередь для предотвращения дальнейшего ухудшения ситуации, вызванного нападением. Действия обороняющегося государства объясняются тремя мотивами: стремлением покарать агрессора, отразить нападение и минимизировать вредные последствия. В связи с этим ситуации само-

обороны и опережающей атаки не отличаются значительным образом — мотивация и обоснование идентичны в обоих случаях, и если мы одобряем оборонительную войну, должны принять и идею опережающей атаки.

Проблема поддержки одной из сторон, ведущих гражданскую войну, давно привлекает внимание теоретиков справедливой войны. В отношении подобного вмешательства в дела суверенного государства до сих пор нет единого мнения, хотя по вопросам борьбы с терроризмом или упреждающего удара теоретики справедливой войны как правило находят взаимопонимание.

В эссе 1859 года «Несколько слов о невмешательстве» Дж. Ст. Милль обратил внимание на опасности, которые таит подобное вмешательство. Народ, получивший свободу из рук своих союзников, не будет готовым к ней, не сможет воспользоваться ей и погрязнет в череде гражданских войн, в итоге превратившись в колонию или вассала своего освободителя. Интервенция будет стимулом к дестабилизации региона. И всё же, если она не будет препятствовать самоопределению⁴¹, то её можно признать справедливой и обоснованной.

Однако далеко не все разделяют подобное воззрение Милля. Оренд игнорирует опасности, о которых предупреждает британский философ, и заявляет, что гражданскую войну против правительства можно назвать справедливой, если государство утратило способность защищать своих граждан⁴². В свою очередь, если население подняло восстание против несправедливого правительства и имеются неопровержимые доказательства этой несправедливости, то внешние силы могут поддержать повстанцев. В данном случае война будет вестись не против государства или народа, а непосредственно против лиц, находящихся у власти. Дискуссия ведётся и по вопросу, какую роль должны играть интервенты, и мнения в данном случае значительно разнятся. Уолцер, держа в уме неудачу США

⁴¹ Mill J.S. A Few Words on Non-Intervention. pp. 5-6.

⁴² Orend B. The Morality of War. P. 84.

в войне во Вьетнаме, выступает за ограниченное участие представителей внешних сил в локальном конфликте. По его мнению, задача интервентов сводится к балансировке сил, способствующей нейтрализации несправедливой стороны. Уолцер не одобряет полномасштабного включения в войну. Подобную позицию Оренд считает непродуманной, поскольку цель войны состоит в достижении победы, которая не гарантируется простой балансировкой сил. Несправедливая сторона может отыграть утраченные позиции и в итоге победить, что сделает интервенцию совершенно бессмысленной. Поддержка восставших против несправедливого правительства, по мнению ОRENDA, — это одна из важнейших задач мирового сообщества (которое фактически оказывается сообществом минимально справедливых государств). Но существует одно серьёзное ограничение, связанное с необходимостью воздержаться от участия в гражданской войне, если ни одну из сторон конфликта невозможно признать справедливой.

Определённую сложность в дискуссии о вооружённом вмешательстве во внутренние конфликты представляет ситуация, когда два сообщества, объединённых ранее в одно, борются между собой, при этом каждое из них может быть названо минимально справедливым. Общество разделилось, и ни одну из его частей нельзя однозначно назвать более или менее справедливой, но при этом каждое из них претендует на самостоятельность и независимость в политическом отношении. В данном случае попытку одной из этих групп установить своё господство в прежних границах с помощью военной силы нельзя назвать справедливой, поскольку «сохранение единства просто ради сохранения единства — недостаточно существенная причина для обоснования войны»⁴³. Равным по статусу группам, по мнению ОRENDA, следует пытаться найти мирные способы урегулирования конфликта, провести переговоры о разделении территории и ресурсов, то есть образовать два новых государства. Разделение Чехо-

⁴³ Ibid. P. 85.

Словакии на Чешскую республику и Словакию, «бархатный развод», можно назвать идеальным примером такого распада единого ранее государства.

Гуманитарная интервенция представляет собой, пожалуй, наиболее противоречивое основание применения вооружённой силы. Причиной нападения на государство, которое не проявляет внешнюю агрессию, становятся серьёзные нарушения прав человека, такие как этнические чистки или геноцид. Гуманитарная интервенция может быть рассмотрена как один из вариантов упреждающего удара. Хотя, как правило, она начинается в ответ на действительное насилие, упреждается крайняя степень реализации этого насилия. Проблема гуманитарной интервенции начала обсуждаться особенно активно в 90-е годы прошлого столетия⁴⁴ в связи с событиями в Руанде и Югославии, и со временем большая часть теоретиков справедливой войны стала поддерживать идею гуманитарных войн.

Нередко указывают на очевидное препятствие, стоящее на пути свободного вмешательства в политику государства — им выступает традиционное понятие суверенитета как возможности самостоятельно определять свою политику. В этой связи Пол Кристофер, бывший глава департамента философии Военной академии США в Вест-Пойнте, отмечает, что «гуманитарная интервенция всегда запрещена по закону, но иногда нравственно допустима»⁴⁵. Оренд со ссылкой на Международную комиссию по вопросам вмешательства и государственного суверенитета предлагает интерпретировать суверенитет в первую очередь как обязанность правительства содействовать реализации прав своих граждан и в том числе обеспечить им

⁴⁴ Впрочем, нечто похожее на гуманитарную интервенцию было описано ещё Т. Мором: «когда они [утопийцы] жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности)». *Мор Т. Утопия*. — М.: Наука, 1978. С. 242.

⁴⁵ *Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues*. P. 195.

безопасное существование. Если же государство не выполняет эту задачу, то необходимо, чтобы какая-то внешняя сила взяла под защиту граждан такого государства.

По мнению ОRENDA, дополненная этими четырьмя основаниями идея правого дела поможет точнее оценить характер войн в XXI в. Однако отметим, что проект ОRENDA по обновлению теории справедливой войны не столь радикален, как проект Фоушина по созданию двух теорий справедливой войны. В концепции ОRENDA оставшиеся пять принципов *jus ad bellum* сохраняют своё содержание без изменений и всё также должны применяться для обоснования права государства на применение военной силы.

Jus in bello

В *jus in bello* Оренд предлагает выделить внешние (external) и внутренние (internal) правила. Внешние правила должны определить способ обращения с врагом, его правительством, армией и гражданским населением. Внутренние правила предписывают нормы обращения правительства с собственными гражданами во время войны.

К внешним правилам относятся известные нам классические принципы различения и пропорциональности. Военнослужащие на войне обязаны пытаться определить разрешённые и запрещённые цели нападения. Оренд даёт следующее определение законной цели нападения: «разрешённой военной целью можно назвать всё, что может быть использовано для причинения вреда»⁴⁶. К средствам причинения вреда может быть отнесена не только живая сила противника, но и материальные предметы, которые могут выступать в качестве средств борьбы: техника, постройки, линии коммуникаций и т.д.

Справедливое ведение войны предполагает сохранение прав населения противника незыблемыми. Оренд повторяет здесь Уолцера, но сталкивается с парадоксом, как в такой ситуации объяснить нарушение прав военнору-

⁴⁶ Orend B. The Morality of War. P. 107.

жащих противника, которых на войне придётся убивать. И Оренд предлагает решение этому парадоксу.

Когда военнослужащие берут в руки оружие, то лишаются иммунитета от насилия, которым изначально обладает каждый человек. Вооружённый человек по самому своему смыслу призван причинить вред солдатам противника, он представляет собой столь серьёзную угрозу, что отчуждает себя из сферы гуманности как таковой. Убийство его, поэтому, не может быть названо нарушением права человека на жизнь. Но в тот момент, когда он кладёт оружие и сдаётся, он перестаёт быть «чрезвычайно опасным» и возвращает себе все права человека. Насилие и пытки над пленниками, даже теми, кто обвиняется в совершении жестоких военных преступлений, не только не законны в соответствии с международно-правовыми конвенциями, но и морально неприемлемы и рассматриваются Орендом как один из видов нарушений базовых прав человека.

Гражданское население и объекты общего пользования (особенно инфраструктура снабжения жизненно необходимыми ресурсами) никогда не могут стать легитимной целью. Даже не смотря на заявления некоторых теоретиков, что гражданские лица могут считаться участниками боевых действий, поскольку финансируют армию за счёт налогов.

Принцип пропорциональности не находит у ОRENDA каких-либо оригинальных трактовок. Применение силы должно быть соразмерно поставленной задаче — «разрушения, которые необходимо произвести для осуществления задуманного плана, должны соответствовать полученной пользе»⁴⁷. Однако само значение соразмерности или пропорциональности остаётся довольно размытым. Степень приемлемого уровня вреда сложно описать посредством математически точных формул. По мнению ОRENDA, принцип пропорциональности необходимо трак-

⁴⁷ Ibid. P.119.

товать как «негативное условие,... накладывающее внешнее ограничение на степень применения силы»⁴⁸.

Важное дополнение, которое Оренду кажется необходимым, состоит в оценке применяемых в ходе конфликта видов оружия. Объявление определённых видов оружия запрещёнными позволит «снизить уровень разрушения и страдания, связанного с войной, а это именно то, ради чего создавались *jus in bello*»⁴⁹. Международное право, запрещающее биологическое или химическое оружие, кажется в данном случае Оренду более продуманной и разработанной системой, нежели теория справедливой войны. Теоретикам, по мнению ОRENDA, надо также включить в свои концепции запрет на применение оружия массового поражения, поскольку оно не соответствует принципам различения и пропорциональности. Кроме того, его использование — это абсолютно безнравственный способ ведения войны, зло само по себе.

Внутренние правила *in bello* связаны с идеей признания и защиты прав граждан государства, ведущего справедливую войну. Такая война не может использоваться в качестве прикрытия для этнических чисток, массовых казней или депортаций. Если правительство притесняет собственное население, то его попытки обосновать своё право на ведение справедливой войны следует назвать нравственно несостоятельными. Права человека неотчуждаемы, и только реализация всего набора прав человека может свидетельствовать об уровне свободы и справедливости данной страны. Права человека должны не только оставаться в неприкосновенности, они должны также быть неизменными в содержательном отношении; нельзя урезать их или изменять их смысл.

Солдаты, по мнению ОRENDA, также не лишаются своих прав перед лицом собственного правительства. Они теряют иммунитет от насилия со стороны солдат противника, но сохраняют все базовые права человека внутри

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid. P.121.

своей страны — правом на безопасность, жизнь, свободу, равенство и признание. Кроме того, поскольку их профессия связана со смертельным риском, они обладают правом «на качественную военную подготовку, на освобождение от жестокого и опасного инаугурационного или «прове- рочного» ритуала, на рабочее снаряжение и оружие, которое позволит им исполнять свои обязанности»⁵⁰. В про- тивном случае государство нарушит их право на безопас- ность, а солдаты не должны быть пушечным мясом. В иде- але, по мнению Оренд, нужно отказаться от призыва и получить добровольную армию, составленную из людей, сделавших осознанный выбор в пользу военной службы. Создание такой армии будет свидетельствовать о дости- жении обществом развитой правовой культуры и с высо- кой степени уважения прав личности.

Кроме того, Оренд предлагает собственный вариант обоснования права на применение радикальных мер в чрезвычайных обстоятельствах. Вооружившись кантов- ским пониманием человеческой природы как диалектиче- ского единства животной инстинктивности (феноменаль- ная составляющая) и свободной рациональности (ноуме- нальная составляющая), Оренд приходит к мнению, что проблема чрезвычайных обстоятельств также должна быть рассмотрена с учётом этих двух перспектив: с точки зре- ния морали и благоразумия. В таком случае и наше отно- шение к возможности снятия запрета на применение не- ограниченных средств уничтожения будет двойственным и противоречивым. С точки зрения морали, чрезвычай- ные обстоятельства и неограниченную военную силу сле- дует признать ужасной трагедией, в то время как, благо- разумие подсказывает приемлемость и даже желатель- ность её использования в качестве необходимого средства борьбы за выживание. Моральный трагизм ситуации чрезвычайных обстоятельств объясняется тем, что тот, кто обдумывает применение радикальных мер борьбы, заслу- живает нравственного порицания вне зависимости от то-

⁵⁰ Ibid. P.133.

го, какое решение он примет. Если санкционируется использование неограниченной военной силы, то «будут нарушены принципы *jus in bello* и неизбежными окажутся массовые убийства мирного населения»⁵¹ противника. Отказ от подобных средств будет означать неминуемые массовые потери среди собственных граждан. Подобное понимание проблемы чрезвычайных обстоятельств кажется Оренду более глубоким и точным, нежели то, что предлагает Уолцер. Теория справедливой войны сталкивается здесь не с парадоксом, о котором говорит Уолцер, когда обе перспективы равнозначны, а с непреодолимой моральной коллизией, поскольку совершение несправедливого или преступного поступка не может быть оправдано ни при каких обстоятельствах. Кантианская этика оказывается в данном случае более требовательной и строгой, нежели утилитаризм чрезвычайных обстоятельств.

Примечательно, что исходя из благоразумных соображений, применение неограниченной военной силы должно всё же регулироваться рядом принципов. Оренд выделяет четыре таких принципа. Оправдание чрезвычайными обстоятельствами приемлемо только как крайнее средство, когда исчерпаны все иные способы борьбы. О намерениях снять с себя ограничения в выборе методов борьбы необходимо заявить публично, дабы предоставить противнику шанс остановиться или снизить степень интенсивности своей агрессии, а также продемонстрировать международному сообществу всю ужасающую серьёзность текущего конфликта. Как это ни парадоксально, чрезвычайные обстоятельства должны соотноситься с принципом добрых намерений, поскольку говорить о наступлении обстоятельств такого рода можно исключительно в ситуации, когда целому народу угрожает смертельная опасность. И наконец, вероятность успеха в случае снятия ограничений на используемую военную силу также должна приниматься в расчёт⁵². В современных условиях

⁵¹ Ibid. P.155.

⁵² Ibid. P.156.

гуманитарная интервенция может считаться, по мнению Орэнда, абсолютно обоснованным случаем применения силы, поскольку она полностью соответствует идее чрезвычайных обстоятельств.

Jus post bellum

В том, что касается *jus ad bellum* и *jus in bello*, Орэнд по преимуществу следует за Уолцером и классиками политической философии — Аристотелем, Локком, Кантом. Предложенные им варианты корректировки теории важны и действительно помогают приспособить её к специфике современных войн. Однако они не столь глобальны, чтобы Мартин Кук, редактор «Журнала военной этики», в своём отзыве на книгу «Мораль войны» назвал её «наиболее глубоким и содержательным исследованием всех аспектов теории справедливой войны со времён выхода классической работы Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны»». Наиболее существенный вклад в теорию Орэнду удалось сделать за счёт развития идеи о третьей фазе справедливой войны, которая начинается уже после подписания мирного договора.

К традиционным вопросам теории справедливой войны — в каких случаях применение вооружённой силы может считаться допустимым? или существуют ли честные способы ведения войн? — Орэнд добавляет ещё два: каким образом должно вестись послевоенное восстановление региона и кто должен быть ответственным за этот процесс? Значимость этих вопросов связана с увеличением количества асимметричных войн, в которых страдает не только политическая система или армия одного из противников, но в первую очередь и в большей степени гражданское население.

Орэнд обращает внимание на тот факт, что современные конфликты зачастую нельзя назвать исчерпанными даже после того, как достигнуто соглашение между противоборствующими сторонами. Долгосрочное сохранение послевоенного мира и недопущение возобновления применения вооружённой силы становится дополнитель-

ной стратегической задачей политического сообщества, ведущего справедливую войну. Без решения этой задачи не имеет смысла говорить о достижении им победы. Исходя из всего этого, теория справедливой войны, по мнению ОRENDA, должна быть дополнена новой, третьей категорией, получившей название *jus post bellum* (справедливость после войны).

Эта задача оказывается важной ещё по одной причине. История знает множество примеров того, как недостаточно продуманные условия мира, завершившего одну войну, становились причиной для начала другой. Здесь можно вспомнить о двух мировых войнах, балканских войнах девяностых годов или о двух кампаниях в Ираке. Обсуждение условий перемирия и послевоенное устройство становятся, вероятно, наиболее сложной частью всей военной кампании, поскольку отсутствие консенсуса и грамотного политического руководства запустит новый виток развития конфликта.

Оренд предлагает семь принципов *jus post bellum*, которыми следует руководствоваться при заключении мирного соглашения⁵³:

Пропорциональность и публичность (*proportionality and publicity*). Мирное урегулирование должно вестись публично, при этом необходимо учитывать степень обеснованности и взвешенности предъявляемых к противнику требований.

Восстановление прав (*rights vindication*). Мир должен завершать войну как акцию по защите прав человека (право на жизнь и свободу) или государства (право на территориальную целостность и суверенитет). Но попытка восстановления попранного права предполагает соблюдения военной пропорциональности. Справедливость не может защищаться чрезмерными средствами. Статус противника как независимого субъекта, обладающего правом на суверенитет и территориальную целостность, не может подвергаться сомнению.

⁵³ Ibid. pp. 180-181.

Различение (discrimination). Необходимо выделить различные категории лиц среди граждан проигравшей стороны — политическое и военное руководство, военно-служащие, гражданское население. Последняя категория не может подвергаться репрессивным мерам, поэтому Оренд не одобряет применение социально-экономических санкций в качестве средства наказания агрессора. Иначе от масштабных санкций пострадают невинные люди, которые не заслуживают подобного наказания; в результате будет нарушен закон справедливости, что скомпрометировало бы всю систему *jus post bellum*.

Наказание для политического руководства (punishment # 1). Политики, ответственные за принятие решения о развязывании агрессивной войны и виновные в нарушениях прав человека, должны быть наказаны пропорционально тому ущербу, который принесли их решения. Неотвратимость наказания в виде тюремного заключения или значительного штрафа, по мнению ОRENDA, будет дополнительным средством сдерживания на пути к принятию решения о развязывании агрессивной войны⁵⁴. Необходимо также, чтобы наказание стало реальностью не только для непосредственного лидера государства, но и для всех чиновников или военачальников, которые принимали участие в обсуждении плана будущей несправедливой войны. Мера вины каждого из них определяется принципом «чем сильнее влияние человека на действия его страны во время войны, тем выше степень его ответственности за совершение этих действий»⁵⁵.

Наказание для военнослужащих (punishment # 2). Необходимо расследовать все случаи преступлений, совершённых военнослужащими обеих армий, участвовавших в конфликте и осудить виновных. Обычно преступления, совершённые военнослужащими объясняются строгой подчинённостью солдат приказам своих командиров. Однако по мысли ОRENDA, необходимость нрав-

⁵⁴ Ibid. P.175.

⁵⁵ Ibid.

ственной оценки полученного приказа и отказ от выполнения immoralных распоряжений, таких как расстрел представителей гражданского населения, остаётся обязанностью солдата, также как и любого человека в принципе. Единственным оправданием подчинения преступному приказу признаётся только угроза смертной казни за его невыполнение, но и это может быть лишь поводом для частичного *«оправдания или смягчения наказания, и никогда основанием для признания невиновности»*⁵⁶.

Компенсации (compensation). Агрессор обязан возместить убытки потерпевшей стороне. Нельзя оставить развязывание войны безнаказанным. Во-первых, наказание подразумевает меру, нацеленную на предотвращение возможных будущих конфликтов. Во-вторых, оно может послужить делу умиротворения агрессора. В-третьих, отказ от компенсаций негативно скажется на моральном духе победителя, поскольку будет воспринят как свидетельство недостаточного уважения статуса победителя и жертвы, которую ему пришлось принести для достижения победы. Однако финансовое бремя, возложенное на государство-агрессора, не должно быть чрезмерным, иначе оно серьёзным образом затронет права граждан проигравшего государства-агрессора, то есть будет нарушен принцип различия. Кроме того, слишком большой объём наложенных репараций может стать причиной новых войн в будущем и будет способствовать развитию реваншистских настроений.

Реконструкция (rehabilitation). Политическая и военная системы государства-агрессора нуждаются в реконструкции, нацеленной на превращение этого государства в минимально справедливое. В качестве мер приведения государственного аппарата противника в соответствие с описанным Орендом стандартом минимальной справедливости могут использоваться разоружение армии, демилитаризация, просвещение в области прав человека или более серьёзные структурные трансформации. Кроме то-

⁵⁶ Ibid. P.179.

го, и это относится к наказанию как военного, так и политического руководства, должны быть принесены официальные извинения за содеянное, поскольку «агрессор в качестве одного из шагов на пути к восстановлению своего доброго имени обязан продемонстрировать признание тех моральных принципов, которые были им нарушены»⁵⁷. Этого требует также и честь жертв военных преступлений. Сами извинения и признание вины должны стать при этом частью мирного договора

Стратегия выхода из войны должна быть нацелена не только на урегулирование текущего конфликта, но и на исключение возможности его эскалации в будущем, поэтому важным элементом доктрины *jus post bellum* становится идея смены режима как одной из целей справедливой войны против агрессивного государства. Сохранение власти тирана, готового применить насилие в отношении собственного населения или своих соседей, кажется Оренду недопустимым итогом войны.

Оренд называет Канта классическим сторонником идеи смены режима, вспоминая учение кёнигсбергского философа о федерализме свободных государств и необходимости установления республиканской формы правления в каждом государстве как условиях всеобщего мира. Развивая кантианскую идею о невозможности заключения мира, который содержал бы основания для будущей войны⁵⁸, Оренд предполагает, что основным направлением послевоенного политического строительства в случае победы минимально справедливого государства должно стать создание в границах побеждённого государства минимально справедливого режима. Изменение структуры и формы власти в побеждённом государстве может быть только следствием, но не целью войны, но в любом случае мы видим, как номинально пассивная оборонительная позиция здесь сменяется проактивной. Уже недостаточно в ходе войны просто отбить нападение нарушителя мира

⁵⁷ Ibid. P. 170.

⁵⁸ Кант И. К вечному миру. С. 259.

или укротить агрессора, необходимо произвести политическую трансформацию, которая будет содействовать укреплению всеобщей безопасности.

Политика сдерживания и применения средств, отличных от войны — меры, которые предлагает Уолцер — не кажутся Оренду достойной альтернативой смене власти, поскольку сам преступный характер данного режима заставляет вести с ним борьбу до победного конца. В системе Оренда нет места идее «перевоспитания» режима. Власть, которая повела себя агрессивно, объявляется преступной, и от этого ярлыка уже невозможно освободиться.

Принципиальное значение в процессе смены режима приобретает обращение к идеалу политического устройства, в котором такие социальные и политические ценности, как свобода, равенства, высокий уровень жизни, признание на мировом уровне, высокий уровень стабильности, на деле понимаются в качестве основных ориентиров. Нравственный статус и сила этих ценностей обосновывает смену режима как меру послевоенного политического строительства⁵⁹. Государство, которое не может быть названо минимально справедливым, теряет своё право на существование, поскольку оно будет угрожать миру во всём мире. Наиболее взвешенное решение в отношении этого государства-агрессора будет состоять в сохранении его целостности при условии принятия народом этого государства менее воинственной конституции. В таком случае «силовая смена режима — это здравое решение, сглаживающее две крайности — с одной стороны, завоевание, с другой — дозволение опасным политическим режимам существовать и процветать»⁶⁰. Данное положение не противоречит, по мнению Оренда, идее национального суверенитета и свободы в выборе собственного политического пути, поскольку нация не может создавать агрессивное государство или режим, который нарушает права человека.

⁵⁹ *Orend B. The Morality of War. P. 197.*

⁶⁰ *Ibid. P.203.*

Оренд формулирует несколько условий, при соблюдении которых смена власти может считаться приемлемой мерой:

- 1) война, которая привела к изменению политического руководства, должна быть справедливой;
- 2) политический строй, который подвергается изменениям, был нелегитимным и, следовательно, лишился своих прав;
- 3) цель реконструкции — создание минимально справедливого режима;
- 4) силы, проводящие реконструкцию, подчиняются требованиям принципов *jus in bello* и признают главенство прав человека.

Процесс перестройки агрессивного режима весьма предполагает среди прочего применение следующих мер: люстрацию, расследование преступлений старого режима и наказание за них, демилитаризацию общества, создание эффективной системы безопасности (полицейской и военной), поддержку развития гражданского общества, замену конституции на более демократическую и т.д.⁶¹ Проводить все эти мероприятия по реконструкции политической системы должен победитель, но проект невозможно реализовать без участия и всесторонней помощи представителей местного населения. Кроме того, за процессом должно пристально наблюдать мировое сообщество, обязанное оказать любую посильную помощь.

Принимая во внимание сложность работы по переустройству власти в побеждённом государстве, Оренд формулирует также условия, позволяющие судить об успешности трансформации режима:

- 1) создаётся устойчивый режим;
- 2) власть полностью находится в руках местного населения;
- 3) обновлённое государство становится минимально справедливым.

⁶¹ Ibid. pp. 204-207.

Со ссылкой на отчёт Доббинса Оренд предсказывает, что процесс построения нового сообщества, основанного на идеях гуманизма и справедливости, потребует от семи до десяти лет. Вновь созданная система управления должна подтвердить свою легитимность, народное одобрение и поддержку, желательно посредством проведения местных выборов. Это представляется наиболее сложным моментом во всей теории смены режима — как может власть, только что пришедшая на смену другой, возможно, весьма популярной власти, моментально завоевать сердца и умы людей? Опыт подобных политических трансформаций в Афганистане, Ираке, Ливии показывает, что созданные на месте тираний искусственные демократические режимы не получают настоящей власти и подвержены кризисам. Не об этом ли предупреждал Дж. Ст. Милль, когда писал, что народ, получивший свободу в дар, народ, который не прошёл долгого пути к свободе, не осознал её смысла, не сможет воспользоваться ей и установить по-настоящему устойчивый свободный режим?

Глава 5

Ревизионистская теория справедливой войны

Дж. Макмахана

Джефферсона (Джеффа) Макмахана, пожалуй, можно признать одним из наиболее необычных мыслителей, специализирующихся на теории справедливой войны и шире — на моральной философии. В настоящее время Макмахан занимает должность профессора моральной философии имени Уайта (White's Professor of Moral Philosophy) в Оксфордском университете. Он известен по книгам «Этика убийства»¹, «Мораль национализма»², «Убийство на войне»³ (последняя будет для нас наиболее важной, поскольку полностью посвящена этике войны) и сотням статей. Среди всего многообразия тем, которыми занимается Макмахан, особенно выделяются медицинская этика и проблемы защиты животных. Подход Макмахана к этике войны серьёзно отличается от предложенного Уолцером образа теории справедливой войны. Обычно сторонники теории справедливой войны заняты определением принципов, позволяющих на законных основаниях применять силу; их мысль развивается вокруг понятий *jus ad bellum* и *jus in bello*. Философия войны Макмахана необычна тем, что центральной её проблемой становится вопрос о моральности убийства. Только ответив на него определённым образом, определив, когда один человек может убивать другого, мы, по мнению Макмахана, можем пе-

¹ McMahan J. The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life. New York: Oxford University Press, 2002.

² McMahan J. The Morality of Nationalism. New York and Oxford: Oxford University Press, 1997.

³ McMahan J. Killing in War. Oxford: Clarendon Press. 2009.

переходить к обсуждению этики войны и выносить суждение относительно справедливости вооруженного конфликта и приемлемости применения силы в той или иной ситуации.

Безусловно, нравственное обоснование убийства представляет собой проблему для каждого теоретика справедливой войны, но обычно она снимается на самом раннем этапе разработки концепции, когда делается оговорка, что убийство есть зло, но оно может быть необходимым в определённых обстоятельствах, после чего подробно рассматриваются сами эти обстоятельства. Для Макмахана проблема оправдания убийства на войне становится постоянным мотивом, который открыто или имплицитно проявляется в каждом элементе его теории. А сама по себе эта проблема оказывается составной частью более масштабного проекта Макмахана, посвящённого исследованию феноменов смерти и убийства.

Ещё одна особенность теории справедливой войны Макмахана обнаруживается в его полемике с Уолцером относительно обособленности и независимости принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. Ранее мы отметили, что Оренд также не принимает эту широко распространённую позицию, состоящую в признании автономии категорий *ad bellum*, *in bello* и *post bellum*. Но аргументация ОRENDA при этом не столь изощрена, как мысль Макмахана. Оренд настаивает на том, что эти категории в принципе невозможно помыслить отдельно и, оценивая справедливость войны, мы оперируем тремя категориям сразу. В свою очередь Макмахан в разведении *ad bellum* и *in bello* усматривает логическое противоречие и непоследовательность в рассуждениях, типичную для большинства сторонников теории справедливой войны.

Также не поддерживает Макмахан и учение Уолцера о моральном равенстве солдат. Вслед за Уолцером многие авторы указывали на возможность говорить о комбатантах как «справедливых» или «несправедливых» вне зависимости от того, справедлива ли война, в кото-

рой они участвуют. Такое представление становится следствием принятия идеи независимости *jus in bello* и *jus ad bellum* — несправедливость комбатантов определяется не тем, что они участвуют в несправедливой войне, а только тем, что они нарушают требования *jus in bello*. То есть, война, начатая обосновано, может вестись неприемлемыми методами и стать несправедливой, а в несправедливой войне солдаты могут руководствоваться нравственными ограничениями способов ведения войны, что позволит считать их справедливыми комбатантами. Иными словами, справедливые и несправедливые комбатанты равны в своём статусе как солдаты, которые обладают неотчуждаемым правом применять силу и убивать комбатантов противника. Эта позиция доминирует в современной теории справедливой войны, но Макмахан решительно отвергает её, предлагая называть комбатанта несправедливым, если он участвует в несправедливой войне, то есть, в конфликте, который начался с нарушением принципов *jus ad bellum*. Подробнее критика Макмаханом идеи морального равенства солдат будет рассмотрена в следующем параграфе.

Обозначенные выше серьёзные структурные проблемы, укоренившиеся в теории справедливой войны, заставляют Макмахана предложить новую интерпретацию принципа правого дела. Война может быть названа справедливой при выполнении двух условий: во-первых, если конфликт между двумя сторонами может быть разрешён только военной силой, и, во-вторых, те, против кого объявлена справедливая война, сами способствовали её разжиганию. В соответствии с принципом правого дела допустимо нападать только на тех, кто морально ответственен за агрессию. Но с другой стороны, агрессивная война, если она нацелена на восстановление справедливости и удовлетворяет всем критериям теории справедливой войны, может быть справедли-

вой⁴. Нападение без справедливой причины признаётся Макмаханом незаконным, следовательно, любое действие армии, вступившей в несправедливую войну, будет преступным нападением на невиновных людей; дискуссия о соответствии этих действий принципам различия и пропорциональности становится неуместной⁵. Это говорит о тесном взаимодействии принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. Кроме того, подобная интерпретация принципа правого дела позволяет Макмахану выделить несколько категорий комбатантов. Военнослужащие и персонал, участвующие в справедливой войне, получили обозначение «справедливых комбатантов». Комбатанты, участвующие в войне, не соответствующей требованиям принципа правого дела, называются Макмаханом «несправедливые комбатанты».

Макмахан не намеревается останавливаться на уточнении понятийного аппарата и предлагает провести ревизию теории справедливой войны, чтобы сделать её более обоснованной, последовательной и точной. По его мнению, за последние годы в теории справедливой войны накопилось множество логических противоречий, которые свидетельствуют не об ошибочности теории, а о необходимости её обновления. Для этого он стремится опровергнуть три заблуждения, укоренившихся в теории справедливой войны. Во-первых, как уже было сказано, Макмахан стремится показать неразрывную связь принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. Во-вторых, он отвергает положение, согласно которому несправедливый комбатант может соблюдать нормы *jus in bello* и не совершает преступления, пока не нарушит принципы *in bello*. И наконец, отклоняет существующее положение, согласно которому нападение на комбатанта всегда справедливо и законно, в то время как нон-

⁴ McMahan J. Aggression and Punishment // War: Philosophical Perspectives. Cambridge University Press. 2008. P. 84.

⁵ McMahan J. Just Cause for War // Ethics and International Affairs. 2005. Vol 19. No. 3. P. 6.

комбатант наделяется иммунитетом от нападения⁶. Макмахан концентрируется в первую очередь на борьбе с укоренившимися в общественном сознании заблуждениями и в своих работах пытается создать обновлённое учение о справедливой войне.

Единство *jus ad bellum* и *jus in bello*

Центральный тезис главной книги Макмахана о войне — «Убийство на войне» — заключается в признании несостоятельными всех традиционных представлений о смысле применения силы во время войны. Само предположение о разделении всех, кто оказывается вовлечён в конфликт по двум категориям — те, кого можно и даже нужно убивать, и те, чьё убийство считается преступлением — кажется Макмахану абсурдным. Он отвергает логику обоснования применения силы во время войны, которая предполагает, что убийство становится допустимым после того, как политическое руководство отдаёт соответствующие приказы и завершает формальные процедуры объявления войны. По мнению Макмахана, такое положение дел означает, что «политическое руководство каким-то образом может лишить население противника всех моральных прав, просто отдав приказ своей армии идти в атаку»⁷. Этим замечанием Макмахан бросает вызов в первую очередь своим коллегам — теоретикам справедливой войны, которые зачастую просто не ставят вопрос, почему убийство солдат противника становится нравственно приемлемым.

Макмахан выступает против уолцеровской интерпретации войны как «деятельности, регулируемой правилами» (rule-governed activity). По мнению Макмахана, такой подход предполагает наличие определённого порядка и закона даже в агрессивной и несправедливой войне. В таком случае совершаемые солдатами грабежи, насилие и разбой, исключаются из понятия войны, поскольку пред-

⁶ McMahan J. The Ethics of Killing in War // Ethics. 2004. № 114. P. 694.

⁷ McMahan J. Killing in War. P. vii.

ставляют собой неподчинение правилам и отрицанием норм. То есть, война буквально распадается на две части — одна, собственно, война, боевые действия, другая — насилие над гражданскими лицами, которое совершается теми же лицами, что ведут боевые действия, но парадоксальным образом не воспринимается как часть войны.

Кроме того, Макмахан указывает на ещё одну особенность современной теории справедливой войны. Типичным становится представление, будто солдаты, принимающие участие в несправедливой войне, не совершают преступления самим фактом участия в ней. Их действия считаются обоснованными, поскольку солдат на войне выполняет не свою волю, а подчиняется правительству и военному руководству. Подобная точка зрения, по мнению Макмахана, дискредитирует *jus in bello* — принципы, которые должны конвенционально приниматься обеими сторонами, участвующими в конфликте⁸. Иначе *jus in bello* не могли бы претендовать на звание нравственного, то есть, общезначимого средства ограничения конфликтов и их следовало бы отнести к аргументам, с помощью которых государства отстаивают свои национальные интересы. Война, начатая несправедливо, уже не будет справедливой, даже если её вести в соответствии с нормами *jus in bello*.

По мнению Макмахана, для теории справедливой войны характерна следующая процедура обоснования возможности применения силы в отношении определённых политических субъектов. Считается, что существует изначальная ситуация, в которой каждый обладает «нравственным иммунитетом» от насилия. В дальнейшем те, кто не совершает никаких действий, которые могли бы привести к потере этого иммунитета, сохраняют его и получают статус «невинных», то есть «в настоящий момент безвредных», чем отличаются от тех, кто может «причинить вред»⁹. К последней категории относятся все, от кого можно ожидать угрозы. Будучи опасными, они теряют

⁸ McMahan J. The Ethics of Killing in War. P. 703.

⁹ Ibid. P. 695.

свой иммунитет от насилия, и атака на них считается справедливой. В этой связи солдаты признаются *a priori* лишёнными такого иммунитета, поскольку они вооружены и тем самым представляют угрозу.

Обычно это утверждение подкрепляется ещё и тем, что теоретики признают автономность *jus ad bellum* и *jus in bello*. Считается, что солдаты не принимают решения о войне, следовательно, их ответственность распространяется только на период ведения боевых действий. Но Макмахан возражает против того, что в силу независимости *jus ad bellum* от *jus in bello* несправедливый комбатант действует законно до тех пор, пока он не нарушит принципы *jus in bello*. Необоснованность идеи морального равенства солдат, вне зависимости от того, справедливы или несправедливы войны, в которых они участвуют, подробно объясняется Макмаханом в ряде статей — «О моральном равенстве комбатантов», «Этика убийства на войне», «Коллективистская защита морального равенства комбатантов»¹⁰ и др. — кроме того, значительная часть работы «Убийство на войне» также посвящена этой проблеме.

Происхождение обозначенных выше ошибок и парадоксов Макмахан связывает с распространённой привычкой недооценивать степень личного соучастия в принятии политических решений. В результате мы сталкиваемся с величайшей степенью политической гетерономии. Привыкая делегировать обсуждение решений политическим лидерам, люди теряют способность мыслить о политических вопросах и как следствие, они легко соглашаются признать справедливость войн, в которых их вынуждают принимать участие.

Для подтверждения собственной мысли о той лёгкости, с которой государство способно заставить даже самого бдительного человека принять участие в несправедливой войне, Макмахан приводит пример, хорошо понятный

¹⁰ McMahan J. On the Moral Equality of Combatants // The Journal of Political Philosophy. 2006. Volume 14. Number 4. Pp. 377–393; McMahan J. The Ethics of Killing in War; McMahan J. Collectivist Defenses of the Moral Equality of Combatants // Journal of Military Ethics. 2007. Vol. 6. No. 1. Pp. 50–59.

каждому, кто хоть отчасти знаком с философией. Макмахан указывает на Людвиг Витгенштейна как человека, который предельно строго относился к языку и мышлению, который тщательно взвешивал каждое своё действие, но в итоге оказался на полях сражений Первой мировой войны в составе австро-венгерской армии, ведущей несправедливую кампанию. Более того, он вступил в армию добровольно, то есть сделал это сознательно. Другим примером служит Германия времён нацистской диктатуры. Целая нация была ослеплена и подчинена болезненной воле фюрера, втянувшего страну в, возможно, самую ужасную войну за всю историю человечества. Макмахан этими примерами стремится показать, что опасность быть вовлечённым в несправедливую войну может ждать каждое политическое сообщество, даже самое цивилизованное и культурно развитое. И причина этого кроется в общепринятой лояльности к участникам несправедливых войн, в отказе признать, что каждый солдат, вступающий в такую войну, автоматически нарушает законы морали и совершает преступление¹¹.

Проблема морального равенства комбатантов

Особую роль в теории справедливой войны играет идея о выделении государств, политических сообществ или группы людей, нападение на которых нравственно приемлемо и которым можно причинить вред (*liable to harm*). Им противостоит категория людей, обладающих иммунитетом от насилия; атака на них всегда будет преступной. Когда говорится о моральной необходимости нападения на государство или человека, подразумевается, что «его собственные действия привели к ситуации, когда причинение вреда не будет несправедливым по отношению к нему и не может считаться нарушением его прав»¹². То есть, ортодоксальная теория справедливой войны исходит из того, что существуют одно-

¹¹ McMahan J. Killing in War. P. 10.

¹² Ibid. P.11.

значно определённые группы лиц, в отношении которых всегда или почти всегда можно применять военную силу, равно как существуют группы, обладающие абсолютным иммунитетом.

Кроме того, довольно распространена точка зрения, согласно которой ответственность за принятие решения о войне всецело лежит на правительстве, в то время как ответственность военных начинается только на поле боя, а их готовность принять и исполнять нравственные законы ведения войны апробируется в ходе каждой операции. Это опасное заблуждение, по мнению Макмахана, распространилось повсеместно и с лёгкостью принимается на веру по всему земному шару. Но что не менее опасно — оно проникло в теорию справедливой войны и закрепилось в системе международного права. В теории справедливой войны результатом господства этого мнения стало появление идеи независимости и неподчинённости друг другу принципов *jus ad bellum* и *jus in bello*. За этой идеей стоит множество теоретиков, среди которых особенно выделяется фигура М. Уолцера, предположившего в качестве следствия из этой посылки необходимость признания морального равенства солдат (*moral equality of soldiers*), не ответственных за инициацию войны, но ответственных за способы её ведения¹³. Согласно принципу морального равенства солдат, военнослужащие обладают правом на убийство комбатантов противника, то есть, оба участника конфликта могут на законных основаниях нападать друг на друга. Это объясняется тем, что солдаты «самым существенным образом вовлечены в военные действия»¹⁴. Иными словами, они представляют угрозу для солдат противника, поэтому могут быть атакованы. В то же время гражданское население сохраняет свой

¹³ Walzer M. Just and Unjust Wars, а также см.: Anscombe G.E.M. War and Murder // Ethics, Religion and Politics: Collected Philosophical Papers Volume III. Oxford: Basil Blackwell, 1981; Nagel T. War and Massacre. Philosophy and Public Affairs, Vol. 1, No. 2. (Winter, 1972). pp. 123-144.

¹⁴ Walzer M. Terrorism and Just War. P. 3.

иммунитет от насилия, поскольку от нонкомбатанта не исходит смертельной угрозы.

Рассуждая об изначальном морально равенстве и невинности солдат, участвующих в несправедливой войне, Уолцер говорит о страхе и силе принуждения. Именно эти обстоятельства заставляют людей подчиняться даже агрессивному правительству и оправдывают их, следовательно, мы не можем считать солдат нарушителями справедливости до совершения ими противоправных и безнравственных деяний, то есть до того, как они нарушат нормы *jus in bello*. Макмахан противопоставляет идее морального равенства солдат доктрину «асимметрии комбатантов»¹⁵.

В теории Уолцера солдаты могут быть подвержены нападению и убиты не вследствие того, что они делают, а на основании того, что они являются членами вооружённых сил¹⁶. То есть, в данном случае их коллективная идентичность оказывается достаточным условием, легитимизирующим их убийство. Макмахан стремится подчеркнуть, что в ситуации несправедливой войны «заявление о принуждении никогда не будет считаться достаточным оправданием в случаях необоснованного убийства»¹⁷. Причастность к коллективу невозможна, по утверждению Макмахана, без согласия на это, без добровольного выбора, сделанного когда-то. Если государство ведёт несправедливую войну, то действия его граждан, так или иначе участвующих в ней (в качестве военных или работников органов пропаганды), нельзя признать ни оправданными, ни приемлемыми. А это в свою очередь опровергает сразу три догмы теории справедливой войны: о независимости *jus in bello* от *jus ad bellum*, об изначальной невинности несправедливых комбатантов и отсутствии

¹⁵ Syse H. The Moral Equality of Combatants // The Ashgate Research Companion to Military Ethics, Johnson J.T., Patterson E. (eds.). Farnham: Ashgate, 2015. P. 260.

¹⁶ McMahan J. Liability and Collective Identity: A Response to Walzer // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. Issue 1. P. 14.

¹⁷ McMahan J. The Ethics of Killing in War. P. 700.

гарантированного иммунитета от нападения у несправедливых нонкомбатантов.

У солдат, служащих правительству, развязавшему войну с нарушением принципов *jus ad bellum*, нет никакого морального права убивать тех, на кого они нападают. Для объяснения своей позиции Макмахан приводит следующий пример. Одно государство нападает на другое, и армия второго государства немобилизована и не готовится к войне. В соответствии с принципом морального равенства солдат немобилизованная армия будет считаться легитимной целью. Однако, по мнению Макмахана, в данном случае ортодоксальная теория справедливой войны противоречит сама себе. Войска государства, подвергшегося атаке, не могут считаться комбатантами, поскольку традиционно теория справедливой войны подразумевает под комбатантом того, кто угрожает, то есть, занимает активную агрессивную позицию, готовясь к нападению или обороне. Но от немобилизованной армии не исходит никакой угрозы, она не готовится ни к обороне, ни к атаке. На это, однако, можно возразить, что всё же немобилизованная армия не превращается в мирные коллектив граждан, и с точки зрения Уолцера и его сторонников, в моральном отношении нет разницы между реальной или потенциальной угрозой, исходящей от вооружённого человека. Как минимум, можно говорить о символической угрозе, исходящей от него. Представляется, что Макмахан в данном случае не совсем точен и строг в определениях, иначе можно было бы утверждать, что от ядерного оружия также не исходит угрозы, поскольку никто в настоящий момент не готовится использовать его.

Идею нравственного равенства солдат поддерживают значительное количество исследователей. Но последовательное применение этой идеи, по мнению Макмахана, приводит к возможности снятия ответственности даже с немецких солдат Второй мировой войны, если те не участвовали в карательных акциях. И действительно, исполнением своего профессионального долга оправ-

дывали свои действия многие участники Нюрнбергского процесса и последующих судов на немецкими чиновниками и военными¹⁸.

И что самое любопытное, в большинстве случаев идея нравственного равенства не основывается на каком-либо философском аргументе, но имеет интуитивное происхождение, объясняется ощущением правильности этого положения¹⁹. Макмахан называет две причины, объясняющие эту странную внутреннюю привязанность к идее нравственного равенства. В первую очередь стоит отметить «вездесущую» тенденцию смешивать моральность войны и право войны. Право войны закрепляет легальную, правовую идентичность солдат вне зависимости от характера конфликтов, в которых им предстоит участвовать, вне зависимости от статуса, который они приобретут, будут они справедливыми или несправедливыми комбатантами. В этой связи уместно говорить о «правовом равенстве комбатантов». Право войны не ориентируется на защиту ценностей морали, поэтому несправедливый комбатант, атакуя справедливого комбатанта, поступает нравственно неприемлемо, но сохраняет своё право действовать, как комбатант.

Кроме того, существует также тенденция смешивать между собой понятия «разрешение» (permission) и «оправдание» (excuse). Зачастую говорят о формальной невиновности несправедливых комбатантов, а если они невиновны, значит, не могут считаться преступниками, следовательно, в нравственном отношении они признаются равными справедливым комбатантам. Ошибка столь часто воспроизводилась теоретиками справедливой войны, что её можно найти и в классических текстах, например, у Витория, и у современных — у Уо-

¹⁸ Линия защиты Р. Гесса, Г. Геринга, В. Кейтеля отображена в: Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми томах. Т. 8. — М.: Юридическая литература, 1999. С. 11, 20-292. См. также: Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. — М.: Издательство «Европа», 2008. С. 149, 203-225.

¹⁹ McMahan J. Killing in War. P. 105.

лцера, — то есть у всех, кто высказывается в пользу возможности признания несправедливых комбатантов моральными агентами, если те действуют благородно и не нарушают законов войны. Но как заявляет Макмахан, несовершенство несправедливыми комбатантами преступных действий вовсе не подтверждает получение ими морального права или разрешения на участие в агрессивной войне. В лучшем случае можно говорить о некоем оправдании или прощении благородных участников несправедливой войны. Для иллюстрации этого положения можно провести аналогию с уголовным правом — человек, совершивший противоправное деяние, будет считаться преступником только после того, как суд признает его вину. До принятия решения суда или если суд состоялся и оправдал этого человека, его нельзя будет назвать преступником, только подозреваемым. Он может быть оправдан с точки зрения права в силу каких-то причин, но это оправдание не отменяет факта совершения противоправного деяния. Аналогичным образом и несправедливый комбатант может быть оправдан, но его участие в войне всё равно останется морально противоречивым.

Ещё один аргумент в пользу виновности участников несправедливой войны Макмахан берёт из политической теории. Несправедливые комбатанты, подчинённые военной или политической организации, которая не способна подтвердить своё право на ведение войны посредством демократических процедур, лишаются и институциональной возможности оправдать свои действия²⁰. Демократическое государство, во всяком случае, так это представляется Макмахану, всегда сможет обосновать необходимость применения силы в каждом конкретном случае. Справедливая война становится, таким образом, прерогативой демократических государств.

²⁰ McMahan J. The Ethics of Killing in War. P. 705.

Макмахан указывает также на то, что действия несправедливых нонкомбатантов и гражданских лиц не соответствуют требованиям ряда принципов теории справедливой войны. Например, они могут содействовать эскалации конфликта, участвуя в пропагандистских мероприятиях. С точки зрения Уолцера, гражданское население обладает иммунитетом, будучи членами «сообщества людей», которое отличается от «военной организации»²¹, соответственно, они не представляют ту угрозу, которая связана с военными, обученными и вооружёнными. Макмахан указывает на недостаточную критичность этого положения, на размытость границ в паре категорий комбатанты-нонкомбатанты: существует немало групп гражданских лиц, вклад которых в военные действия может превосходить по своему значению вклад рядовых солдат — например, учёные, работающие на министерство обороны²². Так, физики, участвовавшие в Манхеттенском проекте, представляли большую угрозу для японской армии и населения Японской империи, нежели рядовой солдат армии США или служащий завода, производящего медикаменты для военных нужд. Теория справедливой войны Уолцера кажется Макмахану непоследовательной, поскольку признала бы в данном случае комбатантом именно солдата и служащего завода, но не учёного-физика.

Если рассматривать гражданское население как *коллектив*, то, безусловно, такой коллектив людей, далёких от военной профессии, невозможно считать законной целью для нападения. Однако это не означает, что гражданское лицо *индивидуально* не может быть признано участвующим в несправедливой войне или морально ответственным за её начало и продолжение.

Израильский философ Ицхак Бенбайи обозначает позицию Макмахана в данном вопросе как пуристскую:

²¹ Walzer M. Terrorism and Just War. P. 4.

²² McMahan J. Liability and Collective Identity: A Response to Walzer. P. 15.

«вне зависимости от того, какими институциональными обязанностями обладает человек, занимая то или иное положение, его моральное право (или обязанность) исполнять эти институциональные обязанности должно быть обосновано в категориях морали»²³. С точки зрения Макмахана, участники несправедливой войны независимо от их профессии неспособны дать такое моральное обоснование своим действиям. Следовательно, их нужно рассматривать как преступников и убийц.

Впрочем, у Уолцера есть ответ на эту критику. Военный медик, участвующий в военном конфликте, может осознавать, что война, которую ведёт его государство, несправедлива. Он понимает это, но всё равно продолжает исполнять свои обязанности. Его работа заключается в содействии восстановлению солдат, ведущих несправедливую войну, то есть степень его ответственности за продолжение войны достаточно велика. Следует ли признать морально оправданным нападение на такого медика? Строгая позиция Макмахана как будто предполагает, что атака на медицинский персонал, участвующий в несправедливой войне оправдана в нравственном отношении. Уолцер замечает, что уже на протяжении сотен лет нападение на военных врачей признаётся недопустимой и с правовой, и с моральной точки зрения²⁴.

Логика рассуждений Макмахана указывает на возможный ответ на этот выпад Уолцера. В данном случае необязательно речь должна идти о силовом нападении на военного медика или гражданское лицо, косвенно участвующее в несправедливой войне. По мнению Макмахана, имеет смысл выделить среди гражданского населения две группы, соответствующие тем, что были предложены для оценки комбатантов, т.е. предлагается говорить о справедливых и несправедливых граждан-

²³ Benbaji Y. The Moral Power of Soldiers to Undertake the Duty of Obedience // Ethics. 2011. Vol. 122. No. 1. P. 49. См. также: Benbaji Y. The Responsibility of Soldiers and the Ethics of Killing in War // The Philosophical Quarterly. 2007. Vol. 57, No. 229. Pp. 558-572.

²⁴ Walzer M. Response to Jeff McMahan // Philosophia. 2006. Vol. 34. Issue 1. P. 20.

ских лицах. Однако это не значит, что на несправедливых нонкомбатантов можно нападать так же, как и на несправедливых комбатантов.

«Обыкновенно»²⁵ гражданские лица не подвергаются военному нападению. Но по крайней мере, их можно предать моральному порицанию и, возможно, осудить и отправить в заключение. Гражданское население, которое оказывает поддержку правительству, ведущему несправедливую войну, не может считаться законной военной целью. Но на него можно, по мнению Макмахана, оказывать невоенное давление. К примеру, вводить экономические санкции, которые заставят людей выступить с требованиями прекратить войну. То есть, допустимыми оказываются невоенные средства принуждения к миру гражданского населения, отчасти ответственного за развязывание несправедливой войны.

С этим готов согласиться и Уолцер: мы действительно можем подвергать гражданских лиц «моральной критике и судебному наказанию»²⁶, но только гипотетически можем предположить, что способно обосновать физическое насилие над невоенным человеком. Иными словами, гражданские лица «всегда» неприкосновенны для военного насилия.

Макмахану же действительно кажется теоретически возможной ситуация, когда допустимой станет военная атака на гражданское население или отдельных гражданских лиц, но этот случай он оставляет только для теории. Несмотря на то, что мы способны смоделировать ситуацию, когда нападение на гражданское лицо или группу лиц поможет предотвратить или остановить несправедливую войну, всё же в этой ситуации предполагается совпадение слишком

²⁵ На этом «обыкновенно» (“usually”), оброненном Макмаханом (*McMahan J. Liability and Collective Identity: A Response to Walzer*. P. 15), Уолцер и заостряет своё внимание, утверждая, что между его предположением о том, что гражданское население «всегда» наделено иммунитетом от нападения и позицией Макмахана, согласно которой «обыкновенно» гражданское население не подвергается военным атакам, нет никакой существенной разницы.

²⁶ *Walzer M. Response to Jeff McMahan*. P. 20.

многих факторов. Как правило, гражданское население не имеет власти непосредственно принимать решение о начале или прекращении войны, поэтому нападение на нонкомбатантов не будет эффективным средством ведения борьбы. В таком случае нападение на них сложно обосновать в соответствии с требованиями принципов правого дела и пропорциональности. Такая атака не проходит проверку и на соответствие принципу различения — часть гражданского населения, способная принимать или, по крайней мере, влиять на принятие непосредственных политических решений, обычно растворена в огромной массе совершенно невиновных людей. Кроме того, «искушение атаковать гражданское население будет столь большим, что справедливые комбатанты постоянно будут злоупотреблять правом проведения таких атак, а несправедливые комбатанты, считающие себя справедливыми, также не будут упускать возможность воспользоваться этим правом»²⁷. Комбинация этих факторов, с точки зрения Макмахана, формирует «моральный иммунитет гражданских лиц», который не имеет ничего общего с иммунитетом гражданского населения, основанного просто на причислении человека к гражданским лицам в зависимости от его профессиональной принадлежности. Недопустимость нападения на гражданское население — именно моральная позиция, а не свойство, присущее некому социальному статусу или профессиональной специализации.

В своём пересмотре традиционной для теории справедливой войны интерпретации позиции несправедливого участника конфликта Макмахан фактически приходит к заключению, что в случае несоответствия войны принципу правого дела можно сделать вывод о нарушении несправедливой стороной всех остальных принципов *jus ad bellum*. Иными словами Макмахан совмещает понятия несправедливой войны и войны, которая не подкреплена принципом правого дела. В свою очередь, это позволяет ему заявить о несоответствии действий несправедливых комбатантов (которыми признаются воен-

²⁷ McMahan J. Killing in War. P. 235.

нослужащие государства, игнорировавшего принцип правого дела) требованиям принципа пропорциональности *in bello*, поскольку их нападение на войска противника должно пониматься как применение необоснованного и чрезмерного насилия. Вследствие нарушения этого принципа, несправедливые комбатанты не могут претендовать на статус, равный моральному статусу справедливых комбатантов. Их действия не уравниваются никакими благими намерениями и целями, заставившими их взяться за оружие.

Кроме того несправедливые комбатанты не могут выполнить требований и другого критерия *jus in bello* — принципа различения, поскольку, как мы отмечали выше, Макмахан признаёт военных, не вовлечённых и не планировавших боевых действий, равными по статусу нонкомбатантам. Нарушение принципа различения делает несправедливых комбатантов в буквальном смысле преступниками. Даже более того, принцип *jus in bello* различения кажется Макмахану столь укоренившимся в теории и обыденном сознании, что нарушение его и нападение на гражданских лиц должно считаться террористическим актом. Терроризм в такой связи получает следующее определение: «насильственные действия, которые сознательно проводятся против нонкомбатантов ради достижения разнообразных политических целей»²⁸. Однако несправедливые комбатанты нарушают принцип различения не только в ситуации, когда нападают на нонкомбатантов. Тезис Макмахана состоит в том, что о соблюдении принципов *jus in bello* в принципе нельзя говорить, если у армии не было справедливой причины для начала войны. То есть, если изначально был нарушен принцип правого дела, то вести войну справедливым образом будет невозможно²⁹.

Особую роль в оправдании морального равенства солдат и снятия ответственности с военнослужащих иг-

²⁸ McMahan J. The Ethics of Killing in War. P. 694.

²⁹ McMahan J. Just Cause for War. P. 5.

рает так называемый эпистемический аргумент. Военнослужащий не может обладать всей полнотой информации, позволяющей сделать взвешенный и обоснованный вывод о справедливости конфликта, в котором ему предстоит принять участие. Солдат не знает всего многообразия исторических, политических, экономических причин, повлиявших на обострение отношений между государствами. Подобное положение дел, характеризующееся неполнотой информации и невозможностью её обработать и интерпретировать должным образом, заставляет военнослужащих в большинстве случаев считать войны, в которых они участвуют, справедливыми и подчиняться воле своего политического руководства. Предполагается возможность внешнего, объективного оправдания войны. Комбатант подчиняется распоряжениям политического руководства, доверяя ему как субъекту, обладающему всей полнотой информации и большей компетентностью.

Статус справедливых комбатантов

Макмахан задаётся в этой связи вопросом, справедливо ли признать, что все солдаты, в том числе и несправедливые комбатанты, получают объективное оправдание своему участию в войне в силу обязанности и готовности подчиняться приказам? Опять-таки обычно теория справедливой войны отвечает на этот вопрос положительно. Но Макмахан не соглашается с традицией и в этом случае: для начала комбатант должен получить подтверждение тому, что государство предпринимает попытки оценить степень справедливости предстоящей войны. Из этого однозначно следует, что ответственность за участие в войне ложится на каждого индивида, поскольку каждый должен оценивать справедливость кампании и принимать решение о своём участии в ней. Схожую мысль высказывала и Ханна Арендт, связывавшая ответственность с возможностью выносить суждение³⁰. И всё же

³⁰ Арендт Х. Ответственность и суждение. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

это очень строгое положение, требующее радикального переосмысления роли личного участия в политических вопросах.

Классические авторы, развивавшие доктрину справедливой войны — Августин, Фома, Пуфендорф и многие другие — указывали на переложение ответственности за принятие решения о войне с солдат на правителя. Отчасти это связывалось с авторитетом и властью государя, состоящей в полномочии отдавать распоряжения и ожидать подчинения. Некоторые мыслители, к примеру, Гоббс добавляли к этому представление о государе как источнике самих определений законного, справедливого, честного, правильного. Но с точки зрения Макмахана, государство не может требовать от человека совершить неправильный поступок. Если правительство подталкивает своих граждан к совершению аморальных действий, то это правительство преступно, не справедливо даже минимальным образом, выражаясь в терминах Орендта. Кроме того, в большинстве случаев попытка переложить ответственность за развязывание войны на государство свидетельствует о стремлении комбатантов получить прощение за совершение противоправных действий, но не будет означать признание допустимости и обоснованности этих действий. И даже если есть основание дать несправедливым комбатантам такое прощение, было бы ошибкой признать, что они получают моральную санкцию на применение насилия³¹.

Макмахан полагает, что эпистемический аргумент мог бы сработать только в случае, если бы каждая несправедливая война однозначно воспринималась и оценивалась её участниками как справедливая. Иными словами, несправедливых комбатантов можно было бы оправдать при условии полного отсутствия у них каких-либо эпистемических сомнений в справедливости дела, в котором им приходится участвовать. Каждый из них дал бы тогда субъективное оправдание войне, а эпистемическое заблуждение и оши-

³¹ McMahan J. War as Self-Defense // Ethics and International Affairs. 2004. Vol. 18. No. 1. P. 79.

бочная вера в справедливость конфликта могли бы быть прощены. Именно вера становится порой ключевым источником мнения, заменяющего собой отсутствующее и недостижимое знание об истинном положении дел. Но, по мнению Макмахан, зачастую участники несправедливых войн осознают или могут осознать бесчестность или неоправданность применения силы в данных условиях. Сложно представить, что абсолютно все военнослужащие лишаются возможности анализировать происходящее и пребывают в своего рода эпистемологической черной дыре. В качестве примера Макмахан указывает на Вторую мировую войну, участие в которой одобрялось немецкими солдатами, но при этом отсутствие необходимости в агрессивных действиях могло бы стать очевидным для большинства из них, задумайся они о происходящем.

Макмахан указывает на принципиальность того факта, что человек сознательно принимает решение об участии в несправедливой войне. Люди постоянно сами соглашались на то, чтобы быть втянутыми в такие войны, они способны оценить последствия своих действий, а потому — ответственны и виновны за участие в несправедливых войнах. Для иллюстрации этого аргумента Макмахан предлагает рассмотреть следующий пример. Представим себе человека, мобильный телефон которого был без его ведома запрограммирован таким образом, что нажатие кнопки «Отправить сообщение» посылает сигнал, инициирующий детонацию взрывного устройства³². Безусловно, такой человек представляет собой угрозу, но он не может считаться легитимной целью для атаки, поскольку его участие в акции, которая может привести к гибели людей, будет абсолютно непреднамеренным и совершится против его воли. Он не только не желает наступления разрушительных последствий, вызванных нажатием кнопки «Отправить», но и просто не имеет ни малейшего представления об этих последствиях. Но все несправедливые комбатанты, вовлечённые в конфликт, осознают свою причастность к умышленному

³² McMahan J. Killing in War. P. 167.

нападению на невинных людей³³, и в этом смысле не похожи на человека из примера с телефоном. Даже если несправедливая война ещё не началась и политическое руководство только вынашивает планы об объявлении войны, войска уже представляют собой угрозу и могут быть атакованы на законных основаниях. Они возлагают на себя часть ответственности, во-первых, в силу своего согласия вступить в армию, во-вторых, в связи с тем, что своим согласием они подкрепляют волю и власть своего политического руководства, которое готовится начать несправедливую войну³⁴. Макмахан находит единственное исключение из этого правила. Если несправедливые комбатанты представляли собой «невиновную угрозу» (innocent threat), то превентивная атака на них не считалась бы приемлемым средством. «Невиновной угрозой» Макмахан признаёт субъекта, который действует недопустимо, хотя полагает, что не совершает ничего запрещённого в правовом или моральном отношении. Человек с мобильным телефоном из примера выше относится как раз к категории «невиновной угрозы». Он получает эпистемическое оправдание, поскольку не знал и не мог знать о разрушениях, которые он способен произвести. Но, как замечает Макмахан число войн, в которых агрессор может быть идентифицирован как «невиновная угроза» крайне мало, и это становится ещё одним аргументом, опровергающим вывод о моральном равенстве солдат. Справедливый комбатант не делал ничего, что могло бы спровоцировать войну, поэтому его убийство незаконно, а агрессор осознаёт свою неправоту и не может получить эпистемического оправдания. Несправедливый комбатант содействует развязыванию войны и поэтому ответственен за неё, эта ответственность предполагает превращение его в легитимную цель войны, которая становится своего рода возмездием за одобрение преступных агрессивных планов правительства. Ответственность распространяется очень широко — её несут не только политики и военачальники, но и каждый солдат.

³³ Ibid. P. 182.

³⁴ Ibid. Pp. 183-184.

Наиболее важный аргумент против традиционной интерпретации возможности причинения вреда противнику и против морального равенства солдат связан с тем, что, по мысли Макмахана, справедливые комбатанты сохраняют иммунитет от насилия даже в случае их участия в боевых действиях. Справедливые комбатанты не могут быть подвергнуты нападению даже в случае, когда они представляют собой реальную угрозу безопасности несправедливых комбатантов³⁵. Справедливые комбатанты вообще не принадлежат к той категории людей, которой можно причинить вред: «несмотря на то, что справедливому комбатанту допустимо атаковать несправедливого комбатанта, несправедливому комбатанту недопустимо нападать на справедливого комбатанта или гражданское население»³⁶. Несправедливая угроза, исходящая от кого-либо, делает его ответственным за нападение на него. Соответственно, у справедливого комбатанта есть право атаковать несправедливого, но не наоборот.

Несправедливые комбатанты получают право на нападение на справедливых комбатантов только в единственном случае — если справедливая сторона обращается к неприемлемым средствам ведения войны. В качестве примера Макмахан приводит экипаж бомбардировщика «Энола Гей», сбросившего атомную бомбу на Хиросиму. Недопустимое средство ведения войны, коим была атомная бомба, делало американских лётчиков, справедливых комбатантов, легитимными целями для японской атаки. Появление этого аргумента Макмахан связывает с именем Гроция, который в частности отмечал, «что если враг очевидно пришел с намерением, чтобы отнюдь не щадить жизнь подданных другой стороны, несмотря на возможность это сделать, то подданные могут обороняться по естественному праву, которое у них не отнято правом народов»³⁷.

Невиновность справедливых комбатантов делает их не-легитимными целями войны, поэтому нападение на них будет преступлением и нельзя говорить ни о каком моральном

³⁵ *McMahan J. Killing in War.* P. 14.

³⁶ *Ibid.* P. 204.

³⁷ *Гроций Г. О праве войны и мира.* (2, 26, VI, 1) С. 572.

равенстве солдат. При этом Макмахан предлагает весьма оригинальную интерпретацию понятия невиновности. Современная теория справедливой войны предлагает два варианта определения понятия невиновного субъекта. Невиновен тот, кто не причиняет вред, и тот, кто не угрожает. Макмахан противопоставляет этому понимание невиновного как субъекта, который не причинял никому зла и поэтому в нравственном отношении не несёт ответственности за него³⁸. Не вина как понятие права, как юридический термин, а моральная ответственность становится основанием для определения невиновности.

В итоге, чтобы избежать ошибок с использованием понятий комбатант и некомбатант, Макмахан предлагает уточнить определения этих концептов. По его мнению, необходимо рассматривать немобилизованную армию как «военных некомбатантов», которые не несут угрозы, оставаясь немобилизованными, и не могут быть атакованы законным образом. Нападение на военных некомбатантов означает, что солдаты противника нарушают принцип различия *jus in bello* уже самим фактом нападения, даже если они не причиняют вреда обычным некомбатантам. На этом основании Макмахан делает вывод о необоснованности мнения, что в несправедливой войне военнослужащие государства-агрессора не нарушают требований теории справедливой войны до тех пор, пока они не начинают действовать с особой жестокостью и совершать военные преступления³⁹. Комбатанты становятся несправедливыми уже в силу того, что они принимают участие в несправедливой войне. Согласие на участие в ней делает их преступниками. При этом Макмахан отвергает мнение, согласно которому несправедливая война становится приемлемой при условии, что незадолго до нападения войска противника предупреждают о готовящемся ударе и тем самым дают ему возможность привести себя в боевую готовность.

³⁸ McMahan J. Killing in War. P. 34.

³⁹ McMahan J. The Ethics of Killing in War. P. 697.

Макмахан выступает также и против представления, согласно которому право солдат одной стороны на убийство комбатантов другой стороны связано со своеобразной формой «согласия» быть убитым, которое якобы даётся комбатантом в обмен на право убивать врага⁴⁰. Подобное воззрение весьма популярно, солидарность ему высказывал в том числе и Уолшер, развивая идею морального равенства комбатантов. Война уподобляется поединку боксёров, каждый из которых, выбирая профессию, принимает неизбежную опасность получать удары. Другой способ описания войны состоит в уподоблении её гладиаторскому бою. Солдаты, поступая на службу, лишаются собственной воли, что в каком-то смысле делает их похожими на рабов-гладиаторов.

Макмахан указывает на явное непонимание самой природы военной профессии, коренящееся в таком подходе. Сравнение комбатантов с боксёрами или гладиаторами абсолютно неверно, поскольку солдат принимает на себя риск быть убитым, но это не означает, что он добровольно соглашается с таким исходом. Готовность рисковать для него — это, как правило, вынужденное решение. Во всяком случае, это верно в отношении справедливых комбатантов, которые не намереваются нападать на кого-либо. В качестве аналогии можно рассмотреть случай человека, оказавшегося поздно ночью в неблагополучном районе. Этот человек понимает все опасности, которым он подвергается, совершая подобную прогулку, но он не даёт своего согласия на нападение со стороны хулиганов и не теряет права на безопасное существование. Подобным образом и человек, вступивший в ряды армии, надевший униформу и получивший оружие, то есть человек, однозначно идентифицируемый как военнослужащий, не даёт согласия быть раненным или убитым и не лишается своего права на безопасное существование. Таким образом, не все солдаты могут считаться обоснованной целью военной атаки, не все могут быть подвергнуты нападению. Справедливые комбатанты не делают ничего, чтобы

⁴⁰ McMahan J. Killing in War. P. 51.

поставить себя под удар, ничего, за что на них можно было бы напасть.

Нередко говорится об оправдании несправедливых комбатантов в силу того, что они действуют по принуждению (*duress*). Макмахан предлагает понимать принуждение в самом широком смысле, как «намеренные угрозы применения силы, а также давление со стороны природных, социальных или психологических факторов»⁴¹. По мнению Макмахана, в некоторых ситуациях принуждение может рассматриваться в качестве основания для нравственной реабилитации человека (но не его оправдания). Речь идёт о таких ситуациях, когда угроза, нависшая над человеком, значительно превосходит степень вреда, которую он может причинить. Например, с человека, которому угрожают смертью, если он не уцелит первого попавшегося прохожего, можно снять нравственную ответственность за щипок, который, возможно, будет неприятен прохожему, но не причинит серьёзного вреда. Но на войне вред, который способен принести комбатант, значительно превосходит степень нависшей над ним угрозы. Даже если этого комбатанта принуждают к участию в войне, угрожая смертью, большим злом для него будет вступить в ряды армии и, возможно, убить одного или нескольких солдат противника.

На это можно заметить, что зачастую человек вступает в армию, опасаясь наказания за нарушение закона. Но в XXI в. большинство государств не карает смертью человека, уклоняющегося от призыва на военную службу. За редким исключением подобное правонарушение повлечёт за собой тюремное заключение или штраф. Возможное наказание не представляет собой серьёзную угрозу, которая могла бы объяснить необходимость участия в войне и связанное с этим убийство людей. Это означает, по заявлению Макмахана, что если справедливость войны вызывает сомнение, моральные основания для вступления в ряды армии попросту отсутствуют и нравственно верная позиция состоит в отказе принимать участие в боевых действиях. В крайнем случае, угро-

⁴¹ Ibid. P. 131.

зы со стороны закона и правительства могут стать частичным оправданием, но не сделают действия несправедливого комбатанта легитимными.

Макмахан предлагает одно своеобразное исключение из этого правила. Участие в войне может быть допустимым при условии, что человек, отправляясь в армию, ведущую несправедливую войну, принял для себя решение не участвовать в убийстве солдат противника, постоянно направляя своё оружие в воздух или вообще не производя выстрелов⁴². Подобное заявление может показаться наивным или даже абсурдным, но на самом деле описанную стратегию нельзя назвать нереализуемой. По заявлению историка Второй мировой войны генерала С.Л.А. Маршалла, даже в таком крупномасштабном конфликте, как мировая война, количество людей, применивших оружие, не превышает 20% от общего числа комбатантов. Так что ситуация абсолютно пассивного участия в войне вполне реальна.

Сам факт того, что призывники отказываются присоединяться к армии, а военнослужащие не стремятся попасть на фронт, будет красноречиво говорить о несправедливости войны, которую развязало правительство. Если государство не может привлечь в ряды армии достаточное количество солдат, не прибегая к репрессивным мерам, это означает, что правительство несостоятельно и население не желает сражаться за него. Нет никаких оснований воевать за такое государство. Если большая часть армии набрана под угрозой смертной казни, не может быть сомнений, что война несправедлива, поскольку справедливая война обычно провоцирует появление нескончаемых потоков добровольцев.

Опровергнув возможные аргументы в пользу морального равенства комбатантов вне зависимости от того, участвуют ли они в справедливой или несправедливой войне и от того, каков характер этого участия, Макмахан заявляет о необходимости расширения практики сознательного отказа военнослужащих от участия в несправедливых войнах⁴³.

⁴² Ibid. P. 134.

⁴³ McMahan J. Killing in War. pp. 95-103.

Осознание возможности участия в несправедливой войне должно стать главным поводом к рефлексии со стороны военнослужащего.

Развивая критику традиционной теории справедливой войны, Макмахан обращается и против представления об априорной справедливости самообороны. Макмахан предлагает рассмотреть довольно известную в философии войны этическую апорию. На вас без предупреждения и без причины нападет некий человек. Если вы сумели отбить первую атаку этого злодея и сами перешли в нападение, то исходя из логики принципа о справедливости всякой самообороны, напавший на вас человек имеет теперь моральное право защищаться и, возможно, даже убить вас. Подобное рассуждение мы находим у многих авторов, в том числе и у Гроция. Сам же Макмахан называет Гоббса последним человеком, который верил в справедливость подобного умозаключения. Впрочем, это не вполне верно, поскольку для Гоббса, если речь идёт о естественном состоянии, любое нападение одного индивида на другого законно и непротиворечиво, поскольку мораль невозможна без государства и говорить о справедливости или несправедливости того или иного вида нападения до заключения общественного договора — бессмысленно. Для Макмахана, однако, важен вывод, к которому он подводит нас этим примером: агрессор, вынужденный через какое-то время обороняться, не может заявить об обоснованности своей самообороны. А это указывает на ложность тезиса о справедливости всякой оборонительной борьбы. Иными словами, положение о самообороне как справедливой причине войны требует пересмотра.

Следует заметить, что эта мнимая апория легко решается и в рамках теории справедливой войны. На неё могли бы ответить и Уолшер, и Фоушин, и Оренд, причём примерно одинаковым образом: агрессор нарушает требования правил *jus ad bellum*, вследствие чего любая его последующая апелляция к теории справедливой войны оказывается нелегитимной. Выводя себя из-под действия норм *ad bellum* и *in bello*, агрессор не может вернуться под покров теории справедливой войны и использовать её для собственной защиты. В

примере Макмахана показана абсолютно дискретная картина борьбы, где первая часть вероломного нападения агрессора никак не связана с последующей ситуацией перехода жертвы нападения в атаку. В таком виде никто из апологетов доктрины *bellum justum* не рассматривает войну; вряд ли и сам Макмахан согласился бы с интерпретацией войны как хаотичной последовательности абсолютно разрозненных событий.

Однако пример Макмахана действительно заставляет задуматься об обоснованности представления о самообороне как однозначно справедливой причине применения военной силы. Обычно теоретики справедливой войны, рассуждая об оборонительной войне, называют её самоочевидно справедливой, то есть соответствующей принципу правого дела. При этом оставшиеся пять принципов *jus ad bellum* как будто бы теряют своё значение и даже не обсуждаются. Каждый автор, работающий с теорией справедливой войны, заявляет о невозможности признать войну справедливой на основании выполнения только одного из принципов *ad bellum*. Но в случае с оборонительной войной степень значимости остальных принципов резко нивелируется.

Из критики объективности справедливости самообороны следует и ещё один вывод, связанный с вопросом об ответственности солдат. Фактически отказ от интерпретации самообороны как однозначно справедливой причины войны означает радикальную смену парадигмы всей теории справедливой войны, которая традиционно предполагала разделение ответственности между политиками и военными. Политики принимали решение о войне и отвечали за исполнение *jus ad bellum*, военные, как высшие чины, так и рядовые солдаты, на данном этапе рассматривались исключительно как орудия ведения борьбы. Только после вступления в войну их воля активировалась, и они должны были заботиться о должном способе ведения боевых действий и руководствоваться нормами *jus in bello*. Макмахан отказывается от подобного распределения обязанностей и ответственности. По его мнению, каждый военнослужащий вне зависимости от своего звания и должности обязан оценить действия своего пра-

вительства, начинающего войну, понять, соответствуют ли они принципам *jus ad bellum* или нет. Высокая степень вероятности участия солдат в несправедливом конфликте (коль скоро большая часть войн была несправедливой) заставляет Макмахана возложить особую ответственность на каждого из них. Военнослужащие должны обладать действительно вескими основаниями для участия в войне, «учитывая всю серьёзность того, что от них требуется, а именно, необходимость убивать людей, о которых они лично ничего не знают»⁴⁴. Именно эта серьёзность и опасность их работы превращает военнослужащих в активных соучастников принятия решения о войне, в результате чего Макмахан получает возможность говорить о непосредственной ответственности солдат за участие в несправедливой войне.

Ещё одна нетипичная идея, на которую стоит обратить внимание в связи с вопросом о справедливости самообороны — это представление о войне как об обычной, нормальной ситуации применения насилия. Нередко войну описывают как особую, уникальную, чрезвычайную ситуацию, предполагающую специфический порядок действия и специальные нормы регуляции. Но Макмахан не обнаруживает у войны никаких уникальных характеристик. От всех остальных ситуаций, где применяется насилие, она отличается только степенью интенсивности и масштабом. Это позволяет ему одинаковым образом интерпретировать убийство, совершённое на войне, и убийство, совершённое при других обстоятельствах⁴⁵.

Право на убийство в качестве меры самообороны появляется в ситуации, когда нападающая сторона в силу совершения определённых действий принимает на себя моральную ответственность за возможный силовой ответ. Но Макмахан не считает состоятельной идею, согласно которой это право появляется вследствие того, что убийство агрессивного противника будет меньшим

⁴⁴ McMahan J. The Ethics of Killing in War. P. 701.

⁴⁵ McMahan J. Killing in War. P. 156.

злом, чем потенциальное убийство жертвы нападения. Ситуация, когда во внимание принимается только угроза, исходящая от одной из сторон, кажется Макмахану недостаточной для того, чтобы признать законность самообороны. Эта угроза как минимум должна быть несправедливой⁴⁶, только в таком случае можно будет поставить вопрос об обоснованности войны.

Принцип пропорциональности — одно из необходимых условий обоснования войны — также связан с рассуждением о невиновности и идеей морального равенства солдат. Согласно этому принципу, убийство одной группы нравственно невиновных людей во имя спасения другой группы невиновных — неприемлемо, за исключением случаев, когда количество спасённых будет значительно превышать число убитых. Однако невозможно представить, по замечанию Макмахана, чтобы справедливые комбатанты представляли серьёзную угрозу для гражданского населения противника, поскольку в противном случае их действия нарушали бы принцип пропорциональности, а сами они не могли бы считаться справедливыми комбатантами⁴⁷.

Истолкованное таким образом понятие невиновности заставляет Макмахана переосмыслить традиционное определение легитимной цели вооружённой атаки. Большая ошибка традиционной теории справедливой войны, по мнению американского философа, заключается в том, что неправая сторона конфликта объясняет свои агрессивные действия тем же самым образом, что и справедливая — ссылаясь на угрозу, исходящую от противника. Но поскольку справедливая и несправедливая стороны различаются по своему моральному статусу, то и способы оправдания своих действий у них должны быть разными.

В заключении этой главы ещё раз отметим оригинальность подхода Макмахана, который предлагает провести ревизию теории справедливой войны сразу по нескольким направлениям. Так, Макмахан указывает на тесную связь

⁴⁶ Ibid. P. 157.

⁴⁷ Ibid. P. 50.

областей *ad bellum* и *in bello*, вследствие чего на войне, начатой без веской причины, невозможно реализовать принципы пропорциональности и различения. В вопросе определения принципа правого дела Макмахан оказывается близок средневековой традиции справедливой войны — только нарушение моральных законов может оправдать войну, которая становится средством наказания нарушителя. Ещё одна сфера размежевания между Макмаханом и ставшей классической позицией Уолцера — вопрос о нравственном равенстве солдат и ответственности солдат за исполнение *jus ad bellum*. Вопреки традиции Макмахан указывает на различие моральных статусов солдат, находящихся по разные стороны линии фронта. Макмахан считает нападение на несправедливых комбатантов законным, в то время как атака на справедливых комбатантов признаётся всегда преступной. Это объясняется главным образом тем, что каждый солдат обязан оценивать характер конфликта, в котором ему предстоит участвовать, следовательно, часть ответственности за развязывание и участие в несправедливой войне лежит и на солдатах. И наконец, Макмахан предлагает говорить о «моральном иммунитете гражданских лиц» вместо «иммунитета гражданского населения», полагая подобное определение более точным.

Несмотря на высокую публикационную активность Макмахана, его проект по ревизии теории справедливой войны остаётся незавершённым. Не создано цельного обновлённого учения и отсутствует обобщающий труд, в котором была бы представлена полная авторская версия теории справедливой войны. Возможно, подобные работы появятся уже совсем скоро — на 2017-2018 гг. Макмахан анонсировал выход нескольких крупных книг⁴⁸.

⁴⁸ McMahan J. The Ethics of Killing: War. New York: Oxford University Press; McMahan J. The Ethics of Killing: Self-Defense and Punishment. New York: Oxford University Press; McMahan J. The Right Way to Fight. New York: Oxford University Press.

Заключение

Теорию справедливой войны в её современном состоянии невозможно рассматривать как единую гомогенную концепцию, она не представляет собой единой школы. Как мы показали на примере М. Уолцера, Н. Фоушина, Б. Орендта и Дж. Макмахана, сторонников идеи справедливой войны объединяет общее убеждение, что при выполнении определённых условий возможно нравственно обосновать законность вступления в войну, а ведение боевых действий должно соответствовать ряду моральных принципов. При этом каждый из этих авторов отстаивает собственную парадигму этики войны, в рамках которой и выстраивается его концепция справедливой войны. Обращение к указанным авторам позволяет получить представление об основных направлениях развития теории справедливой войны и ключевых проблемах, которые обсуждаются её последователями. В основной части книги мы сконцентрировались в первую очередь на оригинальных идеях названных мыслителей, на том, что позволяет выделить их среди других теоретиков справедливой войны. В заключении необходимо сделать несколько замечаний относительно того, что объединяет их, а также о тех наиболее общих положениях теории справедливой войны, которые могут быть подвергнуты критике.

После своего возрождения во второй половине прошлого столетия теория справедливой войны остаётся достаточно популярной и продуктивной этической концепцией войны. К ней обращаются не только теоретики, но и действующие политики и специалисты по международному праву. По мнению Н. Фоушина, теория справедливой войны обладает общезначимым практическим смыс-

лом и может руководить «нашими действиями, когда война становится неизбежной... или когда она уже началась»¹.

Понимание теории справедливой войны невозможно без прочтения книги «Справедливые и несправедливые войны» М. Уолцера. Эта работа стала ключевым текстом всей современной традиции справедливой войны. Многие авторы полемизируют с Уолцером, указывая на его непоследовательность, нелогичность и даже на слабость его этической доктрины, но не могут обойти его вниманием. В *magnum opus* М. Уолцера, равно как и в иных рассмотренных нами трудах, прослеживается одна общая тенденция, характеризующая состояние современной теории справедливой войны. Связь концепций этих авторов с классической доктриной *bellum justum* весьма условна, их философская составляющая ориентируется в первую очередь на утилитаристскую и прагматистскую этику, а также на либеральную концепцию прав человека.

Вне зависимости от того, утверждается ли вражда в качестве естественного свойства межличностных отношений или понимается как сущностный элемент политического состояния людей, авторы теории справедливой войны постулируют свойственное человеку чувство нравственности. Человек действует нравственно не потому, что является сторонником той или иной этической доктрины, но в силу имеющегося у него стремления поступать нравственно. Из этого укоренённого в человеке нравственного чувства возникает представление об ответственности человека перед другим таким же человеком и миром, стремление ограничить степень интенсивности и жестокости конфликтов.

Рассмотрение теории справедливой войны невозможно также безотносительно анализа иных нормативных концепций войны. Теоретики справедливой войны отвергают радикализм милитаризма, развивают идею борьбы за мир пацифизма, хотя и указывают на приемлемость силового способа ведения этой борьбы, а также сглаживают

¹ Fotion N. War and Ethics: A New Just War Theory. P. vii

острые углы в концепциях политических реалистов, отказывающихся рассматривать войну с позиций этики. Это не делает теорию справедливой войны идеальной теорией, однако позволяет её сторонникам создавать довольно гибкие концепции, положения которых могут применяться в практике международной политики.

Однако и теория справедливой войны сталкивается с некоторыми существенными проблемами, которые ей ещё предстоит преодолеть. Так, Н. Фоушин замечает, что теория справедливой войны вызывает немало нареканий — зачастую высказываются суждения о «недостаточном её использовании, или о её лицемерном применении, или о том, что на самом деле её применение причиняет больше вреда, нежели блага, или что она в любом случае слишком неоднозначная, чтобы принести пользу»². Однако сторонники теории справедливой войны убеждены в обратном: по их мнению, от теории нельзя ожидать слишком многого, она вряд ли сможет победить войну как таковую, но в большинстве случаев она всё же справляется с теми задачами, которые призвана решать, и даёт конкретные решения практически в каждом случае.

Кроме всего прочего, статус теории справедливой войны значительно изменился в последние годы. Как отмечает М. Уолцер, эта теория долгое время применялась для критики военных кампаний, однако в силу того, что со временем она инкорпорировалась в инструментарий международной политики, всё чаще её используют для оправдания войн³. Примечательно, что Нобелевская речь Барака Обамы называлась «Справедливый и устойчивый мир»⁴, но говорилось в ней по большей части именно о справедливой войне. В своей речи президент США отста-

² Ibid.

³ Walzer M. The Triumph of Just War Theory. (and the Dangers of Success) // *Arguing about war*. P. 13.

⁴ Obama Barack H. Nobel Lecture: A Just and Lasting Peace // Nobel Media AB 2014. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/peace/laureates/2009/obama-lecture_en.html (Дата обращения 25.04.2017)

ивал необходимость продолжения силовой политики во имя установления стабильного мира, в котором соблюдаются законы применения военной силы, а также реализуются права человека и экономические свободы. Концепция *bellum justum*, таким образом, используется или может быть использована не только для ограничения войны и установления мира, но и для утверждения права некоторой политической общности начинать и вести войны.

Вопрос об источнике справедливости, об авторе определения правой стороны, о том, в конце концов, почему именно справедливая сторона получает право на применение силы, а несправедливая лишается этого права, за редким исключением остаётся открытым и далеко не всегда имеет решение. Отсюда проистекает угроза узурпации идеи справедливости и права оценки войн, что в дальнейшем может привести к значительной эскалации конфликтов, ничем не сдерживаемых и ничем не ограниченных.

Опасения вызывает и радикальные версии ценностно-ориентированного подхода к обоснованию войны. Особенно это справедливо для парадигмы прав человека, согласно которой справедливыми могут быть только те войны, что ведутся во имя самой гуманности. Защитник прав человека как будто бы получает *auctoritas spiritualis*, благодаря которому действует с позиции силы. В то же время противник в битве за гуманность оказывается *hostis humani generis* (врагом рода человеческого), война с ним — это борьба добра со злом. Победа в борьбе с таким врагом предполагает только тотальное политическое и моральное уничтожение оппонента. Гуманность и обеспокоенность правами человека неожиданно становится методом обоснования войны на уничтожение⁵. В этом открывается близость теории справедливой войны милитаризму, несмотря на то что изначальной её целью декларируется достижение всеобщего мирного состояния.

⁵ Подробнее об этом см. Kumankov A. Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Criticism of Just War Theory // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4. pp. 77-91.

Ценностный раскол теории справедливой войны приводит к тому, что изначальная цель борьбы за мир уходит на второй план или совсем теряется, уступая место побочным целям, решение которых требует применения силовых методов. В этом контексте лишаются своих привычных трактовок положения, которые постулировались ранее как общечеловеческие принципы гуманизма. Так, доктрина двойного эффекта, которую оправдывает практически каждый сторонник теории справедливой войны, фактически легитимизирует атаки на гражданское население. Но ещё более неоднозначной представляется концепция чрезвычайных обстоятельств (*supreme emergency*) М. Уолцера, которая буквально сводит на нет все достижения теории справедливой войны в нравственном ограничении конфликтов. Сторонники концепции справедливой войны должны провести ревизию теории, избавив её от указанных недостатков и проблемных мест, но, как замечает Б.Н. Кашников, это будет уже «принципиально иная теория морально необходимой войны»⁶.

Тем не менее, теория справедливой войны остаётся важным элементом западной этики войны, требующим серьёзного изучения ввиду актуальности и принципиальной важности проблем войны и мира. Настоящее исследование не может считаться исчерпывающим материалом по теории справедливой войны. Концепции справедливой войны весьма разнообразны, темп их обновления высок, а проблемные поля, которые они затрагивают, постоянно расширяются.

Остаётся надеяться, что в будущем появятся переводы наиболее значимых сочинений по теории справедливой войны, что сделает дискуссию о нравственных проблемах войны более близкой для русскоязычной аудитории. Что же касается возможности продолжения изучения современных концепций справедливой войны, то, как нам кажется, дальнейшего исследования требуют прежде всего работы авторов нового поколения теоретиков справедли-

⁶ Кашников Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11. С. 28.

вой войны: Б. Оренда, Дж. МакМахана, С. Ли или О. О'Донована⁷ (список можно было бы продолжить). Необходимо также исследовать концепции справедливой войны, дополненные идеями *jus ante bellum* и *jus post bellum*, которые превращаются в сложную и разветвлённую политическую доктрину. Отдельной тщательной проработки требует вопрос о трактовке понятий справедливости и войны в рамках концепции *bellum justum*. В этой связи проведённое нами исследование представляется возможной исходной точкой для будущих работ по изучению теории справедливой войны, которая продолжает своё постоянное обновление и развитие, обусловленное трансформациями политической сферы и появлением новых форм конфликтов.

⁷ O'Donovan O. The Just War Revisited. P. Cambridge University Press, 2003.

Список литературы

- Августин Аврелий.* Творения. Т. 3. О граде Божием. Книги I-XIII. — СПб.: Алетейя, Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — 595 с.
- Августин Аврелий.* Творения. Т. 4. О граде Божием. Книги XIV-XXII. — СПб.: Алетейя, Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — 592 с.
- Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. — М.: Изд-во «Европа», 2011 — 148 с.
- Амвросий Медиоланский.* Об обязанностях священнослужителей. М. — Рига: Благовест, 1995. — 416 с.
- Апресян Р.Г.* Jus Talionis в трактате Гуго Гроция «О праве войны и мира» // Этическая мысль. Вып. 3. / Отв. ред. А.А.Гусейнов. М.: ИФРАН. 2002. С. 139-165.
- Апресян Р.Г.* История этики Нового времени: Лекции и статьи. — М.: Издательство «Директ-Медиа», 2014. — 359 с.
- Апресян Р.Г.* Метанормативное содержание принципов справедливой войны // Полис. 2002. № 3. С. 385-403.
- Арендт Х.* Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. — М.: Издательство «Европа», 2008. — 424 с.
- Арендт Х.* Ответственность и суждение. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. — 352 с.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Биbihина; под ред. Д.М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000. — 437 с.
- Аристотель.* Риторика / Пер. Н. Платоновой // Античные риторики. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С.15-164.
- Аристотель.* Сочинения в четырёх томах. Том 4. — М.: Мысль, 1983. — 830 с.
- Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. — М.: РОССПЭН, 1998. — 416 с.
- Биbihин В.В.* Поиск своего в «Алкивиаде» Платона // Логос. № 4 (83). 2011. С. 63-88.
- Близнеков В.Л.* Генезис понятия справедливой войны в европейской культуре // Сократ. 2010. № 2. С. 26-29.

- Бородаев В.А.* Кубинская революция и становление новой политической системы. 1953-2006. — Москва: Изд-во Московского ун-та, 2007. — 524 с.
- Ваттель Э.* Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. — М.: Госюриздат, 1960. — 720 с.
- Видаль-Накэ П.* Чёрный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. — М.: Ладомир, 2001. — 419 с.
- Гроций Г.* О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. — М.: Ладомир, 1994. — 868 с.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Его же. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1991. — 731 с.
- Демосфен.* Речи. В трех томах. Т. 3. — М.: Памятники исторической мысли, 1996. — 624 с.
- Дженкинс Ф.* Войны за Бога. Насилие в Библии. — М.: Эксмо, 2013. — 448 с.
- Дмитриев Т.А.* Войны XXI века // Сократ. 2010. № 2. С. 30-35.
- Иванова Ю.В.* Ad marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. 2014. 13(1). С. 10-25.
- Ильин И.А.* Основное нравственное противоречие войны // Его же. Собрание сочинений в 10 тт. Т. 5. — М.: Русская книга, 1999.
- Исократ.* Речи. Письма. Малые аттические ораторы. — М.: Ладомир, 2000. — 1072 с.
- Йегер В.* Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 2 / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1997. — 336 с.
- Калдор М.* Новые и старые войны. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015. — 416 с.
- Калмыкова Е.В.* Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. — М.: Квадрига, 2010. — 664 с.
- Кант И.* Собрание сочинений в 8 тт. Т. 4. — М.: Чоро, 1994. — 630 с.
- Кант И.* Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. — М.: Чоро, 1994. — 613 с.

Кант И. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 7. — М.: Чоро, 1994. — 495 с.

Каранти Л. «Вечный» мир и «либеральный» мир: три пункта неверной интерпретации // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики. — Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 131-143.

Кашников Б.Н. Введение в теорию справедливости. Какая теория? Чья справедливость? // Этическая мысль. 2015. Т. 15. № 1. С. 303-314.

Кашников Б.Н. Война как массовый протест // В кн.: Этика войны и мира: история и перспективы исследования / Под общ. ред.: Б. Н. Кашников, А. Д. Куманьков. — СПб.: Алетейя, 2016. С. 77-86.

Кашников Б. Н. Критика современного дискурса справедливой войны // Военно-юридический журнал. 2012. № 11. С. 22-29.

Керсновский А.А. Философия войны. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. — 208 с.

Клаузевиц К. О войне. — М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. — 864 с.

Колесников А. Хотят ли русские войны. Война и террор в восприятии россиян эпохи осажденной крепости. Рабочие материалы Московского центра Карнеги. — М.: Самполиграфист, 2016. — 36 с.

Контамин Ф. Война в средние века. СПб.: Ювента, 2001. — 416 с.

Кревельд М. ван. Трансформация войны. — М.: Альпина Паблишер, 2005. — 344 с.

Куманьков А. Д. Концепция минимальной справедливости в философии войны Б. Оренда // Культура: управление, экономика, право. 2016. № 2. С. 6-12.

Куманьков А. Д. Этика военной интервенции. Аргумент Дж. Ст. Милля и его современное значение // Vox. Философский журнал. 2015. № 18. С. 1-11.

Локк Дж. Два трактата о правлении // Его же. Сочинения: В 3 т. — Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.

- Марей А.В.* Власть, церковь и государство в «Первой лекции о церковной власти» Франсиско де Витории // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. 3. С. 126-135.
- Милль Дж.* О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // Наука и жизнь. 1993. № 11. С. 10-15; № 12. С. 21-26.
- Михайловский А.В.* Великая война и интеллектуалы // Сократ. Журнал современной философии. 2010. № 2. С. 178-182.
- Михайловский А.В.* Пещера Фафнира и чудо Пятидесятницы. Идея русского миссионизма в политической публицистике Е.Н. Трубецкого // Вопросы философии. 2007. № 11. С. 45-55.
- Мор Т.* Утопия. — М.: Наука, 1978. — 417 с.
- Мочалова И.Н.* Может ли война быть оправдана? (о философии войны в контексте идеологии панэллинизма IV в. до н. э.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. № 2 (2). 2010. С. 211-221.
- Мюнклер Х.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего мира до США. М.: Кучково поле, 2015. — 400 с.
- Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / Под ред. Кошпитерс Б., Фоушин Н., Апресян Р. — М.: Гардарики, 2002. — 407 с.
- Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8-ми томах. Т. 8. — М.: Юридическая литература, 1999. — 792 с.
- Перевезенцев С.В.* Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 70-88.
- Платон.* Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. — М.: Мысль, 1994. — 654 с.
- Платон.* Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. — М.: Мысль, 1994. — 955 с.
- Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726.
- Розанов В.В.* Война 1914 года и русское возрождение. — Пг.: Типография А.С.Суворина, 1915. — 234 с.
- Ролз Дж.* Право народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 79-105.

- Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Его же. Трактаты. М.: Наука, 1969. — 710 с.
- Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Его же. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1981. — 656 с.
- Сисе Х. Справедливая война? О военной мощи, этике и идеалах. — М.: Весь мир, 2007. — 176 с.
- Скворцов А.А. Русская религиозная этика войны XX века. М.: МАКС Пресс, 2002. — 223 с.
- Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской религиозной философии XX в. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216-230.
- Скиннер К. The State // Понятие государства в четырёх языках. СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002. С. 12-74.
- Снесарев А.Е. Философия войны. — М.: Финансовый контроль, 2003. — 287 с.
- Соколов Е.С. Война как бриколаж // Калдор М. Новые и старые войны. — М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Соколов Е.С. Не мир вам принес... // Логос. 2013. № 2 (92). С. 245-248.
- Соловьев А.В. Диалогичность войны // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 6. С. 71-83.
- Соловьев А.В. Метаморфозы войны в современную эпоху // Безопасность Евразии. 2015. № 1. С. 238-241.
- Соловьёв Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Его же. Сочинения в 2 тт. Т. 2. — М.: Мысль, 1988. — 824 с.
- Степун Ф.А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Издательство «Водолей», 2000. — 192 с.
- Толстой Л.Н. Война и мир // Его же. Собрание сочинений в 22 т. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1979. — 400 с.
- Трактаты о вечном мире. — СПб.: Алетейя, 2003. — 398 с.
- Трубецкой Е.Н. Смысл войны. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1914. — 48 с.

- Уолцер М. Глобального политического пространства не существует // Свободная мысль. 2009. № 2 (1597). С. 5-16.
- Уолцер М. Интеллектуалы, социальные классы и революции // Логос. 2012. № 2 (86). С. 95-113.
- Уолцер М. О человеколюбии // Россия в глобальной политике. 2011. Т. 9. № 4. С. 34-46.
- Уолцер М. Смена режима и справедливая война // Военно-юридический журнал. 2013. № 7. С. 26-32.
- Уолцер М. Философия и демократия // Логос. 2012. № 3. (87). С. 36-59.
- Устав Международного Комитета Красного Креста от 18 декабря 2014 г.
- Франк С.Л. О поисках смысла войны // Русская мысль. 1914. № 12. С. 125-132.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 1-46 / Фома Аквинский. — К.: Ника-Центр, 2011. — 576 с.
- Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 47-122 / Фома Аквинский. — К.: Ника-Центр, 2013. — 832 с.
- Фрагменты ранних греческих философов / Сост. и пер. Лебедев А.В. Ч. 1. — М.: Наука, 1989. — 576 с.
- Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV в. до н. э. / Античная Греция. Проблемы развития полиса: в 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1983. С. 157-208.
- Фукидид. История. — СПб.: Наука, Ювента, 1999. — 830 с.
- Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001. — 417 с.
- Хомский Н. Новый военный гуманизм. Уроки Косова. — М.: Праксис, 2002. — 320 с.
- Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2006. — 288 с.
- Шекспир У. Генрих V // Его же. Полное собрание сочинений в 14 томах. Т. 2. — М.: Терра, 1992. — 608 с.
- Цицерон М.Т. Диалоги. — М.: Ладомир, 1994. — 222 с.
- Цицерон М.Т. О старости. О дружбе. Об обязанностях. — М.: Наука, 1993. — 245 с.
- Шмитт К. Номос земли в международном праве *jus publicum Europaeum*. — СПб.: Владимир Даль, 2008. — 670 с.

- Энгельгардт М. А. Вечный мир и разоружение. — СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1899. — 235 с.
- Эрн В.Ф. Меч и крест. Статьи о современных событиях. — М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. — 103 с.
- Aboul-Enein Y., Zuhur S. Islamic Rulings on Warfare. Darby: DIANE Publishing. 2004.
- Aloyo E. Just War Theory and the Last of Last Resort // Ethics and International Affairs. 2015. Vol. 29. Issue 2. Pp. 187-201.
- Anscombe G. E. M. War and Murder // Nuclear Weapons: A Catholic Response. Walter Stein (ed.). London. 1963. Pp. 44-52.
- A Pastoral Letter on War and Peace by the National Conference of Catholic Bishops. The Challenge of Peace: God's Promise and Our Response. Office of Pub. Services, United States Catholic Conference, 1983.
- Benbaji Y. The Moral Power of Soldiers to Undertake the Duty of Obedience // Ethics. 2011. Vol. 122. No. 1. P. 43-73.
- Benbaji Y. The Responsibility of Soldiers and the Ethics of Killing in War // The Philosophical Quarterly. 2007. Vol. 57, No. 229. Pp. 558-572.
- Bentham I. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Ontario: Batoche Books. Kitchener. 2000.
- Brandt R. Ethical Theory: The Problems of Normative and Critical Ethics. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. 1959.
- Brandt R. Toward a credible form of utilitarianism // H.N. Castañeda and G. Nakhnikian (eds.) Morality and the Language of Conduct. Detroit: Wayne State University Press, 1963.
- Christopher P. The Ethics of War and Peace: An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall. 1999.
- Cicero. De Officiis. London: William Heinemann Ltd; New York: G.P. Putnam's Sons. 1928.
- Cicero. Philippics 3-9. Berlin, New York: Walter de Gruyter. 2007.
- Coates A.J. The Ethics of War. Manchester: Manchester University Press. 1997.
- Cook M.L. Michael Walzer's Concept of 'Supreme Emergency' // Journal of Military Ethics. 2007. Vol. 6. No. 2. Pp. 138-151.
- Cook M.L. The Moral Warrior: Ethics and Service in the U.S. Military. Albany: State University of New York Press. 2004.

- Cox R. The Ethics of War up to Thomas Aquinas // The Oxford Handbook of Ethics of War, ed. Lazar S., Frowe H. P. 2015.
- Craig L.H. The War Lover: A Study of Plato's Republic. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
- Doyle M. Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs // Philosophy and Public Affairs. 1983. Vol. 12. No. 3. Pp. 205-235.
- Doyle M. Ways of War and Peace. New York: W.W. Norton. 1997.
- Edrei A. Spirit and Power: Rabbi Shlomo Goren and the Military Ethic of the Israel Defence Force // Theoretical Inquiries in Law. 2005–2006. Vol. 7. Pp. 255-297.
- Elshtain J. B. Just War Against Terror: The Burden Of American Power In A Violent World. New York: Basic Books. 2003.
- Fotion N. Military Ethics: Looking Toward the Future. Stanford, CA: Hoover Inst Pr. 1991.
- Fotion N. Moral Obligation & the Military. Washington, DC: National Defense University Press. 1988.
- Fotion N. Two Theories of Just War // Philosophia. Vol. 34. No. 1. 2006. Pp. 53-64.
- Fotion N. War and ethics: a new just war theory. New York: Continuum. 2007.
- Fotion N., Kashnikov B., Lekea J. K. Terrorism. The New World Disorder. New York: Continuum. 2008.
- Frowe H. Defensive Killing: An Essay on War and Self-Defence. Oxford: Oxford University Press. 2014.
- Frowe H. The Ethics of War: an Introduction. Abingdon: Routledge. 2011.
- Gentili A. De iure belli libri tres. Oxford: Clarendon Press. 1877.
- Grotius H. De iure praedae commentaries. Oxford: Clarendon Press. 1950.
- Grotius H. Mare Liberum. New York: Oxford University Press, American Branch. 1916.
- Haggenmacher P. Grotius et la doctrine de la guerre juste. Paris: Presses Universitaires de France. 1983.
- Helgeland J., Daly R. J., Patout Burns J. Christians and the Military: The Early Experience. London: SCM Press. 1987.
- Hobbs A. Plato on War // Dominic Scott (ed.), Maieusis: Essays in Ancient Philosophy in Honour of Myles Burnyeat. Oxford/New York: Oxford University Press. 2007.

- Hooker B.* Ideal Code, Real World. Oxford: Claredon Press. 2002.
- Holmes R.* The Ethics of Nonviolence: Essays by Robert L. Holmes. New York: Bloomsbury. 2013.
- Ignatieff M.* Virtual War: Kosovo and Beyond. New York: Picador, 2001.
- Johnson J.T.* Ethics and the Use of Force: Just War in Historical Perspective. Surrey: Ashgate. 2011.
- Johnson J. T.* The Quest for Peace: Three Moral Traditions in Western Cultural History. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1987.
- Just and Unjust Warriors: The Moral and Legal Status of Soldiers.* New York: Oxford University Press. 2008.
- Justenhoven H.-G., Stüben J.* Kann Krieg erlaubt sein? Eine Quellensammlung zur politischen Ethik der Spanischen Spätscholastik. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006.
- Kumankov A.* Humanism as Casus Belli: Carl Schmitt's Criticism of Just War Theory // Russian Sociological Review. 2015. Vol. 14. No. 4. pp. 77-91.
- Kumankov A.* Minimal Justice and Regime Change in Brian Orend's Political Ethics / NRU Higher School of Economics. Series WP20 "Философия и исследования культуры". 2016.
- Lee S.* Ethics and War: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press. 2012.
- Lucas G. R. Jr.* 'Methodological Anarchy': Arguing about War and Getting It Right. Brian Orend, The Morality of War // Journal of Military Ethics. 2007. Vol. 6. No. 3. Pp. 246-252.
- Lunde H.* Hitler's pre-emptive war: The Battle for Norway, 1940. Newbury: Casemate Publishers. 2009.
- Masek L.* All's Not Fair in War: How Kant's Just War Theory Refutes War Realism // Public Affairs Quarterly. 2002. Vol. 16. No. 2. Pp. 143-154.
- Mattox J.M.* Saint Augustine and the Theory of Just War. London: Continuum. 2006.
- McKenna J. C.* Ethics and War: A Catholic View // American Political Science Review. 1960. Vol. 54. No. 3. Pp. 647-658.
- McMahan J.* Aggression and Punishment // May L (ed.). War: Philosophical Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. Pp. 67-84.

- McMahan J.* Collectivist Defenses of the Moral Equality of Combatants // *Journal of Military Ethics*. 2007. Vol. 6. No. 1. Pp. 50-59.
- McMahan J.* Innocence, Self-Defense, and Killing in War // *The Journal of Political Philosophy*. 1994. Vol. 1. No. 3. Pp. 193-221.
- McMahan J.* Just Cause for War // *Ethics and International Affairs*. 2005. Vol. 19. no. 3. Pp. 1-21.
- McMahan J.* *Killing In War*. Oxford: Clarendon Press. 2009.
- McMahan J.* Liability and Collective Identity: A Response to Walzer // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. Issue 1. P. 13-17.
- McMahan J.* On the Moral Equality of Combatants // *The Journal of Political Philosophy*. 2006. Volume 14. Number 4. Pp. 377-393.
- McMahan J.* Self-Defense and the Problem of the Innocent Attacker // *Ethics*. 1994. Vol. 104. No. 2. Pp. 252-290.
- McMahan J.* The Ethics of Killing in War // *Ethics*. 2004. Vol. 114. No. 4. Pp. 693-733.
- McMahan J.* *The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life*. New York: Oxford University Press, 2002.
- McMahan J.* *The Ethics of Killing: Self-Defense and Punishment*. New York: Oxford University Press (under contract).
- McMahan J.* *The Ethics of Killing: War*. New York: Oxford University Press (under contract).
- McMahan J.* *The Morality of Nationalism*. New York and Oxford: Oxford University Press. 1997.
- McMahan J.* *The Right Way to Fight*. New York: Oxford University Press (under contract).
- McMahan J.* War as Self-Defense // *Ethics and International Affairs*. 2004. Vol. 18. No. 1. Pp. 13-18.
- Mill J.S.* A Few Words on Non-Intervention // *Foreign Policy Perspectives*. 1988. No. 8. Pp. 1-6.
- Molina L.* *De Justitia et Jure, Opera Omnia*. M.M. Bousquet. 1733.
- Münkler H.* *Die neuen Kriege*. Reinbek: Rowohlt. 2004.
- Luban D.* Preventive War // *Philosophy & Public Affairs*. 2004. Vol. 32. No. 3. Pp. 207-248.
- Nagel T.* War and Massacre // *Philosophy and Public Affairs*. 1972. Vol. 1. No. 2. Pp. 123-144.
- Niebuhr R.* *Moral Man and Immoral Society: A Study in Ethics and Politics*. Louisville, KY: Westminster John Knox Press. 2013.

- Orend B.* Human Rights: Concept and Context. New York: Broadview Press. 2002.
- Orend B.* Introduction to International Studies. Oxford: Oxford University Press. 2012.
- Orend B.* Kant's ethics of war and peace // Journal of Military Ethics. 2004. Vol. 3. No. 2. Pp. 161-177.
- Orend B.* Kant's Just War Theory // Journal of the History of Philosophy. 1999. Vol. 37. No.2. Pp. 323-353.
- Orend B.* Michael Walzer on Resorting to Force // Canadian Journal of Political Science. 2000. Vol. 33. No. 03. Pp. 523-547.
- Orend B.* Michael Walzer on War and Justice. Cardiff: University of Wales Press. 2000.
- Orend B.* On War: A Dialogue. Lanham: Rowman Littlefield. 2008.
- Orend B.* The Morality of War. New York: Broadview Press. 2006.
- Orend B.* War and International Justice: a Kantian Perspective. Waterloo: Wilfrid Laurier University Press. 2000.
- Pufendorf S.* De jure naturae et gentium libri octo. Londini Scaenorum: Sumtibus Adami Junghans iprimebat Vitus Haberegger. 1672.
- Pufendorf S.* De Officio Hominis et Civis Juxta Legem Naturalem. New York: Oxford University Press. 1927.
- Ramsey P.* The Just War: Force and Political Responsibility. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2002.
- Reading Walzer /Ed. Edited by Y. Benbaji, N. Sussmann. Abingdon: Routledge. 2014.
- Reichberg G.* Culpability and Punishment in Classical Theories of Just War // Just War: Authority, Tradition, and Practice. Ed. by Lang A. F., O'Driscoll C., Williams J. Washington, DC: Georgetown University Press. 2013.
- Reichberg G.* Historiography of Just War Theory // The Oxford Handbook of Ethics of War, ed. Lazar S. and Frowe H. P. 2015.
- Reichberg G.* Thomas Aquinas on War and Peace. Cambridge: Cambridge University Press. 2016.
- Rodin D.* War and Self-Defense. Oxford: Clarendon Press. 2004.
- Rodin D.* War, Torture and Terrorism: Ethics and War in the 21st Century. Oxford: Blackwell. 2007.
- Ross W. D.* The Right and the Good. Oxford: Oxford University Press, 2002.

- Rummel R.* Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers. 1997.
- Russel F.H.* The Just War in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press. 1975.
- Russett B.* Grasping the Democratic Peace. Princeton: Princeton University Press. 1993.
- Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia iussu impensaque Leonis XIII, vol. 8. Rome: Editori di San Tommaso. 1895.
- Saint-Pierre C.* Projet pour rendre la paix perpetuelle en Europe. A. Schouten. 1713.
- Schwartz M., Swain J.* Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis. Congressional Research Service. 2011.
- Shell S.M.* Kant on Just War and 'Unjust Enemies': Reflections on a 'Pleonasm' // Kantian Review. 2005. Vol. 10. Pp. 82-111.
- Shue H., Rodin D.* Preemption: Military Action and Moral Justification, Oxford: Oxford University Press. 2007.
- Sidgwick H.* The Elements of Politics. New York: Cosimo. 2005.
- Sidgwick H.* The Methods of Ethics. 7th edn. Indianapolis; Cambridge: Hacket Publishing Company. 1981.
- Singer P.W.* Wired for War. The Robotics Revolution and 21st Century Conflict. New York: The Penguin Press. 2009.
- Suarez F.* Opera omnia, 28 vols. Vol. xii. Paris: Vive's. 1858.
- Syse H.* Religious Ethics, Christianity, and War // Nordic Journal of Applied Ethics. 2009. Etikk I Praksis 3(1). Pp. 49-58.
- Syse H.* The Moral Equality of Combatants // The Ashgate Research Companion to Military Ethics, Johnson J.T., Patterson E. (eds.). Farnham: Ashgate, 2015, pp. 259-270.
- The Ethics of War: Classic and Contemporary Readings. Edited by Reichberg G.M., Syse H., and Begby E. Oxford: Blackwell. 2006.
- The History of Medieval Canon Law in the Classical Period, 1140-1234: from Gratian to the decretals of Pope Gregory IX. Eds. W. Hartmann, K. Pennington. Washington, D.C.: Catholic University of America Press, 2008.
- The Works of Saint Augustine. Vol. II/1. Letters 1-99. New York: New City Press. 2001.

- Tooke J. The just war in Aquinas and Grotius. London: S.P.C.K. 1965.
- Tuck R. Introduction // Grotius H. The Rights of War and Peace, Books I–III. Indianapolis: Liberty Fund. 2005.
- Tuck R. The Rights of War and Peace. Political Thought and the International Order from Grotius to Kant. Oxford: Oxford University Press. 1999.
- Vreeland H. Jr. Hugo Grotius: the Father of the Modern Science of International Law. New York: Oxford University Press. 1917.
- Vitoria F. Relectiones theologicae. Matriti, 1725.
- Walzer M. Arguing about War. New Haven & London: Yale University Press. 2006.
- Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustration. New York: Basic Books. 2015.
- Walzer M. Response to Jeff McMahan // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. Issue 1. Pp. 19–21.
- Walzer M. Terrorism and Just War // *Philosophia*. 2006. Vol. 34. Issue 1. Pp. 3–12.
- Walzer M. Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press. 1994.
- Walzer M. War and Peace in the Jewish Tradition / The Ethics of War and Peace, ed. Terry Nardin. Princeton: Princeton University Press. 1996. Pp. 95–114.
- Walzer M. World War II: Why Was This War Different? // *Philosophy and Public Affairs*. 1971. No. 1. Pp. 3–21.
- Williams H. Kant and the End of War: A Critique of Just War Theory. New York: Palgrave Macmillan. 2012.
- Wolff C. Ius Gentium Methodo Scientifica Pertractatum, In Quo Ius Gentium Naturale Ab Eo, Quod Voluntarii, Pactitii Et Consuetudinarii Est, Accurate Distinguitur. Renger, 1749.
- Yoder J. H. War as a Moral Problem in the Early Church: The Historian's Hermeneutical Assumptions // The Pacifist Impulse in Historical Perspective. Dyck H. L. (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 1996. Pp. 90–110.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Краткая история теории справедливой войны	17
Глава 2 Майкл Уолцер — патриарх современной теории справедливой войны	96
Глава 3 Две теории справедливой войны Н. Фоушина	140
Глава 4 Б. Оренд: этика войны минимально справедливых государств	179
Глава 5 Ревизионистская теория справедливой войны Дж. Макмахана	215
Заключение	247
Список литературы	253

Куманьков Арсений Дмитриевич

Современные классики теории справедливой войны:

М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан

Главный редактор издательства

Игорь Александрович Савкин

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Печатается с готового оригинал-макета

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 86 А, оф. 536

Тел. +7-921-951-98-99, Савкина Татьяна Михайловна,

+7-911-820-22-47, Галина Михайловна, склад

Редакция издательства «Алетейя»:

СПб, 9-ая Советская, д. 4, офис 304,

тел. (812) 577-48-72, aletheia92@mail.ru

Отдел продаж: fempro@yandex.ru, тел. +7-921-951-98-99

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83

«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

«Фаланстер», М. Гнезниковский пер., 12/27. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21

«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16

Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6

Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Экономпресс», ул. Толбухина, 11. Тел. +37 529 685-70-44, shop@literature.by

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,

ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»

Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

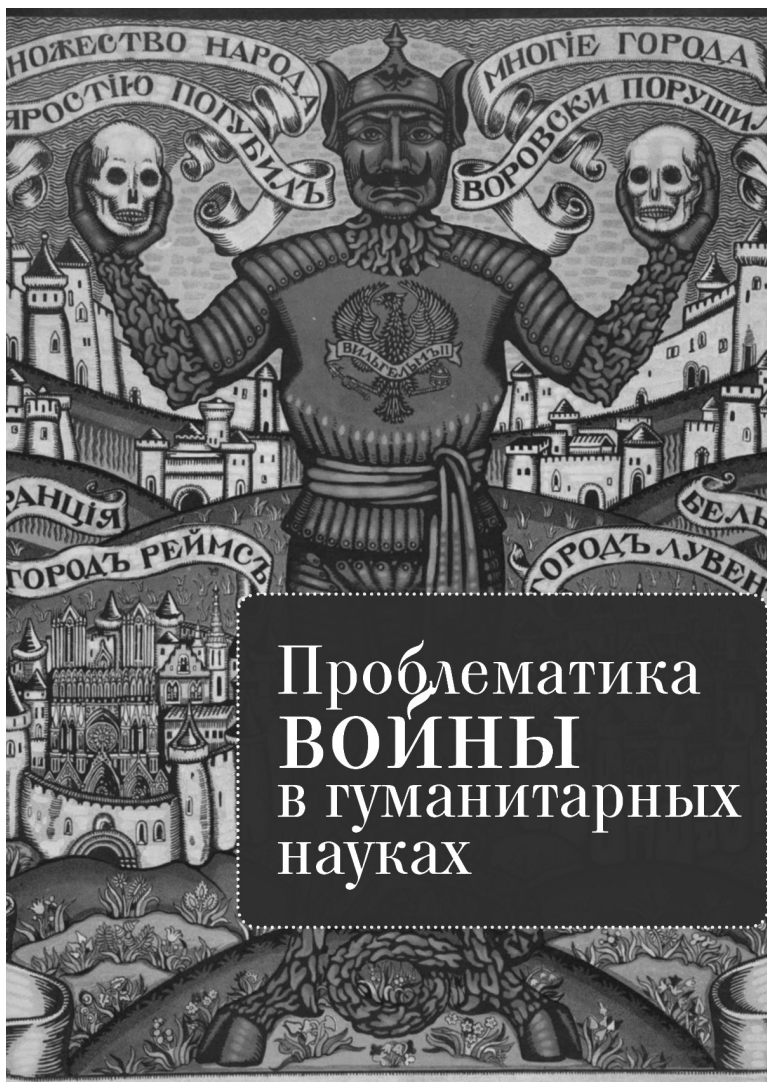
Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 60х88 1/16. Усл. печ. л. 16,38. Печать офсетная.

Тираж 500 экз.

Заказ №

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

Проблематика
ВОЙНЫ
в гуманитарных
науках